

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
МОУВО
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

**ХУРСАНОВА НОДИРА НИГМАТОВНА
РОЛЬ И МЕСТО РУССКОГО ЯЗЫКА В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ)**

Специальность: 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Шамбезода Х.Дж.

Душанбе – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	14
1.1 Роль и место русского языка в мире в советский и постсоветский периоды.....	14
1.2 Функционирование русского языка на постсоветском пространстве в контексте геополитических интересов России.....	43
1.3 Реализация государственной политики Республики Таджикистан в сфере укрепления позиции русского языка.....	68
1.3.1 Русский язык в сфере образования и науки Республики Таджикистан.....	77
1.3.2 Роль русского языка в сфере средств массовой информации Республики Таджикистан.....	90
Выводы по первой главе.....	93
ГЛАВА II. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН. БИЛИНГВИЗМ И ПОЛИЛИНГВИЗМ. ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ.....	98
2.1 Билингвизм и полилингвизм: подходы к определению.....	98
2.2 Социолингвистическое исследование современного уровня таджикско- русского двуязычия.....	106
2.3 Заимствование как результат языковых контактов носителей русского и таджикского языков.....	118
Выводы по второй главе.....	142
ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА.....	148
3.1 Языковая интерференция в русской речи таджиков.....	149
3.1.1 Звуковая (фонетическая) интерференция в русской речи таджика- билингва.....	156
3.1.2 Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на примере письменных работ студентов).....	174

3.1.3 Лексическая интерференция в русской речи таджиков (на материале письменных работ студентов).....	204
Выводы по третьей главе.....	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	223
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	233

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире языковая политика и функционирование языков в многоязычных обществах становятся важными аспектами социолингвистического анализа. Республика Таджикистан, в своём историческом и культурном контексте, ставшая частью постсоветского пространства, сохранила влияние русского языка в различных сферах – от образования до средств массовой коммуникации. Русский язык в Республике Таджикистан функционирует как связующее звено между различными этническими группами, что делает его важным элементом социальной интеграции.

Одним из основополагающих понятий данного направления является билингвизм. Проблема русско-таджикского билингвизма в Республике Таджикистан является актуальной и многогранной темой, касающейся как лингвистических, так и социокультурных аспектов. В мире существует множество регионов и стран, где сосуществуют несколько языков, и использование двух (или более) языков может привести к различным вызовам.

К основным аспектам проблемы двуязычия можно отнести:

- 1) лингвистические аспекты: интерференционные ошибки на всех уровнях языка – фонетическом, грамматическом и лексическом;
- 2) социокультурные аспекты: в ситуации двуязычия один из языков может стать доминирующим, что может привести к угасанию другого языка, особенно если он не поддерживается обществом;
- 3) политические аспекты: разные страны применяют различные языковые политики; экономические или политические факторы могут влиять на статус и использование языков.

Проблема двуязычия требует комплексного подхода, учитывающего лингвистические, культурные и социальные аспекты. Устойчивое развитие двуязычия возможно только при условии уважения к языковому и культурному

многообразие, а также при наличии эффективных образовательных систем и языковой политики.

Актуальность исследования состоит в том, что проблема языковых контактов является особенно актуальной в свете глобализации и увеличения миграционных процессов, которые приводят к более частому взаимодействию между различными языками и культурами. В условиях языкового разнообразия и многокультурности двуязычие и многоязычие приобретает особое значение как в научных исследованиях, так и в практическом применении.

Актуальность данной темы также обусловлена необходимостью изучения явлений, связанных с многоязычием. В многоязычных обществах, где существует несколько языков, интерференция становится естественным следствием взаимодействия, и её понимание важно для разработки эффективных методик обучения и координации языковой политики.

Изучение самого распространённого типа двуязычия в Таджикистане – таджикско-русского – влечёт за собой ряд других исходящих из данного процесса проблем, среди которых значимой представляется проблема интерференции. В процессе изучения русского языка интерференция может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на русскую речь таджиков. Повышение осведомлённости о проявлениях интерференции предоставляет возможность оптимизировать преподавание языков, адаптируя методики под уникальные особенности учащихся.

Понятие интерференции в рамках теории языковых контактов помогает глубже понять механизмы, через которые языки влияют друг на друга. Это включает как лексико-семантические изменения, так и фонетические и грамматические трансформации. Изучение интерференции предоставляет возможность анализировать не только отдельные языковые элементы, но и более широкий контекст речевой деятельности, включая интонационные и

акцентуационные особенности, которые возникают в процессе языкового контакта.

В целом, исследование билингвизма в рамках теории языковых контактов представляется востребованным и необходимым для более глубокого понимания языковых процессов, происходящих в многоязычных обществах, и участия в научном дискурсе о роли языков в современном мире.

Степень разработанности темы. Таджикско-русское двуязычие в советский период был при всей важности проблемы изучен незначительно. В этом плане наиболее значимым исследованием представляется монография Р.И. Хашимова «Таджикско-русское двуязычие», работа Шамбезода Х.Дж. («Социолингвистическое исследование современного уровня таджикско-русского двуязычия»), малозначимые статьи других учёных. В большей степени внимание проблемам интерференционных явлений в русской речи таджиков-билингвов уделяли Р.И. Хашимов («Двуязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование»), Джабборов М.Т. («Социолингвистические аспекты таджикско-русского билингвизма в Республике Таджикистан»; «Глагольные фразеологические единицы русского языка и влияние интерференции в речи студентов-билингвов»; «Новые задачи обучения русскому языку в контексте модернизации вузовского образования»), Касимова С.Дж. («Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на материале глагола)»), Агафонова М.П. («Динамика таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации супraseгментных единиц») и др. Несмотря на то, что в ряде исследовательских работ вышеперечисленных учёных рассматривается проблема интерференции, однако исследование интерференционного процесса на всех уровнях языка базируется на работах Р.И. Хашимова («Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект)»; «Становление и функционирование таджикско-русского двуязычия (социолингвистический аспект)»: дисс. ... д-ра филол.наук; «Судьба родного языка при билингвизме и многоязычия» (соавтор

Шамбезода Х.Дж.); «Об интерференции в речи детей-билингвов»; «Второязычная речь как объект контрастивной лингвистики»; «Идентификация при билингвизме и некоторые вопросы интерференции» и др.). Вклад доктора филологических наук, профессора Р.И. Хашимова в разработку данной проблемы трудно переоценить.

В постсоветский период в связи с обострением национально-языковых проблем и придание статуса государственного языка таджикскому языку интерес к языковой ситуации и языковой политике усилился. Среди наиболее значимых работ следует выделить докторскую диссертацию А.А. Нозимова «Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы развития», монографию доктора филологических наук, профессора Шамбезода Х.Д. «Функциональная дистрибуция языков малых народностей в условиях многоязычия (на материале шугнанского языка)», его докторская диссертация «Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума: на материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении», статья «Положение русского языка в республике Таджикистан (по данным социологического исследования)», коллективная монография Шамбезода Х.Д., Дубовицкой И.М., Гусейновой Т.В. «Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистан». Значимыми представляются статьи известных учёных: Нагзибекова М.Б. «Русский язык в Таджикистане», Эгамзод М. «Мифы и факты о русском языке в Таджикистане», Усмонов Р. А. «Русский язык в культуре и политике Таджикистана» и многих других.

Объектом исследования является функционирование русского языка в Республике Таджикистан.

Предметом исследования является анализ состояния таджикско-русского двуязычия на современном этапе и исследование интерференционных явлений в русской речи таджиков-билингвов. Данное исследование также направлено на выявление и анализ русских

заимствований в таджикском языке (как прямых, так и опосредованных) для изучения их характера, адаптации и функций.

Цель данного диссертационного исследования – исследовать и проанализировать функционирование русского языка в Республике Таджикистан, выявить основные тенденции его использования, а также рассмотреть последствия этого процесса для языковой и культурной идентичности. Выявить и проанализировать потенциальное и реальное поле интерференции в русской речи носителей таджикского языка на всех языковых уровнях.

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих **задач:**

1) изучить и проанализировать теоретические основы и концептуальные подходы к проблематике роли и статуса русского языка в глобальном лингвистическом контексте;

2) исследовать и описать процессы функционирования русского языка на постсоветском пространстве;

3) Проанализировать реализацию государственной языковой политики Таджикистана, направленной на укрепление позиций русского языка;

4) провести социолингвистическое исследование с целью определения роли и статуса русского языка среди его носителей в соответствующем сообществе;

5) определить лингвистическую роль и место русизмов в лексической системе таджикского языка, выявив их функциональные и структурные особенности;

6) провести социолингвистический эксперимент, направленный на выявление интерференционных явлений в русской речи носителей таджикского языка на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Научная новизна исследования заключается в том, что проведено комплексное исследование состояния русского языка в Республике

Таджикистана с параллельным многоаспектным исследованием интерференции на всех уровнях языка (фонетическом, лексическом и грамматическом). Новизна исследования также состоит в определении русской заимствованной лексики в таджикском языке. Данное исследование направлено на углубление понимания динамики функционирования русского языка в условиях многоязычного и мультикультурного контекста Таджикистана, что, в свою очередь, может способствовать лучшему пониманию процессов языковой смены, адаптации и интерференции в современном мире.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие социолингвистической теории, расширяя представления о функционировании русского языка в поликультурном и полиэтническом пространстве постсоветского региона. Работа обогащает научные представления о механизмах языкового взаимодействия в условиях официального билингвизма и о факторах, влияющих на статус и реальное функционирование русского языка в Республике Таджикистан.

Исследование способствует развитию теоретико-методологических подходов к изучению языковой ситуации и политики, процессов языковой адаптации и межъязыкового взаимодействия. В рамках анализа функционирования русского языка в конкретном социокультурном контексте предложены уточнения понятий «языковая ситуация», «языковой статус», «функциональная стратификация языка», а также рассмотрены специфические черты языковой динамики в постсоветском пространстве.

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего теоретического осмысления процессов сохранения и трансформации роли русского языка в многоязычных обществах, а также при разработке моделей языкового взаимодействия в условиях социальной и политической трансформации.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты исследования могут использоваться в преподавании дисциплины «Основы языкознания», «Общее языкознание», «Социолингвистика», «Лексикология», «Лексикография», «Русский язык», «Межкультурная коммуникация», «Этимология» и т.д.

Материалами исследования послужили проведённый социологический опрос, социолингвистический эксперимент, записи устной речи носителей таджикского языка, письменные задания, русско-таджикский и таджикско-русские словари, толковые словари русского и таджикского языков, произведения русских классиков, а также примеры, взятые из Русского учебного корпуса, созданного профессором Е.В. Рахилиной [<http://web-corpora.net/RLC/search>].

Методология и методы исследования. В процессе работы использованы общенаучные, лингвистические методы и методы обработки материала: описательный метод, сравнительный метод, сопоставительный метод, метод социолингвистического анкетирования, методы количественного и качественного анализа.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Русский язык в Республике Таджикистан занимает позицию языка межнационального общения, играя ключевую роль в социальной, культурной, образовательной и других сферах.

2. Русский язык сохраняет значимость в образовательной системе Таджикистана практически на всех образовательных уровнях, важен как язык научной коммуникации, публикаций и международного академического сотрудничества. Во многих вузах функционируют русскоязычные факультеты, а знание русского языка способствует доступу к широкой научной литературе и источникам, недоступным на таджикском языке. В целом, русский язык выполняет функцию ключевого инструмента в процессе профессиональной подготовки и научных исследований.

3. В СМИ Таджикистана русский язык занимает устойчивые позиции, особенно в городских регионах. В республике действуют русскоязычные печатные издания, телеканалы, радиостанции и интернет-платформы, ориентированные как на местную аудиторию, так и на русскоязычную диаспору. Русский язык используется в новостных и аналитических передачах, интервью, а также в развлекательных и образовательных программах. Это обеспечивает населению доступ к широкому информационному пространству, способствует поддержанию уровня владения языком и играет важную роль в формировании общественного мнения и межкультурной коммуникации.

4. Билингвизм и полилингвизм, являясь результатом интенсивных языковых контактов, способствуют не только расширению коммуникативных возможностей индивида, но и формируют особую языковую среду, в которой систематически проявляется языковая интерференция – перенесение структур одного языка в другой. В рамках теории языковых контактов интерференция рассматривается как закономерное лингвистическое явление, затрагивающее все уровни языка (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический) и отражающее степень устойчивости, направленности и глубины взаимодействия между языковыми системами. Анализ интерференции позволяет более точно определить тип и уровень билингвизма, а также выявить механизмы языковой адаптации и трансформации в условиях полилингвального пространства.

5. Лексическое заимствование выступает одним из основных и наиболее заметных результатов языковых контактов между русским и таджикским языками. В условиях длительного билингвизма и активного межъязыкового взаимодействия в таджикский язык вошло значительное количество русизмов, преимущественно в сферах техники, образования, науки, административной и бытовой лексики. Эти заимствования адаптируются к фонетическим и лексическим нормам таджикского языка, становясь неотъемлемой частью современной городской речи. Заимствования,

в свою очередь, служат показателем языковой и культурной доминанты, отражая социолингвистическую реальность и степень влияния русского языка в различных коммуникативных контекстах.

Степень достоверности и апробация результатов. Ключевые положения и выводы работы были представлены и обсуждены на ряде научных конференций, посвящённых актуальным вопросам теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, а также в рамках специализированных научных семинаров и круглых столов.

Среди значимых мероприятий, на которых осуществлялась апробация исследования, следует отметить следующие: ежегодные научно-практические конференции «Славянские чтения» (2021-2025 гг.), на научно-практическая международная конференция «Лингвистика XXI века: проблемы, перспективы, инновационные направления» (2024 г.), круглый стол «Состояние и перспективы развития социологической науки в Таджикистане» (27 ноября 2024 года), научно-практическая конференция «Современные проблемы прикладной лингвистики в Республике Таджикистане» (15 апреля 2025 года), Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современности: взгляд молодежи», посвященной дню молодежи Таджикистана» (23 мая 2025). Материалы исследования были апробированы на заседаниях кафедры теоретического и прикладного языкознания факультета иностранных языков РТСУ. По материалам исследования опубликовано 6 работ, среди них 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой научной литературы. Общий объем составляет 240 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА I. РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.1 Роль и место русского языка в мире в советский и постсоветский периоды

Язык представляет собой важнейшую этнокультурную ценность, поскольку он выполняет функцию интеграции, объединяя представителей различных этносов в рамках единого языкового сообщества. Он выступает неотъемлемым фактором существования этноса, способным консолидировать социальные группы на основе общего лингвистического кода. В то же время язык может выполнять дезинтеграционную функцию – быть инструментом социальной и этнической дифференциации, служить фактором конфликта или, напротив, способствовать укреплению моральных и культурных основ общества.

На протяжении всей истории язык выступал и продолжает выступать значимой политической силой. В рамках иллокутивной функции он становится средством политического воздействия, оказывая влияние на общественное сознание и поведение. В этом контексте язык рассматривается как одновременно инструмент и объект политической деятельности. Как орудие политического влияния, язык используется в целях реализации конкретных политических задач, формируя общественные настроения и управляя социальными процессами.

Роль и место русского языка в советский и постсоветский периоды – это история трансформации от статуса языка сверхдержавы и «дружбы народов» до языка геополитического влияния и крупнейшего по распространённости языка в Европе. В советскую эпоху русский язык занимал уникальное, доминирующее положение внутри СССР и имел растущее влияние в мире. Прежде всего, он был языком государственного строительства и унификации. И хотя формально в СССР провозглашалось

равенство всех языков, русский де-факто выполнял функции государственного языка. Он был языком общесоюзного законодательства, центрального правительства, армии и флота. Понятие язык «межнационального общения», сформулированный в советский период, было ключевым в идеологии. Русский язык представлялся как инструмент, объединяющий более 100 наций и народностей на территории СССР, был языком дружбы и сотрудничества, а также приобщению к передовой советской культуре и науке. Через русский язык все достижения национальных республик выходили на мировой уровень.

Знание русского языка было одним из условий для получения высшего образования, продвижения по карьерной лестнице, особенно в науке, технике, партийной и государственной номенклатуре. Это создавало мощный социальный лифт и стимул для его изучения.

Несмотря на декларируемую поддержку национальных языков, с конца 1930-х годов проводилась политика мягкой силы. Это выражалось в переводе языков народов Средней Азии на кириллицу, в введении обязательного изучения русского языка во всех национальных школах, в увеличении доли преподавания на русском в вузах национальных республик, в доминировании русского языка в СМИ, литературе, кино.

В мире русский язык был языком глобальной сверхдержавы и коммунистической идеологии. В силу достаточно высокого авторитета СССР на мировой арене русский язык стал одним из языков мирового значения, языком одной из двух сверхдержав. Это обеспечивало ему престиж и практическую значимость. В странах соцлагеря, в Восточной Европе (СЭВ, Варшавский договор) русский язык был обязательным предметом в школах и вузах. Он был основным языком общения между политическими элитами этих стран. Через русский язык распространялись идеи марксизма-ленинизма, достижения советской науки и культуры. Издательство «Прогресс» активно выпускали литературу на русском по всему миру. СССР создавал и

финансировал сети курсов русского языка, общества дружбы, радиовещание (на русском вещали на весь мир). Были созданы институты им. А.С. Пушкина для преподавания русского как иностранного. В силу проводимой политики русский язык стал мощным консолидирующим фактором внутри СССР, но его продвижение часто шло в ущерб развитию национальных языков. В мире он ассоциировался с силой, страхом и идеологией, но также с великой культурой.

Распад СССР кардинально изменил статус и восприятие русского языка как внутри ближнего, так и дальнего зарубежья. Это самый сложный и неоднозначный процесс. Можно выделить несколько групп стран: страны, где русский сохранил высокий статус (Беларусь: статус второго государственного языка, Казахстан, Кыргызстан: статус официального языка, который широко используется в делопроизводстве, бизнесе, СМИ, Таджикистан: официально закреплён статус языка межнационального общения, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье: де-факто официальный язык. Страны, где статус русского снизился, но он остаётся важным языком коммуникации (Узбекистан, Туркменистан и др.). В целом в перечисленных странах произошёл демографический и лингвистический сдвиг. Младшее поколение, выросшее после 1991 года, часто владеет русским хуже или не владеет вовсе. Шло вытеснение русского из системы госуправления, образования (перевод школ на национальные языки), деловой и культурной сфер. Однако русский остаётся языком межнационального общения в крупных городах, важен для трудовых мигрантов, работающих в России, и для коммуникации со странами СНГ.

К странам, где русский был сильно ограничен, относятся страны Балтии. В Латвии и Эстонии русский, являясь родным для значительной части населения, не имеет официального статуса. Это привело к проблемам с гражданством и к системе образования на государственных языках. Здесь русский стал языком национального меньшинства.

В дальнем зарубежье утрата идеологической составляющей и статуса языка сверхдержавы привела к новым вызовам. Исчез идеологический каркас, на котором держалось его продвижение. Изучение русского языка в Восточной Европе резко сократилось, уступив место английскому и немецкому. Русский язык перешёл в категорию языка культуры и экономики. Интерес к русскому теперь связан с классической культурой, экономическими связями, туризмом, научным наследием, миграцией. Русский язык стал языком одной из крупнейших в мире диаспор (от Израиля и Германии до США и Канады).

Российская Федерация активно пытается поддерживать статус языка через Фонд «Русский мир» (открытие русских центров за рубежом), Россотрудничество (культурные и образовательные проекты), популяризацию через интернет и СМИ (Russia Today, Sputnik).

Русский язык занимает в пространстве Интернета уникальное и важное место, являясь одним из ключевых языков глобальной сети. Его роль можно охарактеризовать как крупный региональный лидер с глобальным влиянием. Русский язык стабильно входит в топ-10 самых используемых языков в Интернете по количеству контента и пользователей. По разным оценкам, он занимает 8-9 место.

Количество русскоязычных пользователей Интернета составляет более 110-120 миллионов человек. Это не только жители России, но и русскоязычное население стран СНГ, прибалтики, а также диаспоры по всему миру.

На русский язык приходится примерно 5-6% всего контента в Интернете. Это значительный объем, особенно если учесть, что более 50% всего контента приходится на английский язык. Русский — второй по распространённости язык на самых популярных сайтах после английского.

Русскоязычный сегмент интернета исторически является одним из самых развитых и самодостаточных национальных сегментов. Это означает,

что пользователи могут «жить» в полностью русскоязычной цифровой среде: со своими социальными сетями (ВКонтакте, Одноклассники), поисковиками (Яндекс), почтовыми сервисами, мессенджерами (Telegram), Интернет-магазинами, медиа и стриминговыми платформами.

Русский язык в Интернете является как бы культурным и информационным мостом русскоговорящих. Он служит главным инструментом для доступа к богатейшему культурному и научному наследию не только России, но и других народов, проживавших на территории бывшего СССР. Через русский язык переведены и доступны произведения многих национальных авторов.

Высокая концентрация квалифицированных IT-специалистов в русскоязычных странах привела к тому, что русский язык стал важным языком для программирования и разработок. Огромное количество документации, форумов и обучающих материалов выходит на русском. Русскоязычное хакерское сообщество известно во всем мире, что, с одной стороны, создаёт проблемы, а с другой – стимулирует развитие инструментов защиты. Практически любая крупная международная компания стремится локализовать свой продукт (софт, игра, приложение) на русский язык из-за огромного и платёжеспособного рынка.

Русский язык является одним из ключевых инструментов мягкой силы, а также полем для информационных войн и пропаганды. Правительство использует русскоязычные медиа (как государственные, так и негосударственные) для продвижения своей повестки дня как внутри страны, так и за рубежом. Это, безусловно, спорная, но очень значимая роль.

Несмотря на усиление государственного контроля над Рунетом, русский язык остаётся важным каналом для распространения независимых новостей, мнений оппозиции и критики власти (через YouTube-каналы, Telegram-каналы, независимые блоги). После полного блокирования многих

западных соцсетей в России, Telegram стал главной платформой для нецензурируемого общения и обмена информацией.

Русский язык в интернете демонстрирует высокую способность к адаптации и созданию неологизмов. Появилось множество специфических слов и калек с английского: «лайк», «репост», собачка «(@)», «облачное хранилище» (cloud storage), «провайдер».

С началом полномасштабной войны в Украине и последующими санкциями многие международные компании ушли с российского рынка, прекратили локализацию и поддержку сервисов. Это может постепенно снижать присутствие русского языка в глобальном цифровом пространстве. Русский язык в Интернете – это не просто язык общения большой группы людей. Это мощная экосистема с собственными платформами, сервисами и правилами, важный культурный и информационный хаб для всего постсоветского пространства и диаспор, активный участник технологического развития.

Несмотря на текущие геополитические противоречия и тенденции к изоляции, русский язык остаётся одним из важнейших мировых языков в цифровом пространстве, чьё значение определяется как размером аудитории, так и её активностью и технической грамотностью. События последних лет (после 2014 и особенно после 2022 года) приводят к дальнейшему снижению интереса к языку в западных странах по политическим причинам. Язык иногда начинает ассоциироваться не с культурой, а с политикой.

Таким образом, русский язык прошёл путь от инструмента строительства единого советского народа и экспорта идеологии до языка, чьё положение сегодня определяется сложным переплетением исторических связей, прагматических интересов и текущей геополитической конъюнктурой.

Выше буквально на нескольких страницах мы очертили тот круг вопросов, вокруг которых предположительно будет вестись наше исследование.

Языковая политика, наряду с национальной, является составной частью общей стратегии государства. Как отмечал А.Д. Швейцер, «языковая политика является частью общеполитического курса государства, будь то внутренняя политика по отношению к различным классам или социальным группам в национально-гомогенном государстве, или внешняя политика в отношении других стран и международных союзов, либо национальная политика в многонациональном государстве» [Швейцер, 1976: 8].

По мнению М.А. Арутюновой, «языковая политика – это составная часть государственной национальной политики, отражающая отношение власти к языковому вопросу, а также степень автономии народов. Государство, заинтересованное в сохранении существующей ситуации, может изменить её в пользу политической стабильности и защиты национальной идентичности различных групп населения» [Арутюнова, 2012:155]. Самым мощным и эффективным способом языковой политики является распространение единого государственного языка.

Языковая политика на протяжении всей истории российской государственности оставалась сферой особого внимания государства. Наиболее интенсивный этап её развития пришёлся на первую половину XX века, в период существования Советского Союза. Именно в это время был осуществлён масштабный комплекс мероприятий, направленных на формирование письменности для бесписьменных языков народов СССР. В рамках этой политики разрабатывались алфавиты, создавались грамматические и орфографические нормы, что способствовало институционализации и сохранению языкового многообразия.

Параллельно осуществлялась активная работа по ликвидации массовой неграмотности, что стало важной задачей государственной образовательной политики. Русский язык, в свою очередь, получил статус языка межнационального общения и использовался как основной инструмент в сфере образования, государственного управления и официального

делопроизводства. Таким образом, языковая политика советского периода сочетала в себе элементы поддержки языков народов СССР и одновременное продвижение русского языка как средства консолидации многонационального государства.

В последние годы изучением российской языковой политики уделялось большое внимание в работах таких учёных, как: В.М. Алпатов, А.Н. Баранов, Н.Б. Вахтин, Е.В. Перехвальская, М.Е. Костюк, В.Ю. Михальченко, А.Н. Баскаков, К.В. Бахнян, Е.М. Боровских, В.Г. Гак, М.В. Дьячков, М.И. Исаев, Н.Б. Мечковская, В.П. Нерозник, Л.Б. Никольский, В.М. Солнцев, О.В. Озаева, Т.Е. Жабелова, Е.Н. Калинина, Л.М. Мухарямова, Е.Б. Гришаева, М.Н. Губогло, М.И. Исаев, Э.А. Мирский, Т.Б. Крючкова, М.В. Дьячков, В.А. Тишков, А. Кушнир, Е.П. Челышев, А.А. Леонтьев, А.Н. Гаркавец, В.Г. Костомаров, В.В. Сафонова, М.Н. Арапов, А.А. Миролубов и др.

Роль русского языка в мире определялась ролью государства на политической арене, его достижениями в науке, культуре, искусстве, образовании и других значимых для развития общества сферами. Русский язык как один из мировых языков является официальным языком Организации объединённых наций, является официальным языком международных организаций, что указывает на значимость данного языка для мирового сообщества. В эпоху «холодной войны», когда шло противостояние двух государственных устройств – социализма и капитализма – Советский Союз объединял социалистический лагерь и русский язык в государствах соцлагеря был одним из распространённых языков. Однако не только это определяло роль русского языка на мировой арене. По меткому определению В.М. Алпатова «Мировая роль русского языка в то время имела, в первую очередь, три слагаемых, которые можно условно назвать «языком Ленина», «языком Гагарина» и «языком Достоевского»... Говоря о «языке Ленина», я имею в виду не только язык, на котором выражены коммунистические идеи,

но язык любых философских, политических, социальных идей, любых способов объяснения мира и планов его переустройства...Российская наука, безусловно, до некоторой степени сохраняет международное значение и сейчас, но все же и ее роль понизилась... Что касается литературы, то, конечно, русская классика остаётся значимой» [Алпатов, 2023:16-17]. Действительно, русская классическая литература играет и будет ещё не одно столетие играть исключительную роль в мировой литературе и культуре. «В последнее время процесс глобализации не только уменьшает количество мировых языков, но и сглаживает различия между мировыми и региональными культурными языками» [Алпатов, 2023:19]. В социолингвистике появилось и укрепляется новое видение мировых языков: мировыми считаются языки, численность говорящих на которых превышает 100 млн. человек. В этом плане русский язык в выигрышном положении, на нём говорят более 260 млн. человек.

Русский язык остаётся языком межнационального общения даже для тех, кто испытывает не совсем дружеские отношения к России и её языку. «На саммите НАТО в 2008 г. канцлер ФРГ А. Меркель и государственный секретарь США К. Райс стояли отдельно от мужчин и громко разговаривали между собой по-русски – на этом языке они обе говорят свободно» [Зыгарь, 2021: 188]. Сегодня русский язык как никогда требует серьёзной поддержки практически на всех уровнях, в особенности на государственном. Первый уверенный шаг сделан, когда была принята в 2015 году Концепция «Русская школа за рубежом», о значимости которой В.В. Путин отметил «Поддержка и продвижение за рубежом общего образования на русском языке является важным фактором гуманитарного и политического влияния Российской Федерации в мировом сообществе, служит укреплению позиций русского языка и распространению российской культуры в мире» [цит. по Зязиков, 2016:17].

Русский язык утрачивает некоторые свои позиции в Европе и Северной Америке, однако Россия повернулась лицом к Азии и Ближнему Востоку, стремительно расширяются экономические и культурные связи со странами Африки. Успешно развиваются отношения с Южной Америкой. Как никогда стремительно развиваются отношения практически во всех сферах с Китаем. По данным Института русского языка имени А.С. Пушкина, который провёл обширные исследования по анализу положения русского языка в мире и изложил во втором выпуске «Индекса положения русского языка в мире». Авторы отмечают, что «Русский язык продемонстрировал, с одной стороны, уязвимость перед лицом политических решений, а с другой – чрезвычайную жизнестойкость, динамичность. Русский – остался языком науки, культуры, образования, профессиональной деятельности стран Содружества. Но главное – на русском языке наши народы продолжили договариваться и строить общее будущее» [Индекс положения русского языка в мире, 2022:3]. Коллектив авторов проделал колоссальную работу и определил место русского языка среди мировых языков по наиболее значимым для определения роли русского языка параметрам.

Одним из важных признаков для реального функционирования языка в мировом пространстве является численность его носителей. Мы уже отмечали выше, что по разным данным число говорящих на русском языке колеблется от 250 до 285. Цифра не очень большая, так как число изучающих русский язык за рубежом стремительно падает, а роль России в новых для неё регионах ещё не так высока. В 2018 году эксперты Министерства образования и науки недвусмысленно указали на то, что количество иностранцев, занимающихся русским языком после распада СССР снизилось на 50%. Не утешительным был также и прогноз на ближайшее будущее: к 2025 году, то есть к настоящему времени, число говорящих на русском языке составит 2,7% от доли численности населения мира, а к 2050 году составит только чуть более 1,4%. Прогноз на 2025 год не свершился: 2.7 % от населения земли

составляет около 220 млн. человек, а владеющих по самым скромным расчётам более 280 млн. Очень бы хотелось, чтобы прогноз на 2050 год был таким же ошибочным. На сегодня русский язык по численности носителей занимает восьмое место среди мировых языков (здесь и далее нами используются итоги исследования Института русского языка им. А.С. Пушкина «Индекса положения русского языка в мире»):

Таблица 1.

**Наиболее распространённые языки мира по численности носителей
(2022)**

№	Языки	Носители
1.	Английский	1 348
2.	Китайский	1 120
3.	Хинди	600
4.	Испанский	543
5.	Арабский	274
6.	Бенгали	268
7.	Французский	267
8.	Русский	258
9.	Португальский	257,6
10.	Урду	230
11.	Немецкий	135
12.	Японский	126

Если мы ведём разговор о роли русского языка в мире, то, на наш взгляд, значимым представляется использование русского языка в качестве рабочего в международных организациях. По данному критерию русский язык занимает достаточно высокое место – четвертое.

Таблица 2.

**Позиция языков по количеству международных организаций, где
они имеют официальный или рабочий статус (2022)**

№	Язык	Количество организаций, в которых данный язык – официальный/рабочий
1.	Английский	23
2.	Французский	21

3.	Испанский	19
4.	Русский	15
5.	Арабский	14
6.	Китайский	12
7.	Португальский	2

Очень важным показателем престижности языка является число публикаций на данном языке в международных базах данных. По указанному показателю русский язык также занимает хорошую позицию – пятое место.

Таблица 3.

Количество публикаций по языкам в международных научных базах данных (2022)

Позиция в индексе-2022	Язык	Количество публикаций
1	Английский	6 867 316
2	Китайский	108 066
3	Испанский	67 701
4	Немецкий	51 610
5	Русский	37 303
6	Французский	30 772
7	Португальский	21 489
8	Японский	6 941
9	Арабский	422

Достаточно важным является число пользователей языков в сети Интернет. Данный показатель, кроме количества пользователей, является показателем количества публикаций на данном языке. Конечно, нельзя по

данному показателю русский язык сравнивать с английским и китайским языками, однако, что касается других языков, русский язык вполне конкурентоспособен.

Таблица 4.

Число пользователей Интернета по языкам и доля от общей численности пользователей (2022)

Позиция в индексе- 2022	Язык	Число пользователей Интернета по языку	Доля пользователей Интернета на языке в общей численности пользователей (%)
1	Английский	1 186 451 052	25,9
2	Китайский	888 453 068	19,4
3	Испанский	363 684 593	7,9
4	Арабский	237 418 349	5,9
5	Хинди*	200 000 000	4,4
6	Португальск ий	171 750 818	3,7
7	Французски й	151 733 611	3,3
8	Японский	118 626 672	2,6
9	Русский	116 353 942	2,5
10	Бенгали*	95 000 000	2,1
11	Немецкий	92 525 427	2,0
12	Урду*	25 000 000	0,5

Коллектив авторов Института русского языка имени А.С. Пушкина (А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель), используя приведённые нами параметры (нами использованы именно исследование указанных авторов) и несколько других составили сводную таблицу конкурентоспособности для двенадцати мировых языков, где русский язык занимает пятое место.

Таблица 5.

Позиция в индексе - 2022	Язык	1. Число говорящих на языке	2. Международные организации	3. Научные публикации	4. СМ И	5. Число пользователей Интернета	6. Доля сайтов в Интернете
1	Английский	1	1	1	1	1	1
2	Испанский	4	3	3	3	3	3
3	Китайский	2	6	2	8	2	7
4	Французский	7	2	6	2	6	4
5	Русский	8	4	5	7	9	2
6	Арабский	5	5	9	9	4	8
7	Португальский	9	7	7	5	5	9

	ьский						
8	Немецки й	11	8	4	4	11	5
9	Японски й	12	8	8	6	8	6
10	Хинди	3	8	11	10	7	10
11	Бенгали	6	8	12	11	10	11
12	Урду	10	8	10	12	12	12

Судя по сводной таблице, русский язык в настоящее время занимает достойную позицию среди мировых языков, хотя потенциальные возможности языка для повышения роли на мировой арене не до конца использованы. Языковая политика России должна быть направлена на использование всех рычагов реального присутствия русского языка за пределами самого государства. «Великое будущее нашей страны, лидирующая роль России на международной арене в условиях новой конфигурации сил и многополярности мира, несомненно будет сопровождаться существенным ростом значения и звучания русского языка. В перспективе русский язык следует рассматривать как язык глобальной коммуникации» [Зязиков, 2016:8]. Глобализационные процессы, все интенсивнее набирающие силу, не оставят в стороне Россию, так как интерес к ней и её культуре в мире не угасает, а значит и к русскому языку проявят интерес в тех странах, с которыми в последние десятилетия Россия налаживает и развивает тесные связи. Развитие компьютерных технологий позволяет оказывать влияние на образовательную среду, создавать различные онлайн-курсы обучения русскому языку, увеличение объёма информации на русском языке в Интернете, публикация электронных учебников, создание различного рода приложений, доступность художественной литературы,

фильмов на русском языке в сети Интернет. Всё перечисленное также будет способствовать расширению использования русского языка во всемирном масштабе. Сегодня русский язык переживает так называемый переходный период: от полноценного мирового языка к языку, теряющего свои позиции. Однако это не может длиться долго. Вместе с вызовами, возникшими в процессе существенных перемен в мировом пространстве, перед русским языком открываются и новые возможности, использование которых позволит ему взойти на новую высоту. «Еще недавно русский язык считался одним из мировых языков. По данным, приведённым в 1987 г. в книге канадского лингвиста М. Лапонса, русский язык занимал тогда в мире второе место после английского по экономическому значению, а по числу переводов с него находился (с учётом переводов на языки народов СССР) на третьем месте в мире после английского и французского» [Алпатов, 2002:14]. В последние три десятилетия проблема русского языка в мире становится предметом обсуждения практически на всех конференциях и форумах, посвящённых теоретическим вопросам лингвистики и русскому языку, данный вопрос не перестают быть и основным в научных статьях и монографиях ведущих российских и зарубежных лингвистов. «Проблема роли русского языка в современном мире распадается по крайней мере на три. По-разному она стоит в России, в «ближнем зарубежье» (а также по крайней мере в некоторых из стран бывшего социалистического лагеря) и в остальном мире.

В России за исключением некоторых районов позиции русского языка остаются прочными.

Совсем иная ситуация в странах СНГ и Балтии. До 1991 г. языковая ситуация там была принципиально той же, что в РФ, но затем опять-таки независимо от чьей-либо воли пошла совсем по другому пути: замены в официальных сферах и в межнациональном общении русского языка так называемыми титульными языками; исключение составляет лишь Белоруссия.

Наконец, роль русского языка в остальном мире. До недавнего времени эта роль где-то была ощутимой, где-то почти нулевой» [Алпатов, 2002:15].

В самой России положение русского языка достаточно прочная, так как наконец ему был придан статус государственного на всей территории страны, что усиливает его функциональную активность. Хотя следует отметить и тот факт, что на территории национальных образований государственными так же провозглашены языки титульных наций, что несколько изменяет языковую политику страны. Россия не первая страна, в которой складывается подобная ситуация с несколькими государственными языками. Ярким примером в данном аспекте является, например, Индия.

Беспрецедентной была роль русского языка в Советском Союзе, который объединил в одном государстве многочисленные нации и народности, говорившие более чем на ста языках. По совершенно объективным причинам русский язык был основным языком на территории советского государства, во-первых, по тому, что численность носителей русского языка в разы превышала носителей других национальных языков, во-вторых, единым государством легче было управлять посредством одного языка, при этом не препятствуя функционированию и развитию национальных языков. И хотя де-юре русский язык не был провозглашён государственным языком, де-факто он в полной мере выполнял практически все функции именно государственного языка. В этой части функционирования русского языка были определённые перегибы, о которых мы скажем ниже. В советское время в пределах Советского Союза мало кто возражал против сложившегося состояния русского и национальных языков. На современном этапе лингвисты стали несколько по-другому оценивать ситуацию. Так, например, М.В. Дьячков в статье «Об истории языковой политики России» пишет: «Российская языковая политика в СССР в связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938 года «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и

областей» претерпела существенные изменения. Поскольку данное постановление открыло полувековой период ограничения сферы функционирования родных языков в образовании». [Дьячков, 2010:53]. После принятия этого постановления все национальные языки с латинской графики начали переводиться на кириллицу. По мнению большинства лингвистов того времени, латинизированные алфавиты «являлись до известной степени тормозом при усвоении русского языка» [Советкина, 1958:17], и что «русская графика облегчила усвоение заимствований из русского языка» [Исаев, 1970:17]. Однако при переводе на кириллицу в словарях и учебной литературе допускались разночтения, одна и та же грамматическая форма допускала различное выражение [Калабеков, 1989:3], и это привело к несбалансированности перевода с одной графической основы на другую. Тем более, что у населения Средней Азии это был уже третий переход (арабская графическая основа, латиница, кириллица). Помимо этого, у десятков языков не были разработаны алфавиты на основе кириллицы, и они были признаны «неперспективными». Из письменных языков они опять превратились в бесписьменные. В связи со сложившейся ситуацией функционирование национальных языков в школьной системе образования резко сократилось. Всё это привело к тому, что люди стали меньше использовать свои родные языки. «В начале 1960-х годов наносится ещё большой удар системе образования и функционированию, и развитию местных языков, когда было принято положение о том, что русский язык стал фактически вторым родным языком для народов СССР. Подобные меры на всей территории страны приводили к сокращению употребления национальных языков и к резкому падению их социального статуса» [Дьячков, 2010:58].

С.В. Никитин пишет: «В СССР многие языки ограничиваются только сферой бытового и внутрисемейного общения. Общество думало, что для осуществления полной коммуникации достаточно владеть русским языком. К середине 1980-х годов в результате принятия подобных мер употребление

местных языков в среднем образовании сохранилось лишь для тувинского, якутского, башкирского и татарского языков» [Никитин, 1995:45].

По мнению А.М. Алпатова: «Главной целью языковой политики СССР являлась распространение русского языка в национальных республиках и других национальных образованиях. Русские школы создавались за счёт обучения на других языках. Особенно школы начали создаваться на обучении на других языках во времена руководства страной Н.С. Хрущевым, который считал, что по мере перехода к коммунизму должны стираться различия между людьми, включая языковые. При этом русский язык не имел статус государственного языка» [Алпатов, 2003:12].

Не самыми благоприятными представляются перспективы русского языка на мировой арене. Его конкурентные возможности ослабляют следующие факторы: а) демографическое неблагополучие русского этноса (особенно демографический провал будет ощущаться после завершения специальной военной операции, где погибают мужчины детородного возраста, репродуктивным возрастом отсчитывается от 14 до 60 лет); б) широкое использование молодым поколением других языков, особенно английского, итальянского и китайского; в) в связи с событиями после 2022 года сложилась ситуация, когда при сильном санкционном давлении создаётся неблагоприятный имидж России в мире, что непременно переносится и на русский язык; г) ограниченная в своём употреблении в мире графики на основе кириллицы, что создаёт определённые трудности для изучающих русский язык, которые пользуются другой графической основой (арабская, латиница, иероглифическое письмо); д) сложность для изучения языка (по данному признаку русский язык входит в двадцатку трудных языков); е) сокращение использования русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья.

МАПРЯЛ и Высшей школой экономики был проведён опрос среди преподавателей и экспертов с одним вопросом:

Таблица 6.

**Основные причины снижения интереса к изучению русского языка
за рубежом (по мнению преподавателей и экспертов, %)**

Причина	Преподаватели (%)	Эксперты (%)
Представление о русском языке как о сложном для изучения	44,3	44,1
Отсутствие перспектив использования в профессиональной деятельности	34,0	44,1
Негативное общественное мнение о России, критические публикации в СМИ	30,7	41,2
Отсутствие быстрых видимых результатов обучения	29,8	27,9
Недостаточное количество часов на изучение в образовательных программах	28,9	35,3
Отсутствие перспектив использования в повседневной жизни	26,0	32,4
Нехватка времени	26,5	—

Источник: исследование МАПРЯЛ и ВШЭ «Положение русского языка в системах образования за рубежом» (2021)

Ответы приблизительно распределились по тем признакам, которые мы привели выше (особенно три первые позиции).

Позиции русского языка в странах дальнего зарубежья изменяется от страны к стране. Если в Европе интерес к русскому языку снизился в связи с русофобскими настроениями (антироссийские предвзятости и негативное отношение к России, русскому народу, русской культуре и языку) практически во всех странах (даже странах бывшего социалистического лагеря), то интерес к русскому языку возрос в африканских странах, странах арабского мира, Китае и Южной Америке. В. Г. Егоров в своём исследовании «Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве» отмечает: «Русский язык в современной социальной практике основывается на двух

диалектически противоположных трендах: 1) материальный носитель, т.е. развивает свою национальную культуру, которым традиционно является, как и любой другой язык мира, 2) источник общечеловеческой культурной целостности, проявляющейся по мере продвижения по пути к постсовременности» [Егоров, 2021:1198]. Л.В. Ковтун утверждает, что «взаимозависимость многих стран при решении экономической, политической и культурной проблем поставила вопрос о языках для межкультурного общения и роли национальных языков и культур в современном языковом пространстве» [Ковтун, 2016:144]. Мы приводим цитату безотносительно к региону, но практика показывает, что на всем постсоветском пространстве русский язык выполняет функцию языка межнационального общения, вплоть до прибалтийских республик. Можно смело прогнозировать, что подобную функцию он будет выполнять и в дальнем зарубежье.

Функционирование русского языка за пределами Российской Федерации говорит о важном критерии, отражающем его позитивный имидж в мировом лингвистическом пространстве. Распространение и функционирование русского языка на территории других стран является актуальным средством реализации мощной силы Российской Федерации, а также отражением языковой политики других стран в отношении русского языка.

В настоящее время одной из основных задач языковой политики РФ является развитие русского языка и пропаганда русской культуры не только в постсоветских странах, но и в дальнем зарубежье.

Сурен Золян в своей работе «Русский язык за рубежом: социолингвистические функции» приводит статистические данные десяти стран дальнего зарубежья с наибольшим числом студентов, изучавших русский язык как иностранный или как специальность в 2010-2011 году: «В Китае число студентов, изучавших русский язык составляет 50000 в 220 вузах,

в Польше – 39000 в 88 вузах, в США – 24 850 в 131 вузе, в КНДР – 20000 в 240 вузах, в Германии – 11950 в 50 вузах, в Болгарии – 9980 в 28 вузах, в Чехии – 7770 в 25 вузах, во Вьетнаме – 6860 в 24 вузах, в Монголии – 6760 в 10 вузах, во Франции – 5500 в 22 вузах» [Золян, 2016:142].

Проанализировав состояние русского языка за рубежом, можно сделать вывод о том, что роль и место русского языка в дальнем зарубежье в настоящее время определяется политическими, социальными и культурными факторами.

М.Я. Голик, рассмотрев роль русского языка в Китае, утверждает, что «российско-китайские отношения имеют четырёхсотлетнюю историю. Эти отношения начинаются с 1618 года с момента первой российской экспедиции, прибывшая в Пекин, во времена правления династии Мин. Эти отношения продолжались и после того, как в 1644 г. контроль над Китаем установила маньчжурская династия Цин.» [Голик, 2016:108].

Впервые в Китае преподавание русского языка было организовано в учебном заведении «Нэйгэ Элосы вэнь гуань» (内阁俄罗斯文官), которое стало первым учреждением, специализирующимся на изучении русского языка. Создание данной школы сыграло важную роль в ознакомлении китайского общества с русской культурой. С 1949 года наблюдается значительное расширение масштабов изучения русского языка в Китае. В период с 1949 по 1956 годы русский язык приобретает все большую популярность. В октябре 1949 года в Пекине было учреждено Специальное учебное заведение для обучения русскому языку, ныне Пекинский институт русского языка, Шанхайское специальное учебное заведение по изучению русского языка, ныне Шанхайский университет иностранных языков. По состоянию на 1950 год в Китае насчитывалось 19 высших учебных заведений, осуществлявших подготовку по русскому языку [Голик, 2016:109].

60-е годы является периодом застоя в обучении русскому языку, поскольку в это время была проведена Культурная Революция в Китае и изучение любого иностранного языка подвергалось критике. И эта ситуация негативно отражалась и на отношения между Россией и Китаем, а также повлияла на прекращение преподавания русского языка в Китае [Голик, 2016:109]. «После проведения политики реформ и открытости в конце 70-х гг., отмечается возврат к обучению иностранным языкам, однако русский язык уже уступает свою лидирующую позицию в пользу другим иностранным языкам. В 1981 году была создана Китайская ассоциация преподавателей русского языка. В 90-е гг. XX в. вновь начинают готовить переводчиков русского языка, например в 1999 г. в Китае существовало 60 университетов со специальностью «русский язык», «где обучилась около 7000 студентов» [Голик, 2016:109].

В «Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» от 16 июля 2001 г. объединены достижения российского и китайского сотрудничества за предшествующее десятилетие. Китайские студенты изучают русский язык с целью ведения успешной предпринимательской деятельности совместно с российскими партнёрами.

На современном этапе отношения между Россией и Китаем набирают большую силу. В 2008 года создана Российско-Китайская Межправительственная Комиссия по сотрудничеству в сфере образования, культуры, здравоохранения и спорта; в 2005 года было подписано «Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР об изучении русского языка в КНР и китайского языка в РФ»; в целях обмена культурными достижениями и планомерного изучения языков в РФ было открыто 5 Институтов Конфуция и 5 Центров русского языка в Китае.

Как известно, распространение русского языка в дальнем зарубежье опиралось на мощный фундамент — советскую систему образования. Её

высочайший международный авторитет, подтверждаемый мнением западных учёных, стал ключевым фактором в этом процессе. Естественно-технические специальности занимали особое место, а СССР на исходе XX века относился к лидирующим странам в важнейших областях науки и техники.

По словам А.Ю. Романова, в период «холодной войны» русский язык американцами считался языком потенциального врага. Однако изучение языка потенциального врага оказалось важным мотивационным фактором. Этим фактором стал запуск первого искусственного спутника земли ПС-1 4 октября 1957 года в СССР, оказавший значительное влияние на распространение и преподавание русского языка в США. Американцы хотели срочно догнать и перегнать СССР в космической области. Но для достижения этой цели требовалось знание русского языка, т.е. читать и переводить научные и технические книги и статьи, написанные на русском языке [Романов, 2017:75].

Важно отметить, что после запуска спутника изучение русского языка американцами довольно быстро менялось в лучшую сторону. К середине 1960-х годов 6% научных сотрудников в США имели навык чтения и перевода русских текстов. Были созданы ряд телевизионных курсов по техническому переводу, например, *Basic Russian for Technical Reading* – это вводный курс по техническому переводу, который был разработан в штате Нью-Йорк сотрудниками *General Electric Laboratory*. Данный телевизионный курс имел 12 тысяч зрителей. Минус таких телевизионных курсов – методические проблемы в грамматике, лексике и морфологии, поскольку не было личного контакта между преподавателем и студентом. В связи с этой ситуацией, американское правительство приняло решение образовать факультативные курсы по русскому языку и создать русскоязычные кружки в целях быстрого усвоения русского языка [Романов, 2017:75].

В 1957-1958 гг. в 10 школах в США преподавался русский язык, а в 1958-1959 гг. русский язык был внедрён в 150 школах в 38 штатах из 50. В 1960-1961 гг. количество часов по русскому языку увеличивается в 40 раз, т.е.

он начинает преподаваться уже в 400 средних школах США. Однако одной из важнейших проблем оказалась нехватка специалистов русского языка. Для решения этой проблемы в ряд университетов, такие как Чикагский университет, университет Индианы, Гарвардский и Йельский университет приняли участие в программе по подготовке учителей русского языка для средних школ.

В целях распространения русского языка в США было предпринято ряд мер:

1. Было создано несколько профессиональных ассоциаций, такие как *American Association of Teacher of Slavic and East European Languages*, *National Council of High School Teachers of Russian* и *Американский совет преподавателей русского языка (ACTR)*;

2. Фондами Карнеги, Форда и других были выделены гранты для создания центров по изучению русского языка и страноведческих дисциплин;

3. После потепления в политической сфере с 1960-х годов в американских университетах стали защищаться диссертации по русской литературе и русскому языку.

После распада СССР было утрачено влияние сверхдержавы, что не могло отразиться и на положении русского языка в США. Чтобы вновь укрепить позиции русского языка в США и мире в XXI веке, России необходим новый технологический прорыв. Именно он может побудить американцев и других иностранцев к его изучению.

Ж.О. Баллод в своей работе *«Актуальные проблемы преподавания русского языка в Южной Корее на современном этапе»* пишет, что СССР не имел дипломатических отношений с Южной Кореей вплоть до 1990 года, поскольку он не поддержал создания капиталистического государства на юге Корейского полуострова в 1948 г. В связи сложившейся ситуации русский язык преподавался в нескольких ведущих вузах Сеула. Переведённые на корейский язык фильмы «Москва слезам не верит» и «Доктор Живаго», а

также произведения русских писателей стали основными источниками представления о России [Баллод, 2009:31]. «После установления дипломатических отношений между Россией и Кореей начинается активное изучение русской культуры и языка. Создавались факультеты русского языка и литературы во всех вузах республики, открывались частные курсы русского языка и русский культурный центр. Издавались пособия, учебники по русскому языку и разговорники. ... Однако в 1997 г. на фоне азиатского финансового кризиса, в отношениях этих двух стран происходит стагнация. Боясь политических и экономических рисков, крупный корейский бизнес не вкладывал деньги в российскую экономику. Это обстоятельство способствовало угасанию положения русского языка в Республике Корея» [Баллод, 2009:32].

2004-2005 гг. являются началом нового периода истории русского языка в Корее. В Сеуле отмечают дни России, образован Центр русского языка им. Пушкина, переводятся на корейский язык русская литература, создаются экспресс-курсы по русскому языку. Расширение экономических связей, связей в области космических исследований и добычи природных ресурсов возросла потребность в переводчиках и специалистах со знанием русского и корейского языков.

Если преподавание русского языка в США, Китае, Японии, Корее имеет многовековую историю, то в Индии его изучение начинается лишь в середине XX века. Индия узнала о России через английские переводы. Джавахарлал Неру, первый премьер-министр Индии, и Рабиндранат Тагор прибыли в СССР в 30-х годах и ознакомили Индию с Россией. После их визита у индийской общественности появляется большой интерес к русской литературе, языку, культуре, философии и эстетике.

В 1946 году в Делийском университете впервые начали преподавать русский язык, а 2-ого октября 1947 г. была создана первая кафедра русского языка. В 1947 г. в Алахабадском, 1958 г. в Османском на юге Индии и в 1964

г. в Пунском на западе страны начинают открываться курсы по русскому языку. Целью данных курсов была ознакомление с русской литературой и культурой. Данные курсы внесли большой вклад в подготовке первых русистов в Индии. В 1965 г. в Нью-Дели был открыт Институт русских исследований. На базе данного института были образованы курсы по русскому языку. Институт русских исследований подготовил первых бакалавров-русистов, которые были выпущены в 1969 г. [Тотавар, 2007:13]. «В Индии неуклонно растёт спрос на специалистов и местных жителей со знанием русского языка, так как на протяжении последних лет можно заметить приток в Индию медицинских туристов из России и стран бывшего Советского Союза» [Сурьянараян, 2017:515].

Из вышесказанного можно заключить, что политическая, экономическая, культурная и другие сферы жизни, наряду с развитием национальных языков, требуют распространения и развития языка межнационального общения.

1.2 Функционирование русского языка на постсоветском пространстве в контексте геополитических интересов России

Русский язык играет ключевую роль в геополитической стратегии России на постсоветском пространстве, выступая не только средством межнационального общения, но и важным инструментом «мягкой силы» в международных и дипломатических отношениях. Его функционирование в странах бывшего СССР сохраняет культурную и лингвистическую связанность региона, а также способствует интеграции государств в единое информационно-коммуникационное и гуманитарное пространство.

Исследования, проведённые в рамках внешнеполитических инициатив, таких как проект Института диаспоры и интеграции под руководством К.Ф. Затулина при поддержке Фонда «Русский мир», подтверждают, что продвижение русского языка рассматривается как элемент формирования

регионального сообщества, ориентированного на сотрудничество с Россией. Таким образом, развитие и поддержка русского языка за пределами Российской Федерации становится важной задачей национальной политики, направленной на укрепление культурного и политического влияния России в постсоветском регионе.

Впервые термин «постсоветское пространство» был предложен А. Празаускасом после отказа Латвии, Литвы и Эстонии войти СНГ. Далее данное понятие было определено другими исследователями. Так В.Г. Егоров даёт следующее определение: «Постсоветское пространство – это территориальная локализация новых независимых государств, которые связаны общностью существования в одном государстве и сохраняли, в связи с этим некую идентичность» [Егоров, 2014:7].

А.В. Петров предложил следующую классификацию постсоветского пространства: «в постсоветское государство входят следующие государства:

1. Украина, Белоруссия и Молдавия;
2. Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения (Центральная Азия);
3. Грузия, Армения и Азербайджан (Закавказье);
4. Латвия, Литва и Эстония (страны Балтии);
5. Россия» [Петров, 2012:16].

Функционирование русского языка на постсоветском пространстве в контексте геополитических интересов связано, прежде всего, с распространением мягкой силы России, одним из важных факторов которой является распространение государственного языка страны и расширение его функционирования за пределами государства.

Для современной России постсоветское пространство представляет собой достаточно важным объектом в связи с длительным временным отрезком развития расположенных в данной географической зоне государств в едином государстве, которое способствовало развитию политических,

экономических, военных, технологических, культурных взаимосвязей и способствовало расширению функционирования русского языка во всех постсоветских странах. Одним из существенных факторов расширения функционирования русского языка на постсоветском пространстве на современном этапе стало создание Евразийского экономического союза, что, безусловно, послужило новым истоком повышения геополитической роли русского языка.

Большую роль в укреплении позиции русского языка за рубежом выполняют русскоязычные диаспоры, которые берут на себя роль центров сохранения и укрепления языка и русской культуры. Так в Германии проживает 5 млн русскоговорящих, в Латвии более 450 тысяч, в Эстонии – 320 тысяч, в Китае живёт около 20 тысяч русских, в США проживает более 3,5 млн русскоговорящих, в Канаде – 620 тысяч, в Казахстане фиксируется русская диаспора примерно 3,8 млн, в Болгарии проживают 12 тысяч русскоязычных людей. В отдельных странах публикуются русскоязычные издания, работают телевизионные каналы и радио на русском языке [<https://visatravel.ru>].

Другим важным фактором стремления расширения функционирования русского языка является введение Федеральной целевой программы «Русский язык» и проектов фонда «Русский язык». «К великому сожалению, приходится констатировать тот факт, что данный проект не имел своего логического завершения и бесславно провалился если не во всех странах, то в Таджикистане он не имел должного влияния на расширение функционирования русского языка и пропаганду русской культуры» [Шамбезода, 2011:13].

Одним из важнейших направлений Комитета по делам СНГ является укрепление позиции русского языка в странах СНГ, выявление проблем и выработка приоритетов на перспективу. Позволим себе заметить, что в Таджикистане нет прозрачности в работе Комитета.

Важнейшими задачами данной программы являются разработка, апробация, «тиражирование и распространение словарей, грамматик, справочников, учебников, учебных пособий, информационных материалов по русскому языку и литературе, подготовка аналитических материалов, обеспечение переподготовки и повышение квалификации преподавателей, создание глобальных систем использования специальных дистанционных технологий в обучении русскому языку и др.» [ФЦП «Русский язык»].

Как выше было отмечено, жизнь новых независимых государств началась с языковой политики, главным постулатом которой стало провозглашение титульных языков государственными, кроме Республики Беларусь, где русскому языку, наравне с языком титульной нации, был придан статус государственного. «Статус русского языка на постсоветском пространстве в настоящий момент выглядит так: русский язык является государственным в России и Белоруссии; официальным языком считается в Киргизии, а в Казахстане официальным является в государственных учреждениях и органах самоуправления; русский язык имеет статус языка межнационального общения в Молдавии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане; языком нацменьшинства считается на Украине; иностранным языком – в Азербайджане, Армении, Грузии, Латвии, Литве и Эстонии» [Затулин, 2011:30].

Как показывает практика, около 70% населения постсоветских стран владеет русским языком. Русский язык для бывших советских республик считается официальным языком наряду со своим родным.

И.А. Снежкова анализирует современную языковую ситуацию на Украине, являющаяся дискриминационной для русского языка. Автор рассматривает процесс становления русского и украинского языков с исторической позиции, а также роль этих двух исследуемых языков в общественной жизни народа. «На Украине в нулевые годы формировались два основных направления в языковой политике – это украинофоны и

русофоны. По мнению украинофонов, украинский язык доминировал не на всей территории Украины. Поэтому они обращали внимание на дискриминацию украинского языка. Русофонов интересовало положение русского языка на Украине» [Кулик, 2007:20].

После того, как к власти пришёл В. Ющенко, состояние русского языка на Украине резко ухудшилось, поскольку были издано огромное количество указов, в которых говорилось об ограниченном употреблении русского языка на Украине. Основной целью была политика «украинизации»: руководство Украины проводило курс на вытеснение русского языка из всех уровней системы образования, ставя целью культурную ассимиляцию молодёжи, в том числе русской по происхождению. Однако полному осуществлению данной политики не позволял устойчивый спрос: несмотря на административные ограничения, сохранялась значительная потребность в русском языке, что проявлялось в устойчивом спросе на русскоязычную литературу. Политическая позиция: в украинской государственной политике доминировало убеждение, что официальный статус русского языка подрвал бы позиции украинского языка и усилил влияние РФ.

История человечества показывает, что неправильное ведение языковой политики или же полное отсутствие её приводит к исчезновению целого ряда языков нацменьшинств, к конфликтам между социальными группами, к неприятию внедряемого языка и культуры, что в целом всегда приводит к социальным катастрофам.

Киевский международный институт социологии в 2012 году провёл социалингвистический опрос общественного мнения, в результате которого было выявлено, что 74% опрошенных считает, что русский язык должен обретать статус государственного или регионального языка. Также 50% участников данного опроса подчеркнули важность преподавания русского языка и литературы во всех школах Украины.

Очевидно, проблема функционирования русского языка также важна и для других странах постсоветского пространства. Русский язык имеет статус языка нацменьшинства не только на Украине, но и на территории Армении, Польши и Румынии. Эти страны подписали Европейскую хартию региональных языков и языков национальных меньшинств. Данные государства стремятся к интеграции в европейское пространство, поэтому владение английским языком является приоритетнее, чем владение русским.

В такой ситуации Россия поставила перед собой цель – развивать и продвигать русский язык за рубежом, прежде всего, в постсоветских странах. В целевой программе «Русский язык» утверждается, что основной целью Программы является поддержка русского языка в качестве фундамента интеграционных процессов в рамках СНГ, а также удовлетворение языковых и культурных запросов соотечественников, проживающих за пределами своей исторической родины. Стратегия направлена на укрепление роли русского языка как основы для развития интеграции между государствами-участниками СНГ и на обеспечение языковых и культурных потребностей зарубежных соотечественников.

Русский язык и культура в Молдавии имеют многовековую историю. Молдавское княжество было образовано на землях Древней и Галицкой Руси. В середине 14 века волохи составляли 48% населения страны, русское население – 39,5%, болгары – 3,3%. Со временем русское население вошло в состав молдавской народности, и внесло большой вклад в развитии духовной культуры молдаван и развитии молдавского языка.

До начала 18 века язык Карпатской Руси считался официальным языком Молдавского княжества. В результате анализа молдавских грамот, А.И. Яцимирский заключал следующее: «В основу актового языка 16-17 вв. был положен русский: с одной стороны, официальный западнорусский, с другой стороны галицко-волынский говор» [Яцимирский, 1910:154].

В 1989 году в Молдавии массовыми тиражами издавалась литература на молдавском и русском языках. На русском языке выходили не только произведения писателей и поэтов Молдавии, но и переводились на молдавский язык и издавались произведения русских, советских и зарубежных классиков.

Согласно сборнику статей «Русский язык в Молдавии» под редакцией С. Суляка, после распада СССР ситуация с функционированием русского языка в Молдавии изменилась. Поскольку в результате игнорирования сложившегося русско-молдавского билингвизма прорумынской интеллигенцией, возник межэтнический конфликт 1988-1992 гг. На сегодняшний день политики Молдавии выступают против придания русскому языку статуса второго государственного языка, приводя в качестве аргумента события той поры [Суляк, 2010:97].

Конституционный суд Республики Молдова запретил использование русского языка наряду с государственным языком в написании названий населённых пунктов и улиц, при составлении официальных документов и др. Данный запрет говорит о том, что конституционный суд, не согласовав с Законом о функционировании языков на территории данной страны, приняли политическое решение. Хотя право на обучение на русском языке и применение русского языка в различных сферах деятельности закреплено в Конституции Республики Молдова и ряде законов [Суляк, 2010:97].

Функционирование русского языка в Центральной Азии

Как известно, Туркменистан в настоящее время относится к числу наиболее закрытых государств на постсоветском пространстве. Конституция Туркменистана закрепляет статус туркменского языка как единственного государственного языка, при этом вопрос о статусе русского языка в нормативных актах практически не рассматривается. Доступные научные и аналитические публикации, хотя и ограничены, позволяют предположить

сложную и неоднозначную ситуацию с положением русского языка в республике в постсоветский период.

«На основании «Закона о языке» 1990 года русский язык в Туркменистане имел официальный статус языка межнационального общения. Однако в 1996 году этот статус был официально отменён, что свидетельствует о политике, направленной на ограничение использования русского языка в официальной и общественной сферах» [Павлов, 2024:12].

Судя по ведению языковой политики в данной республике государство стремиться к монолингвизму с акцентом на укрепление позиций государственного туркменского языка при одновременном снижении роли русского языка.

Согласно исследованиям Т.В. Кудояровой и Д.Э. Летняковой, с начала 2000-х годов в Туркменистане проводится политика «туркменизации всей страны», которая привела к исчезновению русскоязычных учреждений. Вместе с тем, в стране функционируют «платные русскоязычные подготовительные курсы при школах, однако отсутствуют филиалы российских вузов, а число высших учебных заведений, готовящих специалистов по русскому языку и литературе для старших классов средних школ и вузов, сократилось до минимума. Исключением является небольшое отделение при педагогическом институте города Туркменабад, которое ежегодно выпускает около 5-6 специалистов по русскому языку и литературе» [Кудоярова, 2010: 70]. Данная ситуация отражает значительное снижение институциональной поддержки русского языка в системе образования Туркменистана и свидетельствует о сложностях его сохранения в условиях проводимой языковой политики. В 2001 году все кафедры русского языка и литературы были закрыты и отменена система повышения квалификации по русскому языку.

В Туркменистане в настоящее время функционируют три основных языка, играющих различные социально-культурные и коммуникационные роли:

1) В стране сохраняется безусловный приоритет туркменского языка как государственного, используемого во всех официальных сферах и в повседневной жизни.

2) Одновременно поощряется изучение и использование английского языка, признанного важным ресурсом для интеграции в глобальное научное, образовательное и деловое пространство.

3) Русский язык – язык межнационального общения, сохраняющий определённую роль в коммуникации между представителями различных этнических групп и в отдельных сферах общественной жизни.

Итак, языковая ситуация в Туркменистане характеризуется многоязычием с доминирующей ролью туркменского языка и сохраняющимся, хотя и ограниченным, присутствием русского и английского языков.

Следует подчеркнуть, что языковая политика и общественное отношение к русскому языку существенно различаются в постсоветских странах Центральной Азии. В Туркменистане наблюдается негативное отношение к русскому языку, что проявляется в ограничении его использования в официальной и образовательной сферах, а также в снижении институциональной поддержки. Такая политика направлена на укрепление позиций государственного туркменского языка и отражает тенденции к монолингвизму.

В противоположность этому, в Киргизии отношение к русскому языку является преимущественно положительным. Русский язык сохраняет значимый статус в системе образования, государственных учреждениях и межэтническом общении. Он выступает в роли связующего звена между

этническими группами и служит важным инструментом международного и межрегионального сотрудничества.

Парламент Кыргызской Республики принял решение о признании русского языка в качестве общегосударственного и о присвоении ему статуса второго государственного языка страны. Это законодательное решение отражает важность русского языка в социально-культурной и образовательной сферах Киргизии.

Значительный вклад в поддержание и распространение русского языка в республике оказывает повышение качества его преподавания на всех уровнях образовательной системы – начиная с дошкольных учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями. Такая комплексная языковая политика способствует укреплению многоязычия и сохранению межэтнической коммуникации в обществе.

Таким образом, контраст в восприятии и статусе русского языка в Туркменистане и Киргизии обусловлен различиями в национальной языковой политике, историческом опыте и социально-культурных факторах.

В Республике Казахстан русский язык де-юре пользуется полным спектром функционирования практически наравне с государственным казахским языком в сфере делопроизводства, в законодательстве, в образовании и науке. Закон не дискриминацию граждан по языковому признаку. Кроме того, русский язык занимает значимое и престижное место в казахстанском информационно-культурном пространстве, обеспечивая всестороннюю коммуникацию во всех сферах общественной жизни. Он успешно выполняет роль языка «межкультурного общения», способствуя укреплению межэтнических связей. Высокая социальная значимость владения русским языком стимулирует устойчивый интерес к его изучению среди населения Казахстана [Павлов, 2022:77].

Законодательная база Таджикистана, начиная с закона «О языке» 1989 года и Конституции 1994 года, закрепляет за русским языком функцию языка

межнационального общения. Эта правовая норма подкрепляется его реальной социальной значимостью: русский язык остаётся инструментом коммуникации для интеллигенции, молодёжи, деловых кругов и является практически необходимым для граждан, выезжающих на работу в Россию. Статус и роль русского языка в Республике Таджикистан более подробно будет рассмотрен нами в параграфе *«1.3 Реализация государственной политики Республики Таджикистан в сфере укрепления позиции русского языка»*.

По мнению А.В. Шипилова, «В Узбекистане вплоть до 1995 года русский язык имел статус языка межнационального общения, это было отмечено в законе «О государственном языке», однако в новой редакции данного закона, принятой 21 декабря 1995 г., это положение отсутствует» [Шипилова, 2020:50].

В своей статье «Функционирование и значение русского языка в современных реалиях Узбекистана» Ш.Э. Тураева отмечает: «Современная языковая ситуация в Узбекистане заключается в престижности знаний русского языка среди представителей узбекской национальности, способствующая распространению и укреплению позиций русского языка в Узбекистане. Знание русского языка способствует карьерному росту для каждого человека» [Тураева, 2023:632].

По мнению автора, «СМИ на сегодняшний день является мощным орудием для распространения русского языка в Узбекистане, поскольку средства массовой информации в исследуемой стране публикуются на двух языках: узбекском и русском. Ведущую роль в сохранении позиций русского языка занимает сеть Интернет, радио, телевидение, газеты, журналы, коммерческая реклама. Также, развитие науки, техники и сферы образования в Узбекистане даёт повод для сохранения разумного уважения к русскому языку. Итак, русский язык в Узбекистане выполняет коммуникативную роль среди многонационального населения» [Тураева, 2023:635-638].

Как сообщило издание «Известия» со ссылкой на Россотрудничество, русским языком в Узбекистане владеют 50% населения. Считают его родным – 2, 7%. На сегодняшний день в Узбекистане работает 1 тысяча русских школ [<https://uz.kursiv.media>].

Однако чаще всего граждане используют русскую речь в крупных городах Узбекистана, поскольку русский язык является вторым языком после государственного узбекского языка. Он функционирует в различных сферах жизни, начиная от учебных заведений и заканчивая главными пунктами общения в социальной и экономической сферах.

Таким образом, на основе анализа эмпирических и теоретических материалов, посвящённых роли и месту русского языка в странах Центральной Азии, можно сделать вывод о его сохраняющейся значимости. Актуальность и востребованность русского языка в этих государствах обусловлены рядом социально-исторических, образовательных, культурных и международно-политических факторов, среди которых можно выделить следующие:

1. В период существования Советского Союза русский язык выполнял функцию языка межнационального общения, науки и культуры. Он способствовал формированию единого коммуникативного пространства и продолжает рассматриваться как важный инструмент межкультурной интеграции.

2. Русский язык сохраняет значительное присутствие в образовательной системе Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Обучение на русском языке осуществляется во многих школах и высших учебных заведениях, что делает его знание необходимым условием для получения качественного образования и профессиональной реализации.

3. Русский язык имеет официальный статус в ряде международных организаций, включая Организацию Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) и Содружество Независимых Государств (СНГ). Это придаёт ему

важное значение как языку дипломатии и межгосударственного взаимодействия в регионе.

Итак, в условиях многоязычия и региональной интеграции русский язык в странах Центральной Азии продолжает выполнять ключевые функции в образовании, культуре и межэтническом взаимодействии, обеспечивая устойчивую языковую связь с другими странами постсоветского пространства и мировым русскоязычным сообществом.

Статус русского языка в Закавказье

Академические исследования показывают, что положение русского языка в странах Закавказья является производным от текущей политической ситуации. Наглядной иллюстрацией этой зависимости служит конфликт в Нагорном Карабахе: участие России в качестве посредника в его урегулировании оказывало прямое влияние на восприятие и функционирование русского языка в регионе. Обе республики долгое время проявляли дружественные отношения к России. Наоборот, поддержка Республики Приднестровья обострила как политические отношения с Молдавией, так и ослабила использование и функционирование русского языка в регионе.

Проанализировав геополитическую роль русского языка в Армении, А.А. Тамазян отмечает, что «У русского языка в Армении положительная ситуация, поскольку: 1) ретранслируются три российских телеканала: «ОРТ», «РТР-Планета», «Культура» и межгосударственная телерадиокомпания «Мир»; 2) армянская образовательная система требует у каждого ученика знания минимум трёх языков, таких как русский, английский и ещё один из европейских языков; 3) в высших учебных заведениях Армении русский язык включён в учебную программу для студентов 1-2 курса; 4) в Армении можно получить образование на русском языке » [Тамазян, 2020:6-7].

Итак, в Армении русский язык выполняет функцию языка межнационального общения. Согласно Закону «О языке» гарантируется

свободное использование языков национальных меньшинств на всей территории Армении, в том числе и в сфере образования.

Русский язык выполнял функцию языка обучения не только на территории Советского Союза, но в ряде других стран. Как отмечает А.Л. Арефьев, «Русский язык имеет богатейшее культурное наследие и большой потенциал для дальнейшего развития. Он стал единственным из 12-ти мировых языков, который на протяжении последних 20 лет, прошедших после распада СССР, неуклонно утрачивает свои позиции во всех регионах мира без исключения, в том числе и в бывших советских национальных республиках, где занимал главенствующие позиции на протяжении почти всего 20 века» [Арефьев, 2012:6].

Развал Советского Союза привёл к тому, что русский язык из общегосударственного языка обрёл статус языка национального меньшинства и языка межнационального общения. «После распада СССР между Россией и Грузией отношения осложнились. Кульминационным пунктом обострения отношений между Россией и Грузией стал вооружённый конфликт 2008 г. После этой ситуации Грузия разорвала все дипломатические отношения с Россией, и сотрудничество государств сильно осложнено до сих пор» [Попова, 2016: 35-46].

Как отмечает А.А. Гребенюк, «В Грузии в 1992 г. было 167 школ, а в 2001-2002 гг. насчитывалось 63 чисто русские школы. В настоящее время их число ещё сократилось. Сегодня в Тбилиси функционируют две русские школы и 28 русских школ в регионах. С 2011 г. число русских групп и тех, кто учится в них сокращено вдвое» [Гребенюк, 2014:36].

Согласно Конституции Грузии, русский язык наделён статусом языка национального меньшинства и международного общения. Тем не менее, его распространённость среди населения ограничена. Это связано с тем, что значительная часть граждан не считает владение русским языком критически важным ресурсом для получения образования или трудоустройства.

Преподавание русского языка в школах перестало быть обязательным с 2011 года. Он в настоящее время в грузинских школах преподаётся как иностранный по выбору. Ученики имеют право выбирать между ним, немецким, французским или иным другим европейским языком, в зависимости от школы. В школах с 2016 года он изучается не с седьмого класса, а с пятого, также увеличились часы изучения в 2 раза.

Проанализировав состояние русского языка в Грузии, Е.В. Попова заключает следующее: «1) русский язык в Грузии сохраняется в основном за счёт этнических русских; 2) русский язык в Грузии нуждается в поддержке со стороны России; 3) нужно укрепить программы культурного обмена; расширить возможности доступа к российскому образованию как для этнических русских, проживающих в Грузии, так и для граждан Грузии» [Попова, 2016:45].

Роль и статус русского языка в странах Балтии

Е.И. Шибаева в своей статье «Русский язык в Латвии» пишет, что «Русский язык в Латвии официально считается иностранным языком, поскольку согласно «Закону о языке» все языки, кроме латышского и литовского, являются иностранными. Согласно 1-ому пункту Конституции, государственным языком в исследуемой республике является латышский язык.... Только 40% жителей Латвии считают своим родным языком русский. Согласно переписи населения 2000 г., 80% населения Латвии владеют русским языком» [Шибаева, 2012:236].

Проанализировав современное состояние русского языка в Латвии, И.В. Диманте выделяет следующее:

« 1. Латышский язык пополняется заимствованиями из русского языка, или через русский;

2. Слабое владение русским языком молодёжью в Латвии связано с социальной оторванностью от основных центров русской культурой и науки,

т.е. значительная часть молодёжи видела Россию только на экранах телевизоров;

3.Русский язык исключён из официального употребления;

4.Русский язык считается языком нацменьшинства;

5.В школах и вузах отведено мало часов на преподавании русского языка;

6.Латвия всегда являлась транзитной зоной между западом и востоком, поэтому, чтобы быть конкурентоспособным, нужно владеть латышским, английским и русским языками в деловой сфере» [Диманте, 2017:107-122].

Балтийский институт социальных наук (БИСН) в 2004 году провёл социалингвистический эксперимент «Этнополитическое напряжение в Латвии: поиски решения конфликта». В ходе социалингвистического эксперимента за присвоение статуса второго государственного языка русскому выступали 19% - латышей, 87% – русских и 75% представителей других национальностей, против – 77% латышей, 8% – русских и 18% представителей других национальностей. В Латвии существует парадокс: в то время как русский язык является предметом острого политического противостояния и не находит широкой поддержки в качестве государственного среди титульной нации, его практическая значимость подтверждается местом в образовательной системе. Он стабильно остается вторым по изучаемости иностранным языком, что указывает на его востребованность вопреки идеологическим разногласиям.

В.В. Ксенофонтова в статье «О состоянии русского языка и культуры в современной Литве» пишет: «По итогам переписи 63% жителей Литвы владеют русским языком. Хотя статус русского языка в данной стране окончательно не определён. Однако в Литве есть Рамочная конвенция, где говорится о защите языка нацменьшинств. В 5-ой и 11-ой статьях говорится о том, что надписи различного информационного содержания могут

выполняться помимо литовского, и на языке национальных меньшинств» [Ксенофонов, 2018:111-114].

В настоящее время в Литве есть около 30 русских школ, где обучаются примерно 15 тысяч школьников. В Вильнюсском университете на кафедре филологии по приказу Министра просвещения Республики не будет осуществляться набор по программе бакалавриата, если на неё зарегистрируются менее 15 человек. Это говорит о том, что государственная политика высшего образования ведёт к сокращению изучения русского языка.

Несмотря на сужение функционирования русского языка, в городе Вильнюсе функционирует ассоциация «Русский культурный центр». Данный центр играет позитивную роль в сфере пропаганды русской культуры и языка. Учредителями Русского культурного центра являются творческие люди: писатели, художники, социологи, философы, актёры, журналисты. Учредители ассоциации «Русский культурный центр» поставили перед собой задачи: сохранить культурное наследие, родной язык и способствовать беспроблемной интеграции русских, проживающих в Литве, в многонациональное общество страны.

Русский культурный центр для реализации своих целей проводит конференции, семинары, круглые столы по вопросам культурного наследия русскоязычного населения, творческие конкурсы по русской культуре для молодого населения, организывает дискуссии, выставки, тематические вечера, концерты при участии представителей творческих организаций стран Балтии и России.

Таким образом, проанализировав современное состояние русского языка в Литве, В.В. Ксенофонов выделяет следующее: «Государственная политика Литвы направлена на сужение сферы применения русского языка, но соответствующие учреждения культурного и образовательного характера стремятся к сохранению преемственности в области языка и духовной

культуры для русскоязычных граждан, проживающих в Литовском государстве» [Ксенофонтов, 2018:113].

Согласно действующему Закону о языке, который был принят в 1995 году, государственным языком Эстонии является эстонский язык, а другие языки имеют статус иностранных языков.

После распада СССР русский язык в Эстонии утратил ряд своих функций. Однако на сегодняшний день русский язык активно применяется в СМИ, образовании, культуре, экономике, науке, официально-деловой сфере, бытовом общении. Например, на русском языке издаются две общегосударственные газеты – «Молодёжь Эстонии» и «Postimees», еженедельники «День за днём», «МК Эстония», «Вести» и др., региональные газеты «Столица», «Северное побережье» (данные газеты публикуются на двух языках: эстонском и русском), «Южная столица», «Нарвская газета» и т.д. Также, функционируют две государственные программы радиовещания на русском языке: «Радио 4» и частные радиоканалы «Русское радио» и «Sky radio» и др. Функционируют ряд частных русскоязычных телеканалов. Как известно, Эстония занимает лидирующую позицию по доступности и числу пользователей Интернета, и русскоязычные граждане имеют возможность получать информацию на русском языке, используя русскую версию новостного портала «Delfi» и сайты русскоязычных газет.

В основном обучение в высших учебных заведениях проходит на эстонском языке, в меньшей степени представлены русско- и англоязычные программы.

Одним из наиболее эффективных форм поддержки русского языка является его функционирование в сфере образования. Русский язык преподаётся как иностранный (далее РКИ). РКИ пользуется популярностью среди молодёжи, поскольку работодатели довольно часто требуют от своих сотрудников знания русского языка. По числу изучающих РКИ в

общеобразовательных эстоноязычных школах, он занимает второе место после английского.

В целях укрепления и сохранения позиции русского языка в Эстонии предпринимаются следующие меры:

1. Выходят литературно-художественные журналы «Вышгород» и «Таллинн» на русском языке;
2. В Таллине работает Русский драматический театр;
3. Функционирует Русский музей;
4. Организовываются экскурсии на русском языке в разных музеях страны;
5. В библиотеках есть русская литература;
6. Проводятся различные фестивали, такие как «Пейпус» и «Золотая маска в Эстонии» и т.д.
7. В школах и высших учебных заведениях есть русскоязычные самодеятельные коллективы [Костанди, 2013:9].

Е. Костанди отмечает: «Русский язык в меньшей степени употребляется в официально-деловой сфере. Эстонский язык считается языком делопроизводства в стране, однако, согласно Закону, о языке внутреннее делопроизводство может вестись и на языке нацменьшинства, проживающего в регионе, и в зависимости от обстоятельств судопроизводство и следственные действия могут осуществляться на государственном или на языке нацменьшинства» [Костанди, 2013:12-14]. В официально-деловой сфере русский язык используется в сфере банковских, телекоммуникационных, транспортных, строительных, туристических услуг.

Таким образом, русский язык на постсоветском пространстве не только сохраняет свои позиции, но и расширяет сферы функционирования. Это обусловлено углублением политико-экономических и культурных связей, а также его ролью в поддержании общей идентичности. Таким образом, он продолжает выполнять ключевую функцию языка межнационального и

межэтнического общения во всех странах СНГ. Новые политические и экономические объединения (ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, ШОС) возвышают роль русского языка в XXI век, способствуют расширению его функционирования и укреплению его позиций на евроазиатском континенте.

В связи с большой значимостью функционирования русского языка на территории постсоветских государств для нашего исследования, постараемся подвести развёрнутые итоги данного раздела. Проблема функционирования русского языка на постсоветском пространстве является сложной, многогранной и крайне динамичной. Она лежит на пересечении лингвистики, политики, истории, социологии и культурологии. На постсоветском пространстве русский язык претерпел фундаментальную трансформацию: из обязательного языка межнационального общения он превратился в политизированный инструмент и маркер геополитического выбора. Это привело к радикальной диверсификации его статуса, который теперь полностью определяется внутренней политикой каждой страны.

Ключевые выводы исследования показывают, что проблема функционирования языка лежит на пересечении нескольких дисциплин и характеризуется несколькими разнонаправленными тенденциями: в политико-правовой произошло радикальное сужение ареала его распространения, русский язык утратил прежний статус основного языка, его правовой статус теперь полностью зависит от внутренней политики каждого постсоветского государства, его статус колеблется от второго государственного языка до языка национальных меньшинств.

С точки зрения социолингвистических исследований наблюдается разрыв поколений и сфер употребления русского языка. Наблюдается устойчивое снижение уровня владения русским языком среди молодёжи в странах, где он лишён государственной поддержки (особенно в Грузии, странах Балтии, сельских районах Средней Азии). В других странах (особенно

в Средней Азии, Закавказье) сложилась ситуация, в которой государственный язык доминирует в политике, официальном делопроизводстве и образовании, а русский остаётся языком бизнеса, межнационального общения, IT-сферы, науки и культуры. Он сохраняет функцию «окна в мир».

С точки зрения культурного и информационного аспекта наблюдается также двойная ситуация - притяжение и отталкивание. Сильным фактором поддержания языка остаются российские медиа (ТВ, кино, музыка, соцсети), которые формируют общее культурное и информационное пространство для русскоязычных граждан постсоветских стран. В условиях геополитической конфронтации (особенно после 2014 и 2022 гг.) потребление российского медиаконтента во многих странах стало восприниматься как политическая лояльность, что заставляет власти ограничивать его и стимулировать развитие национального контента.

Знание русского языка остаётся важным экономическим активом для трудовых мигрантов из Средней Азии и Закавказья, работающих в России и Казахстане. Для России русский язык — инструмент сохранения влияния и привлечения человеческого капитала (программы переселения соотечественников, упрощённое получение гражданства для носителей языка).

В странах, стремящихся в ЕС и НАТО (Украина, Грузия, страны Балтии), отказ от русского языка является частью курса на декоммунизацию, десоветизацию и построение суверенной национальной идентичности, противопоставленной российской.

Процесс сужения сферы использования русского языка и снижения уровня владения им в большинстве постсоветских стран является объективным и в некоторых ситуациях необратимым в долгосрочной перспективе.

Разрыв в статусе и распространённости русского языка в постсоветских странах, на наш взгляд, будет только увеличиваться. В

Беларуси, Казахстане и Кыргызстане он останется значимым. В Украине, Грузии и странах Балтии его публичная роль будет сведена к минимуму, и он будет существовать преимущественно как язык семейного общения меньшинств.

Будущее русского языка в регионе в решающей степени зависит не только от языковой политики самой России (хотя данный фактор остаётся достаточно значимым), а от внутреннего политического выбора каждой постсоветской страны и от общего состояния российско-западных и российско-региональных отношений. Таким образом, русский язык на постсоветском пространстве постепенно теряет универсальность, но остаётся важным сегментированным ресурсом коммуникации, культурной принадлежности и геополитического влияния.

1.3 Реализация государственной политики Республики Таджикистан в сфере укрепления позиции русского языка

В Республике Таджикистан, согласно Конституции, русский язык является языком межнационального общения. Государственным языком признан язык титульной нации - таджикский язык. Цель закрепления языка как государственного очевидна – это использование языка как одного из инструментов осуществления государственной национальной политики. Государственный язык одновременно обеспечивает единство культурного пространства в стране, её политическое единство и культурное влияние одной национальной культуры, чаще всего культуры «титульной» нации. Обеспечение политического единства оправдывает обязательное установление государственного языка для использования только в официальных сферах общения – при подготовке документов государственных органов, публикации нормативных актов, проведении выборов. Баланс между единством страны и защитой национальных культур иногда приводит к установлению одного языка в качестве государственного де-факто, тогда как

де-юре все языки остаются равноправными. В крупнейших империях XX века – СССР и США – официальный государственный язык де-юре не устанавливался, хотя фактически один язык безраздельно доминировал во всех официальных сферах.

Обеспечение политического и культурного единства страны с помощью государственного языка требует создания единого коммуникативного информационного пространства. Информация, которая важна для граждан, должна быть им доступна. Не менее важно, чтобы эта информация была понятна.

Проблема государственного после развала СССР была поднята сразу после установления государственной независимости, на что были причины, о которых мы уже упоминали выше: роль национальных языков была сведена к минимум в государственном управлении, науке, частично в образовании и других сферах. «В этих условиях представители национальной интеллигенции забили тревогу: таджикский язык в опасности! Опасения были вполне обоснованными. К тому времени в республике выросли уже целые поколения, не знающие родного языка и культуры. Не умела говорить по-таджикски и правящая элита страны. После череды санкционированных и несанкционированных митингов в Душанбе и бурной полемики в прессе парламент страны принял решение: спасти таджикский язык может только специальный закон» [Агафонова, 2021:35]. 22 июля 1989 года году с принятием Закона «О языке» за таджикским языком юридически закреплён статус государственного языка, а русскому отведена роль «языка межнационального общения».

Закон был принят ещё в советское время. С учётом политических, языковых, культурных, демографических и других изменений за годы независимости 5 октября 2009 года был принят новый закон — «Закон Республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан», в котором значительная часть регулирования касалась

функций государственного языка и в котором появились очень важные правила, касающиеся официального закрепления норм языка при его использовании в качестве государственного.

Закон состоит из 7 глав и 27 статей.

По «Закону Республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан», принятому нижней и верхней палатой парламента в 2009 г. в 3 статье говорится:

1. «Забони давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон забони тоҷикӣ аст (*таджикский язык является государственным языком Республики Таджикистан*)» [<https://majmilli.tj>].

2. «Забони давлатӣ дар ҳама соҳаҳои ҳаёти сиёсӣ, иҷтимоӣ, иқтисодӣ, илмӣ ва фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон истифода мешавад (*государственный язык используется во всех сферах политической, социальной, экономической, научной и культурной жизни Республики Таджикистан*)» [<https://majmilli.tj>].

Однако в 4-ой статье данного Закона подчёркивается, что другим нациям и народностям даётся право для свободного выбора языка обучения: «*Ҳамаи миллатҳо ва халқиятҳо, ки дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон зиндагӣ мекунанд, ба истиснои ҳолатҳо, ки Қонуни мазкур пешбинӣ намудааст, ба истифодаи озоди забони модаринашон ҳуқуқ доранд*» [<https://majmilli.tj>]. (Все нации и народности, проживающие на территории Республики Таджикистан, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом, имеют право на свободное использование родного языка) [<https://majmilli.tj>].

Согласно постановлению правительства, которое было принято в 1997 году, таджикский язык должен использоваться в политической, экономической, культурной и социальной жизни. Государство предпринимает меры для сохранения и функционирования русского языка как языка межнационального общения [Юй Хайджу, 2020:10].

22 ноября 2009 г. Эмомали Рахмон, выступая в Кремле на пресс-конференции, отметил, что «В Республике Таджикистан русский язык не подвергается притеснению, он по-прежнему сохраняет свой конституционно закреплённый статус, и никто не собирается пересматривать его статус. Все принятые документы парламентом контролируют только сферы функционирования таджикского языка» [<https://ria.ru>]. Эмомали Рахмон назвал в корне неверными публикации в СМИ о том, что русский язык ущемляется в республике. «Одной из задач государственной политики Таджикистана является расширение и улучшение изучения и преподавания русского языка. Акты президента и правительства в республике принимаются на двух языках – таджикском и русском. Десятки газет и журналов публикуются на русском языке, что свидетельствует о важной роли русского языка в Республике Таджикистан... Русский язык на протяжении многих лет для нас был и остаётся окном в науку, средством общения с внешним миром, и утрата этого инструмента было бы в ущерб себе» [<https://ria.ru>].

Таким образом, из вышеизложенного можно вывести, что в Республике Таджикистан русский язык считается наиболее эффективным способом межнационального общения, и с его помощью можно получить доступ к научной информации и к достижениям мировой цивилизации. В настоящее время в Республике Таджикистан невозможно обойтись без знания русского и других иностранных языков, поскольку интенсивнее стали развиваться политические, экономические и культурные связи со странами ближнего и дальнего зарубежья.

В контексте развития русскоязычного образования в Республике Таджикистан особое значение приобретают меры, предпринимаемые на государственном уровне по обеспечению условий для функционирования русских классов и школ. По информации, представленной Министром образования и науки Республики Таджикистан Рахимом Саидзода в рамках пресс-конференции, в 2024 году в стране функционируют 244

общеобразовательных учреждений с русскими классами, а также 60 школ с русским языком обучения [<https://khovar.tj>].

Согласно официальным заявлениям, с 1 сентября 2024 года планируется полное обеспечение всех русских классов общеобразовательных школ необходимыми учебными пособиями. Решение данного вопроса стало результатом межгосударственного взаимодействия и было обсуждено в ходе встречи Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона с Премьер-министром Российской Федерации Михаилом Мишустиним. В результате переговоров российская сторона взяла на себя обязательства по изданию учебников для русскоязычных учащихся, выделив на эти цели 200 миллионов российских рублей [<https://khovar.tj>].

Данный факт свидетельствует о растущей поддержке русскоязычного образования на межправительственном уровне и подчёркивает стратегическую важность сохранения и развития русского языка как языка обучения в системе общего образования Таджикистана.

Однако следует отметить, что в ряде национальных общеобразовательных учреждений количество учебных часов, отведённых на изучение русского языка, остаётся недостаточным. Это негативным образом сказывается на уровне овладения русским языком, особенно в сельских регионах страны. Среди ключевых факторов, обуславливающих снижение качества преподавания, следует выделить недостаточный уровень методической подготовки педагогических кадров, ограниченную обеспеченность учебно-методическими материалами, а также – и прежде всего – отсутствие полноценной языковой среды, способствующей формированию устойчивых коммуникативных навыков на русском языке [Шамбезода, 2006:76].

Согласно данным исследования, проведённого Институтом Пушкина в 2024 году, статус и конкурентоспособность русского языка были оценены на основе ряда ключевых параметров, включая распространённость,

институциональное присутствие, научную и медиапродуктивность, а также положение в цифровой среде. Анализ охватывал сопоставление русского языка с одиннадцатью ведущими языками мира [Индекс положения, 2024 <https://www.pushkin.institute/index-russkogo-yazyka/>].

По числу говорящих и пользователей русского языка он сохраняет 9-е место, охватывая свыше 255 млн человек. Впервые включённый показатель доли носителей среди всех говорящих позволил зафиксировать 7-е место русского языка, при этом около 60% пользователей являются носителями в социокультурном и профессиональном смысле.

Согласно рейтингу по количеству стран, где используется язык, русский занимает 6-е место. В международных организациях он является официальным или рабочим языком в 15 из 23 институций, что обеспечивает ему 4-е место по данному показателю.

По числу публикаций в научных базах Scopus и Web of Science русский язык занимает 5-е место, а по количеству периодических изданий с присвоенным ISSN – 7-е место.

Особое внимание в исследовании 2024 года уделено параметру «языки в цифровой среде». Здесь русский язык занимает 6-е место по совокупности показателей: количество сайтов, цифровая поддержка, язык пользовательских интерфейсов и степень локализации программного обеспечения.

Интегральный индекс глобальной конкурентоспособности, агрегирующий все вышеуказанные параметры, определяет для русского языка 5-е место в мировом рейтинге, что свидетельствует о стабильном и устойчивом положении языка в ключевых сферах международной коммуникации, науки и цифровых технологий.

В условиях устойчивого положения русского языка в международной коммуникации, подтверждённого данными рейтингов глобальной конкурентоспособности, владение русским языком приобретает особую значимость для трудовых мигрантов, осуществляющих длительное

пребывание и профессиональную деятельность на территории Российской Федерации. Язык выполняет ключевую интеграционную функцию, обеспечивая доступ к экономическим, социальным и правовым институтам принимающего общества.

Языковая политика Таджикистана, неоднократно подтверждённая в выступлениях Президента РТ Эмомали Рахмона, нацелена на трехязычие граждан: таджикский – государственный язык, русский – язык межнационального общения, английский – язык, востребованный глобализацией мировой экономики и повсеместной информатизации. В целях усиления и скорейшего форсирования названной языковой политики Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном издан Указ «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан». Для претворения в жизнь названного Указа Правительством Республики Таджикистан была принята «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан», которая реализуется с 2008 года по настоящее время.

В рамках реализации данной Программы в 2007-2008 учебном году в Таджикском национальном университете на базе отделения русской филологии вновь открыли факультет русского языка и литературы. В Указе Президент республики Эмомали Рахмон подчёркивается, что «Знание русского и английского языков ни в коей мере не может идти в ущерб функциональному и внутривидовому развитию государственного языка» [<https://ria.ru>].

В городе Душанбе плодотворно функционирует Российско-Таджикский (Славянский) университет, филиал МГУ, филиал Московского энергетического института и филиал МИСиС. Кроме того, что в республике функционирует множество школ с русским языком обучения, в 2022 году в столице и областных центрах Российской Федерацией построены и сданы в

эксплуатацию 5 российских школ, где обучение проводится по стандартам РФ.

Потребность таджиков в русском языке способствует развитию разных форм таджикско-русского двуязычия. Одной из причин проявления массового и индивидуального двуязычия являются разного рода политические, экономические, научные и другие связи между разноязычными народами.

Елена Яценко, президент фонда «Наследие Евразии», в интервью для РИА «Новости» «Нужен ли русский язык в СНГ» отмечает: «К числу важнейших ресурсов, оставленных Российской империей и советским периодом в наследие новым независимым государствам, относится русский язык. Ценность этого наследия трудно переоценить: для его накопления в своё время, не говоря уже об экономических затратах, потребовались колоссальные усилия политического, научного, социального и культурного характера. В русский язык как институт были вложены огромные средства, и его наследниками являются все жители новых независимых государств» [Яценко, РИА «Новости»].

Распространение русского языка в республике для России является частью политического курса. Россия предоставляет студентам из Таджикистана квоты на обучение в российских вузах. Русский язык, таким образом, стал культурно-образовательным инструментом мягкой силы, направленной на сохранение российского влияния. Индикатором положения русского языка может служить количество образовательных учреждений с преподаванием на русском языке.

Все усиливающаяся тяга учащихся и молодёжи к русскому языку обусловлена следующими причинами:

- знание русского языка открывает большие перспективы для вузовского и послевузовского образования;
- работа в Интернете в основном осуществляется с русскими текстами;

- информационное пространство (СМИ: газеты, журналы, телевидение) более чем на 50% заполнено русским языком;

- по дисциплинам негуманитарного профиля преобладает литература на русском языке.

Таким образом, жители Таджикистана имеют желание теснее общаться с Россией через русский язык, но не могут этого добиться в силу объективных ограничений. Для Таджикистана Россия остаётся наиболее желанным стратегическим партнёром. Перспективы функционального развития русского языка в Таджикистане все больше будут определяться практическими потребностями в его владении. Чем динамичнее будут развиваться связи между государствами, тем реальней будет просматриваться объективная потребность в знании русского языка.

1.3.1 Русский язык в сфере образования и науки Республики Таджикистан

В современном мире знание русского языка становится важным, поскольку с помощью данного языка расширяется возможности для обмена информацией, в том числе научной. Знание русского языка расширяет кругозор, улучшает обучаемость, помогает познакомиться с русской культурой, развивать зарубежные контакты с иностранными партнёрами и т.д.

В рамках концепции «Русская школа за рубежом», которая была утверждена в ноябре 2015 г., 1-ого сентября 2022 года в сотрудничестве двух президентов – Эмомали Рахмоном и Владимиром Путиным были открыты 5 российско-таджикских школ в Республике: в г. Душанбе – школа имени Ю. Гагарина, в г. Турсунзаде – школа имени Д. Менделеева, в г. Бохтар - школа имени М. Ломоносова, в г. Куляб – школа имени К. Ушинского, в г. Худжанд – школа имени А.П. Чехова.

Русский язык имеет статус обязательного учебного предмета в системе среднего и профессионального образования Таджикистана. По степени

социальной активности он занимает вторую позицию после таджикского языка как государственного. Указ Президента и Постановление правительства РТ «О мерах совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в образовательных учреждениях до 2030 года» играет важную роль в высокой научно-методической организации учебного процесса. В средних общеобразовательных учреждениях русский язык изучается со 2-ого класса.

Республика Таджикистан является одной из тех постсоветских стран, где русский язык не подвергается гонению, более того, государственная языковая политика стремится расширить и улучшить изучение и преподавание русского языка на всех образовательных уровнях.

Ведущие лингвисты республики проявляют интерес к этой проблеме и ищут пути её решения. Ими уже создано значительное количество работ, где исследуется функционирование русского языка в системе образования Таджикистана. Исследование функционирования русского языка в образовательной системе Республики Таджикистан начинается с имён таких таджикских учёных, как Х.Дж. Шамбезода («Русский язык в образовательной системе Таджикистана»), Т.В. Гусейнова, И.Х. Каримова («Государственная политика республики Таджикистан в вопросах развития русского языка в современном образовательном пространстве»), М.Б. Нагзибекова («Русский язык в Таджикистане: проблемы и перспективы»), Р.А. Усмонов («Русский язык в культуре и политике Таджикистана»), З.З. Саидов («Русский язык в современном социокультурном, образовательном и политическом пространстве Республики Таджикистан»)), М.М. Товбаева («Научно-методические основы интегрированного обучения русскому языку в таджикской школе»), Н.Х. Маджидова («Лингвокультурологический аспект обучения русскому языку в условиях формирования таджикско-русского билингвизма»), Р.Н. Бабаева («Дидактические условия развития коммуникативных навыков учащихся национальных школ Республики

Таджикистан: на материале обучения русскому языку в начальных классах») и многих других.

Русский язык остается востребованным в системе школьного образования Таджикистана. На это указывают данные Минобрнауки: в 39 русских школах страны обучаются свыше 27 тысяч детей, а ещё 70 тысяч школьников получают образование в 160 смешанных таджикско-русских школах. «В педагогических училищах и колледжах готовят специалистов по обучению русскому языку для детских дошкольных учреждений и для начальной школы, а для старших классов общеобразовательных школ и вузов республики специалисты русского языка и литературы готовятся в следующих вузах: Таджикский государственный институт языков, Таджикский государственный педагогический университет им. С.Айни, Таджикский государственный национальный университет, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Худжандский государственный университет, Кулябский государственный университет им. Рудаки, Курган-Тюбинский государственный университет им. Н. Хисрава, Хорогский государственный университет им. М. Назаршоева. В этих государственных вузах действуют 14 кафедр русского языка и литературы» [Шамбезода, 2006:77].

Источником эмпирических данных для исследования послужила коллективная монография «Система обучения русскому языку и на русском языке в Республике Таджикистан», опубликованная под научной редакцией И.Ю. Кочешковой.

В параграфе 2.2 монографии «Инфраструктура обучения на русском языке и русскому языку в системе общего образования» представлены следующие ключевые сведения:

« 1) В 2020-2021 учебном году обучение на русском языке получали 102 622 учащихся Таджикистана, распределённых по 3 422 классам в 211 образовательных учреждениях.

2) В г. Душанбе значительная часть школьников обучается в русскоязычных школах – 72 700 человек. При этом 13 учреждений реализуют обучение полностью на русском языке, в которых обучается 10 510 учащихся, а 62 190 обучаются в смешанных классах.

3) В системе общего образования Республики Таджикистан функционирует смешанное обучение, предполагающее преподавание на нескольких языках. Согласно данным, в 2020/2021 учебном году насчитывалось 7 593 смешанных классов в 173 учреждениях, в которых обучалось 218 857 учащихся, что составляет 10,3 % от общего числа школьников страны. Средняя наполняемость смешанных классов составляет 30 человек, за исключением русско-английских классов, где средний размер класса равен 20 учащимся» [Кочешкова, 2022:29].

Необходимо подчеркнуть, что согласно статистическим данным Министерства образования и науки Республики Таджикистан за 2024 год, в стране наблюдается устойчивый рост числа общеобразовательных учреждений различных типов, реализующих многоязычные модели обучения. В настоящее время в республике функционирует около 4000 школ с комбинированным (смешанным) языковым режимом, предусматривающим преподавание на таджикском и иных языках. Кроме того, в образовательной системе представлены 60 школ с полным обучением на русском языке и 5 школ, реализующих образовательные программы на английском языке. Также имеются учреждения с обучением на туркменском (6 школ) и киргизском (2 школы) языках [<https://caravan-info>].

Русский язык в Таджикистане обладает особым статусом: он не только закреплён в Конституции в качестве языка межнационального общения, но и входит в число обязательных дисциплин согласно государственным образовательным стандартам, преподавание русского языка является обязательным компонентом учебных программ и начинается с начального звена образования, преимущественно со второго класса. Несмотря на это, в

ряде образовательных учреждений русский язык преподаётся как иностранный, что указывает на различия в уровнях языковой подготовки.

Также авторами монографии отмечается, что «в 2020/2021 учебному году в Республике Таджикистан работали пять российских средних школ...В российских школах таджикский язык преподаётся факультативно. На 2020/2021 учебный год в Республике Таджикистан по статистическим данным общая численность школьников, получающих образование по российским программам, насчитывается около 2,5 тысяч человек» [Кочешковой, 2022:39]. Сегодня в Таджикистане 8 общеобразовательных школ, работающих по российским образовательным программам.

Основными преимуществами российских школ является:

- хорошая материальная база;
- получение российских аттестатов;
- возможность поступить в российские вузы;
- получение квот для поступления в военные институты РФ.

В Республике Таджикистан активно работают частные средние учебные заведения с русским языком обучения. «В Таджикистане работают 27 школ с русским языком обучения, в 185 школах обучение проводится на таджикском и русском языках. Функционирует 8 российских школ, где обучение проводится по государственным образовательным стандартам РФ (5 построенный и сданных в эксплуатацию в 2022 году российских школ, 2 школы при РТСУ, филиал Ногинской школы в г. Нуреке). Обучение в школах с русским языком является самым востребованным, престижным для коренного населения» [Кочешкова, 2022:29]. Парадокс заключается в том, что классы с русским языком обучения переполнены, хотя в них учится всего чуть более 1% русскоязычных детей — цифра, которая отражает общую долю этого населения в стране.

По состоянию на 2023 год в системе общего среднего образования Республики Таджикистан функционирует свыше 4000 общеобразовательных

учреждений, в которых русский язык входит в обязательную часть учебного плана. Кроме того, в республике действует 146 гимназий и лицеев, примерно в половине из которых учебный процесс осуществляется на русском языке либо с его углублённым изучением русского языка. Это свидетельствует о сохранении значимого институционального статуса русского языка в национальной образовательной системе [Шамбезода, 2023:423].

Для решения проблемы с нехваткой учителей русского языка образовательными ведомствами двух стран в 2017 году был запущен проект «Российский учитель за рубежом», в рамках которого ежегодно повышается численность российских учителей в школах Таджикистана, причём не только учителей русского языка, но и других дисциплин.

В целях популяризации и укрепления позиции русского языка и культуры в мире Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина была запущена международная волонёрская программа «Послы русского языка в мире». В данной программе могут участвовать студенты-волонтеры, желающие помочь сохранению и развитию русского языка в разных странах. Каждый год послы русского языка приезжают в Республику Таджикистан. Российские волонтеры проводят открытые занятия по русской литературе и языку, готовят музыкальные номера для традиционного концерта, которым завершается очередная их поездка.

20 ноября 2021 году в Душанбе на базе Российско-Таджикского (Славянского) университета в рамках Дней русской культуры и языка была создана кафедра «Институт Пушкина». Кафедра открылась при тесном сотрудничестве Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина и Российско-Таджикского (Славянского) университетом при поддержке Министерства науки и высшего образования России и Министерства образования и науки Республики Таджикистан. Данная кафедра была создана в целях координации деятельности по обеспечению качества образовательных программ на русском языке в Республике Таджикистан. В

рамках перспективного плана кафедры специалисты Института Пушкина проводят программы повышения квалификации для таджикских преподавателей, школьных учителей русского языка, административных сотрудников системы образования Республики Таджикистан.

23 декабря 2021 г. на кафедре «Институт Пушкина» в Российско-Таджикском (Славянском) университете открылась Штаб-квартира послов русского языка, где будет проходить обучение волонтеров, оказываться методическая помощь, планироваться и организовываться экспедиции волонтеров.

17 ноября 2023 г. на пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи СНГ мэр города Рустами Эмомали сообщил о том, что Республика Таджикистан заинтересована в продолжении сотрудничества в сфере образования с Российской Федерацией, поскольку построенные Россией пять российских школ в стране дали возможность таджикским школьникам получить качественное образование. Мэром было отмечено, что «в настоящее время в РТ в 10 вузах, в том числе в пяти специализированных, осуществляется подготовка специалистов и преподавателей по русской филологии».

26 декабря 2022 года Владимир Путин в неформальной встрече глав государств СНГ заключил: «Русский язык – это мощная объединяющая сила, которая скрепляет наши многонациональные государства». О высокой роли русского языка на пространстве СНГ заявил президент Казахстана Касым-Жомар Токаев. В заключении заседания главы государств СНГ в Астане утвердили план проведения в СНГ в 2023 году «Года русского языка как языка межнационального общения». Данный документ имеет более 150 пунктов. К нему относятся мероприятия общегуманитарного, научно-образовательного, культурно-просветительского характера, мероприятия по подготовке и повышению квалификации учителей русского языка, выявлению и поддержке одарённых детей в области русского языка.

Таким образом, можно смело утверждать, что русский язык играл и продолжает играть существенную роль в системе образования. В «Государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан» утверждается: «Русский язык в Республике Таджикистан на протяжении многих лет играет роль языка межнационального общения. В качестве официального языка он является стрержнем, формирующим полилингвальное и поликультурное образовательное пространство в стране» [Кочешковой, 2022:45].

Принятие Государственной программы свидетельствует и значимости русского языка и его востребованности в Республике Таджикистан.

В настоящее время в СНГ русский язык широко используется и в науке. Сегодня множество учёных Центральной Азии публикуются в российских журналах. Русский язык остаётся одним из основных языков на международных конференциях и форумах, где каждый из участников может свободно выражать свои мысли и всегда будет понят аудиторией.

Одним из основных показателей высокого уровня развития общества принято считать представление научных достижений государства на мировом уровне, где язык играет важную роль. После получения независимости, проблема языка науки в Республике Таджикистан стала актуальной, поскольку национальная независимость является важнейшим фактором создания национального государства и развития науки и техники. Законом о государственном языке предписано расширять роль таджикского языка в данной сфере во всех областях науки. Однако только посредством одного языка нельзя в достаточной мере приобщаться к достижениям мировой научной мысли и представить свои научные школы. В данном плане русский язык был и остаётся ключом доступа к значительному объёму общемировой научно-технической информации, культуры и искусства и представления достижений для широкого круга научного сообщества.

В эпоху бурного развития науки и техники, сотрудничества в области науки и новых технологий в Таджикистане одним из языков определён русский язык, который является третьим языком по публикационной активности в сфере науки после английского и китайского. Роль русского языка велика в представлении таджикской науки и культуры в научном мировом пространстве.

Согласно приказу Министерства образования и науки Республики Таджикистан от 27 сентября 2017 года за №49/1-3 научные работы докторантов, соискателей и аспирантов могут писаться и защищаться на русском и английском языках, кроме направлений, отражающих этнический национальный характер: *«Минбаъд ҳимояи рисолаҳои илмиро барои дарёфти дараҷаҳои илмии номзади илмҳо, доктор аз рӯи ихтисос, доктори фалсафа ва доктори илмҳо, ба ғайр аз ихтисосҳои ҷанбаи этикию миллидошта, бо забони русӣ ё англисӣ ба роҳ монанд»* (отныне защита диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук будет осуществляться на русском и английском языках, за исключением специальностей, связанных с этическими и национальными аспектами).

Таджикистан является единственным государством на постсоветском пространстве, где, кроме национального ВАКа, функционируют российские диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций, открытые приказом Министерства науки и высшего образования РФ. Функционирование более сорока российских диссертационных советов в Таджикистане говорит о престижности российского послевузовского образования и об уровне знания таджикскими исследователями русского языка, так как диссертации, защищаемые в данных советах, пишутся на русском языке, статьи публикуются в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Следует согласиться с Матлубаи Кодирзод, которая утверждает, что «Важным событием относительно популяризации русского языка является предложения президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева о создании

организации по поддержке и продвижению русского языка под эгидой СНГ, целью которой будет развитие гуманитарных контактов в мировом русскоязычном пространстве с использованием передовых цифровых технологий, обеспечение взаимодействия образовательных организаций, научных и исследовательских учреждений, общественных объединений, подготовку научных и научно-педагогических кадров, создание пула высококвалифицированных переводчиков с русского языка на языки государств-участников, а также с языков государств-участников на русский язык» [Матлубаи Кодирзод, 2023].

В области науки русский язык для таджикских учёных служит мостом, связывающим научные достижения таджикских исследователей с мировым научным сообществом, а также позволяет им в сжатые временные сроки приобщиться к научным достижениям учёных других стран. Русский язык позволяет таджикским учёным публиковаться в ведущих научных журналах России, имеющие высокое признание во всем мире. Знание русского языка даёт возможность проводить совместные научные исследования с ведущими научными школами и специалистами в различных областях, представляющие ведущие российские университеты и институты АН РФ. В связи с бурным развитием научной мысли востребованность в знании русского языка в научной среде Таджикистана все время возрастает, так как информационное поле на русском языке гораздо шире. Сфера науки представляет собой именно ту область, где востребованность в знании русского языка диктуется профессиональной необходимостью. И даже если не предпринимать никаких принудительных мер к знанию языка в среде научных работников, тяга к иностранным языкам, особенно к русскому, все время будет возрастать.

Таким образом, роль русского языка в Таджикистане является сложным, многослойным и динамичным феноменом, находящимся на стыке политики, экономики, образования и культуры. После распада СССР его статус и распространённость резко снизились, но в последние 15-20 лет

наблюдается умеренное возрождение, обусловленное прагматическими потребностями.

С обретением независимости таджикский язык стал единственным государственным, а русский – языком межнационального общения. Это юридически закреплено, но на практике его реальная функция выходит за эти рамки. Де-факто русский язык сохранил роль престижного языка. Владение им открывает доступ к качественному образованию, престижным рабочим местам и возможностям для трудовой миграции в Россию. Количество школ с русским языком обучения (или его углублённым изучением) сократилось по сравнению с советским периодом, но они остаются востребованными, особенно в городах. Они воспринимаются как гарантия более высокого качества образования.

Острейшей проблемой в сфере образования на русском языке остаётся нехватка квалифицированных преподавателей-русистов. Многие опытные педагоги уехали или находятся в возрасте, а подготовка новых кадров ведётся недостаточными темпами. Вузы Таджикистана активно развивают программы на русском языке, особенно по техническим, медицинским и экономическим специальностям. Это делается для повышения конкурентоспособности выпускников на внутреннем и внешнем (российском) рынках труда.

Русский язык остаётся важным, но уже не доминирующим каналом интеграции таджикских учёных в мировое научное сообщество. Существует разрыв: старшее поколение учёных часто публикуется на русском, а молодое стремится осваивать английский для публикаций в международных журналах. Доступ к актуальной научной литературе, базам данных и академическим журналам во многом по-прежнему осуществляется через русскоязычные ресурсы или партнёрство с российскими вузами и научными фондами. Снижение уровня владения русским языком у молодого поколения, без

массового перехода на английский, создаёт риск изоляции таджикской науки от основных потоков научной информации.

Знание русского языка для трудовых мигрантов становится не просто преимуществом, а условием для трудоустройства, легализации и безопасности. Это мощнейший стимул для обучения русскому языку в общеобразовательной школе.

Россия через свои гуманитарные проекты (Россотрудничество, квоты на образование, программы повышения квалификации учителей) активно поддерживает позиции русского языка, видя в этом инструмент мягкой силы. Проблема возрастания роли русского языка в Таджикистане сегодня находится на перекрёстке выбора между национальной идентичностью и прагматической необходимостью использования русского языка в образовании и науке.

Таким образом, будущее русского языка в Таджикистане будет зависеть от того, насколько успешно государство и общество смогут найти баланс между поддержкой родного языка и признанием объективной ценности русского как инструмента для решения стратегических задач развития. Умеренный государственный курс на поддержку русского языка, наблюдаемый в последние годы, свидетельствует о понимании этой дилеммы и выборе в пользу прагматизма.

1.3.2 Роль русского языка в сфере средств массовой информации

Республики Таджикистан

В современном мире средства массовой информации играют большую роль в распространении и укреплении позиций того или иного языка в том или ином государстве. При современных технологических условиях становится гораздо проще организовывать функционирование языка за пределами государства, где он является основным языком. Одним из основных признаков, представляющих имидж государства, является его

распространение за пределами страны и его реальная потребность, и функционирование в границах других национальных образований.

С обретением независимости роль русскоязычных СМИ в Таджикистане в 90-е годы прошлого столетия практически сошла на нет, но уже к началу 2000-х годов наблюдается рост использования русского языка в средствах массовой информации.

Несмотря на падение интереса к печатным СМИ в связи с их не периодичностью издания и устаревшей информативностью, в республике издаётся более двухсот наименований газет разных территориальных охватов: республиканских, областных, районных, городских. На русском языке издаётся около пятнадцати наименований, из которых можно выделить наиболее значимые. Из республиканских изданий следует выделить газету «Народная газета» (единственная русскоязычная правительственная газета) с еженедельной периодичностью издания, освещающая события республиканского значения. Городская газета «Вечерний Душанбе» публикует материала о столице, популярные новости и другие материалы. Среди русскоязычных газет следует также упомянуть газету «Бизнес и политика», которая на достаточно высоком уровне освещала проблемы экономики и политики, однако была не очень устойчивой. Несколько раз газета переставала издаваться, но через некоторое время опять восстанавливалась. Интересными были и её приложения «Россия сегодня» и «Молодежная».

Из русскоязычных журналов следует отметить журнал «Памир» (журнал Союза писателей РТ), публикует материалы литературоведческого характера, а также произведения русскоязычных поэтов и писателей, переводы на русский язык писателей и поэтов республики и других известных литераторов соседних государств. Особо следует выделить научные журналы Национальной академии наук РТ «Известия НАН РТ» (публикуются по отраслям науки), научные журналы ведущих университетов республики,

журнал Министерства образования и науки РТ «Русский язык и литература в школах Таджикистана», где 80 % материала публикуется на русском языке.

В Республике Таджикистан, помимо государственных радио, также функционируют независимые FM-радиостанции: «Азия плюс», «Азия FM», «Ватан», «Имруз», «Ориёно» и «Тироз» в г. Худжанд. В Хатлонской области и ГБАО вещают только государственные радиостанции. Значительная часть передач (около 30%) транслируется на русском языке.

Основная масса русскоязычных печатных средств массовой информации выходят в рамках созданных в период независимости медиа-холдингов, среди которых следует выделить наиболее популярные «Тоҷикистон», «Азия плюс», «Оила». Среди наиболее авторитетных русскоязычных газет следует выделить газету «Азия – plus», «Крим-инфор», «Авиценна», «Алладин». Как уже видно из названий данных изданий, тематика публикаций склонна отражать интересы читателей, за что чего издания выживают в новых условиях. Русскоязычная газета «Asia – plus» в республике имеет высокий рейтинговый показатель. Она удостоилась премии Союза журналистов РТ.

Особо следует выделить издание Центра социологических исследований «Зеркало», которое проводит исследования на самые различные темы и материалы публикуются отдельными брошюрами на русском языке. Аналитизм изданий очень высок, что определяется высоким читательским рейтингом.

В настоящее время в Республике Таджикистан зарегистрировано десять информационных агентств и центров, такие как «Ховар», «Asia – plus», «Вароруд», «Инфоркон», «Интер-пресс-сервис», «Авеста», «AIR OCEAN», которые вещают на таджикском и русском языках.

На государственных телеканалах республики русскоязычным программам отводится только 10% эфирного времени, поскольку русскоязычные СМИ сегодня испытывают кадровые и финансовые проблемы.

Особое место следует отвести в информационном пространстве Интернет-газетам, которые в основном публикуют информацию на русском языке с тем, чтобы она была доступна для читателей за пределами республики. Данный формат отличается от печатных СМИ, прежде всего тем, что электронные средства обеспечивают большую оперативность информации, которая играет самую существенную роль в ценности СМИ. Кроме электронных газет в сети Интернет информацию на любую интересующую тему, не зависимо от уровня владения русским языком, жители Таджикистана получают на русском языке. Эта тенденция не сокращается, а, наоборот, увеличивается, в связи с чем Интернет следует считать ещё одним важным источником совершенствования знаний русского языка носителями таджикского языка. В определённой степени, если использовать звуковой формат, Интернет можно причислить к своего рода языковой среде.

Таким образом, русский язык имеет различный официальный статус в постсоветских государствах, однако он по-прежнему сохраняет свою главную функцию – универсальный язык межнационального общения, рабочее орудие коммуникации в политике, экономике, безопасности, социальной и культурной областях. На фоне растущей заинтересованности и потребности в изучении русского языка в странах СНГ возникает и востребованность в русскоязычных СМИ. Главная цель средств массовой информации РТ – это взаимосвязь культурных потенциалов русской и таджикской нации.

Русскоязычные средства массовой информации республики являются важным связующим звеном взаимообусловленного синтеза культурных и духовных потенциалов таджикского и русского народов.

Выводы по первой главе

В данной главе рассматривается роль русского языка в мировом лингвистическом пространстве и в Республике Таджикистан. Русский язык входит в первую десятку по числу носителей и является одним из шести официальных языков ООН. Он играет важную роль как ключ к богатейшему культурному (литература, музыка) и научному наследию, остаётся главным языком межнационального общения в СНГ и ЕАЭС, особенно в сферах бизнеса, миграции и безопасности. Русский язык – один из самых распространённых в интернете, что делает его мощным каналом для информации и коммуникации. После распада СССР его глобальное влияние сократилось, но прагматическая ценность сохраняется для карьеры, образования и бизнеса в Евразии. Русский язык – это не просто наследие прошлого, а живой инструмент с устойчивыми позициями в международной коммуникации, экономике и культуре на обширной территории.

Русский язык в Таджикистане имеет официальный статус языка межнационального общения, его использование официально признано и регулируется на уровне выше, чем у иностранных языков. Сохраняется его роль в системе образования, сохраняется и постепенно увеличивается сеть школ с русским языком обучения, многие вузы, особенно технические, медицинские и экономические, активно используют русский язык в преподавании. Это повышает конкурентоспособность выпускников. Для миллионов трудовых мигрантов из Таджикистана, работающих в России, русский язык – основная опора. Он критически важен для трудоустройства, легализации, безопасности и коммуникации. Русский остаётся важным каналом для доступа к научной литературе, исследованиям и интеграции в академическое пространство СНГ.

Проанализировав теоретический материал, можно выделить следующие основные ключевые моменты:

- 1) В СССР русский язык фактически выполнял функции государственного языка, способствуя объединению многонационального

населения. Однако это сопровождалось снижением статуса и использования национальных языков, что вызвало критику со стороны современных исследователей. После распада СССР русский язык потерял официальный статус в ряде новых государств, за исключением России и Белоруссии. В некоторых странах СНГ он сохранил статус языка межнационального общения, но в ряде других подвергся вытеснению.

2) В советский период была реализована масштабная программа по развитию письменности народов СССР, ликвидации неграмотности и продвижению русского языка как языка межнационального общения. Это сочетание поддержки языков народов и институционализации русского языка как общего средства коммуникации стало характерной чертой советской языковой модели.

3) В настоящее время в условиях глобализации русский язык сталкивается с вызовами, связанными со снижением интереса к его изучению, особенно в странах Европы и Северной Америки. Однако Россия расширяет влияние в странах Азии, Африки, Латинской Америки, а также активно развивает культурное и образовательное сотрудничество с Китаем. В этом контексте особую значимость приобретает реализация концепции «Русская школа за рубежом» и поддержка русского языка как инструмента гуманитарного и политического влияния.

4) Несмотря на снижение числа изучающих русский язык, он по-прежнему входит в число мировых языков, оставаясь одним из официальных языков ООН и многих международных организаций. По численности носителей (от 260 до 285 млн человек) русский язык занимает восьмое место в мире. Он сохраняет устойчивые позиции в научной, культурной и образовательной сферах, особенно в странах СНГ. В качестве официального или рабочего языка русский находится на четвёртом месте, и пятое место занимает по количеству научных публикаций. Это свидетельствует о его устойчивом статусе как языка дипломатии и науки. Русский язык по числу

пользователей в интернете занимает девятое место с долей 2,5, несмотря на доминирование английского и китайского языков, также остаётся конкурентоспособным в цифровом пространстве. Следует подчеркнуть, что в сводной таблице из шести показателей (численность носителей, международные организации, публикации, СМИ, интернет-пользователи, доля сайтов) русский язык занимает пятое место среди мировых языков, что подчёркивает его стабильную позицию в глобальном лингвистическом пространстве.

5) В современном мире (XXI в.) русский язык сталкивается с демографическим спадом среди русскоязычного населения, с усилением позиций английского и других языков среди молодёжи, со сложным политическим контекстом (после 2022 года), с высокой сложностью для изучающих его как иностранный язык, с сокращением его использования в образовании за пределами РФ.

6) Несмотря на все возникающие проблемы, русский язык активно продвигается в странах Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Глобализация, интерес к русской культуре, новые технологии (онлайн-курсы, электронные книги, цифровые ресурсы) создают перспективу расширения русскоязычного пространства.

7) Сегодня язык находится в фазе между утратой прежнего мирового статуса и возможным новым подъёмом. Грамотно выстроенная языковая политика, направленная на укрепление позиций русского языка как инструмента глобальной коммуникации, может переломить негативные тенденции.

8) Русский язык продолжает выступать важным инструментом межнациональной и международной коммуникации, культурного обмена и образовательного взаимодействия в странах Центральной Азии. Его востребованность поддерживается не только историко-культурной преемственностью, но и современными прагматическими потребностями

населения. Однако дальнейшее укрепление его позиций требует взвешенной гуманитарной политики и активной языковой дипломатии со стороны России.

9) Реализация государственной политики Республики Таджикистан в отношении русского языка демонстрирует стремление к поддержанию баланса между укреплением позиций государственного таджикского языка и сохранением русского языка как ключевого инструмента межнационального общения, образования и международной интеграции. Государство, утвердив приоритет таджикского языка, одновременно подтверждает значимость русского языка в социально-экономической, научной, культурной и миграционной областях. Стабильный статус русского языка, определённый нормативно-правовыми актами, гарантирует его использование в системе образования, науки, СМИ, делопроизводства и межгосударственного взаимодействия. Существенную поддержку развитию русскоязычного образования оказывает сотрудничество с Российской Федерацией, в рамках которого реализуются образовательные программы, строятся русские школы и осуществляется издательская поддержка учебных пособий. Важным элементом языковой политики РТ становится реализация Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков, направленной на улучшение качества языкового образования, развитие кадрового потенциала и обеспечение современного учебно-методического сопровождения.

10) Русский язык в Республике Таджикистан выполняет основополагающие функции в профессиональной мобильности, научной коммуникации и социально-культурной интеграции. Его сохранение и развитие отвечает интересам как самого таджикского общества, так и стратегическим целям международного сотрудничества в рамках СНГ и Евразийского пространства.

ГЛАВА II. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН. БИЛИНГВИЗМ И ПОЛИЛИНГВИЗМ. ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

2.1 Билингвизм и полилингвизм: подходы к определению

Одной из самых важных проблем социальной лингвистики была и остаётся проблема билингвизма и полилингвизма. Тем более, что в процессе глобализации и массовой миграции населения земли знание языков становится одной из прагматических задач. Нет ни одной развитой страны, где бы не было языков, которые находятся в постоянном контакте, что и порождает билингвизм и полилингвизм. О. А. Колыхалова пишет, что «лингвистическое многообразие – уникальный фактор, значение которого недооценивается в теоретическом и практическом освоении действительности» [Колыхалова, 1999:27]. Несмотря на то, что число языков в мире стремительно сокращается, процесс многоязычия невозможно остановить. При борьбе языков за первенство борются языки, численность носителей которых составляет более 100 миллионов человек.

Многоязычие в пределах одного административного деления влечет за собой языковые контакты, которые становятся основой взаимодействия и смешения языков. Данная проблема является не менее значимой для социолингвистики, ибо «взаимовлияние языков – один из самых могучих стимулов языковых изменений» [Мартине, 1972:83]. Говоря о языковых контактах нельзя не упомянуть имя У. Вайнрайха, впервые употребивший данный термин в своей работе «Языковые контакты: состояние и проблемы исследования» и определил языковой контакт как «поочередное использование двух и более языков одними и теми же лицами, которых называют двуязычными» [Вайнрайх, 1972:32].

Понятие двуязычие достаточно понятное, на наш взгляд, явление, однако, когда его «обставляют» рядом социальных признаков, то его классификация и определение становятся настолько разнообразными, что создается впечатление того, что многие лингвисты просто усложняют достаточно понятное общественное явление. Часто разграничивают понимание билингвизма в лингвистическом и социолингвистическом понимании.

Билингвизм, или двуязычие, — это когда человек свободно говорит на двух языках и использует их в общении. То, как эти языки уживаются в его голове, определяет тип билингвизма:

Раздельное владение (Координативный): человек будто имеет два независимых "переключателя" для каждого языка. Он не путает слова и грамматику, поэтому говорит чисто.

Зависимое владение (Субординативный): второй язык постоянно "сверяется" с родным. Из-за этого в речи появляется акцент, кальки с родного языка и грамматические ошибки.

Единая система (Смешанный): оба языка сливаются в одно целое, и человек с одинаковой лёгкостью думает и говорит на любом из них, не путая их. Это высшая степень билингвизма. Л.В. Щерба называл такую коммуникативную систему «одним языком с двумя терминами».

Характерные особенности каждого приведенного типа билингвизма можно свести в таблицу:

Тип билингвизма	Восприятие языков в сознании	Характер речи и последствия
Координативный	Два языка автономны, не смешиваются.	Минимальная интерференция. Чистая речь на обоих языках.

Тип билингвизма	Восприятие языков в сознании	Характер речи и последствия
Субординативный	Второй язык воспринимается через призму родного.	Высокая интерференция (акцент, грамматические и лексические ошибки).
Смешанный	Языки образуют единую, равноправную систему.	Идеальное владение без смешения, оба языка используются свободно и правильно.

Существует ряд других критериев классификации билингвизма:

- групповой и индивидуальный (по количеству билингвов);
- сбалансированный и несбалансированный (по уровню языковой компетенции билингва);
- индивидуальный и массовый;
- пассивный и активный (по преобладающим речевым навыкам и видам речевой деятельности билингва);
- односторонний и двусторонний (владение двумя языками обоими контактирующими коллективами или только одним из них);
- внутригрупповой и межгрупповой (по характеристике внешних и внутренних связей социальной группы);
- контактный и не контактный;
- прогрессивный – регрессивный (как характеристика этапов смены языка).

Данный перечень можно продолжить, однако даже по приведенному перечню можно судить о многочисленности классификации билингвизма и полилингвизма.

В науке существует очень много мифов о билингвизме, например:

1.Миф о социальной угрозе билингвизма.

В конце XIX и начале XX века к билингвизму было негативное отношение, поскольку родной язык играл важную роль при формировании характера и нравственного развития личности, например, по словам швейцарского учёного Де Рейнолдс, при «одновременном усвоении двух языков у ребенка снижается уровень интеллектуальной активности, появляется апатия и ослабляется самоконтроль» [Чиршева, 2024:9]. Вслед за швейцарским учёным Л.С. Вайсгербер считает, что «человек по своей природе одноязычен, а быть двуязычным означает исповедовать сразу две религии» [Чиршева, 2024:10]

Таким образом, билингвизм приводит к раздвоению личности и нравственной деградации.

2.Миф о влиянии билингвизма на интеллектуальное развитие

Суть данного мифа состоит в том, что человеческий мозг не способен к одновременному усвоению двух языков, поскольку человек, овладевший параллельно двумя языками, отстаёт в интеллектуальном развитии, например, О. Есперсен указывает, что «ребёнок дорого платит за раннее знакомство с двумя языками: он не знает хорошо ни одного из них, плохо учится в школе, отстаёт от сверстников по ряду дисциплин» [Чиршева, 2024:14].

До начала 60-х годов XX века учёные относились негативно к билингвизму, особенно детскому двуязычию, например, Э Хаугену, усваивавшему норвежский и английский в США в детстве, грозили умственной отсталостью, шизофренией, умопомешательством и безнравственностью. Причиной такого негативного отношения к двуязычию является тот факт, что язык выполняет главную роль в формировании умственных особенностей [Чиршева, 2024:20]. По замечаниям О. Бушса, «детский билингвизм отрицательно сказывается на развитии личности, поскольку человек генетически запрограммирован на овладение одним языком

так же, как генетически запрограммирован на более проворное орудование правой или левой рукой, но не на их равноправие» [Бушс, 1988:58].

Накопление экспериментального материала и разработка более надёжных тестов проверки умственных способностей в области билингвизма стали причинами положительного отношения к билингвизму, например, во второй половине XX века учёные пишут, что «в раннем детстве ребёнок без особых усилий усваивает и один, и два языка, так как это происходит с помощью одного и того же механизма в мозгу» - В. Пенфилд и Л. Робертс «Речь и мозговые механизмы»; А. Алхазисвили считает, что «языковая способность человека нейтральна в отношении того, какой язык и сколько языков усваивается ребёнком» [Чиршева, 2024:15]; По мнению Н. Сегаловица, «мозг билингва и монолингва одинаковы, и два языка усваиваются с таким же успехом, как и один» [Чиршева, 2024:15].

В литературе по социалингвистике существует множество определений билингвизма и полилингвизма. Связано это с широким распространением этого явления практически по всему миру. В демократических странах выбор языка обучения, общения в различных сферах зависит от каждого человека. Существуют множество государств, в которых статус государственного имеет не один язык. В Индии, население которого составляет около 1,5 миллиарда человек, 2 официальных языка – хинди и английский. Швейцария использует в качестве равноправных 4 языка, Канада всецело двуязычная страна, Ирландия использует английский и свой родной гэльский язык. В Люксембурге в повседневной жизни используют четыре разных языка: английский, люксембургский, французский и немецкий, все они являются официальными языками этой маленькой страны. Сингапур также является страной, где в равной степени используют 4 официальных языка: английский, китайский, малайский и тамильский. В России кроме русского языка государственными объявлены языки национальных образований. Можно привести еще не один десяток примеров, когда на одном административно-

территориальном объединении использую два, три и более языков. Подобные факты служат свидетельством того, что двуязычие и многоязычие уже давно стало достаточно привычным явлением во многих развитых странах мира.

Приведем несколько определений двуязычия. Трудность определения состоит в выборе критериев, с позиций которых будут определять данное понятие. Таковыми могут быть уровень владения вторым языком, наличие интерферентных явлений во второязычной речи, или социолингвистические аспекты: когда, где, при каких условиях, в какой сфере коммуникации и т.д. используется второй язык. Более того, Алиева К. даже приводит положительные и отрицательные характеристики двуязычия. «Перечислим его достоинства, ценность:

- Двуязычие дает доступ к другим культурам, ее различным граням. Двуязычный человек может понимать иные культурные процессы и участвовать в них.

- Двуязычный человек обладает более развитым способом мышления, широким миропониманием вследствие обогащения понятийно-категориального аппарата.

- Создаются благоприятные возможности для развития международных отношений, сотрудничества в области науки, образования, экономики, бизнеса.

- Двуязычный человек лучше понимает свой родной язык. Изучающие второй язык глубже осознают структуру, грамматические правила родного языка, чем одноязычный человек.

К недостаткам двуязычия обычно относят:

- Двуязычный человек иногда ошибается и путает грамматическую структуру языков, носителем которых является.

- При изучении второго языка часто пытаются применить грамматические положения одного языка к другому, но в большинстве случаев это не срабатывает.

– Сложности возникают и при изучении родственных языков, например, испанский учащийся может ошибочно счесть португальский и итальянский языки легкими для изучения из-за довольно тесной связи между языками.

– Реальность смешения разных языков требует особого внимания не только во время официальной речи, но и в обыденных условиях» [Алиева, 2022: 137-128].

Известный социолингвист, исследователь таджикско-русского билингвизма Р.И. Хашимов пишет, что «характеризуя билингвизм или многоязычие, необходимо четко различать террацентрический и антропоцентрический подход. В основе первого, террацентрического, подхода, понимаемого в широком смысле, лежит принцип функционирования одного, двух или более языков как целостных явлений на определенной территории. Во главу угла антропоцентрической характеристики двуязычия ставится человек как национальное, социально-профессиональное, демографическое и т.п. существо. Именно такое понимание билингвизма положено в основу дефиниции словарной статьи «Билингвизм (двуязычие)» в «Словаре социолингвистических терминов»» [Хашимов, 2018:11-12]. Приведём данное определение: «Владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе» [Словарь социолингвистических терминов, 2006:31]. Данное определение будет принятым в нашем исследовании, так как основные критерии, входящие в характеристику понятия, в определение вложены.

Если исходить из понимания сути «двуязычие» от предложенного определения Л.В. Щербы («абсолютное и равное знание и использование двух языковых систем» [Щерба 1958: 47]), то становится ясно, что он не берет во внимание ни уровень владения языком, ни проявление

интерферентных явлений, ни степень грамматических познаний первого и второго языков.

Для полноты представления взглядов известных ученых приведем еще несколько определений: «Знание любых двух языков и пользование ими в повседневном общении и есть двуязычие» [Базиев, Исаев, 1973: 213]; «Владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения мы будем называть двуязычием» [Розенцвейг, 1972:4]; «Двуязычие – приблизительно одинаково свободное активное владение двумя языками вплоть до способности думать на них без перевода с одного на другой» [Аврорин, 1969:10]; «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» [Вайнрайх, 1979:22]; «Под двуязычием обычно понимают знание одним лицом, группой людей, частью народа или целой народностью, кроме своего родного, еще одного языка, обычно называемого вторым языком, вторым родным языком. Степень совершенства владения вторым может быть различной» [Дешериев, 1966: 330]. Можно привести еще не один десяток определений данного явления, но все они будут свидетельствовать о многоаспектности и многогранности двуязычия и многоязычия как лингвистического и социального феномена. «Поскольку в двуязычии выделяется четыре аспекта – социологический, лингвистический, психологический, педагогический, – то при исследовании каждого из них необходимо исходить из их толкования, определения сущности каждого аспекта двуязычия» [Хашимов, 2018:21].

При исследовании конкретного типа двуязычия с определенными языками (например, в нашей работе исследуется таджикско-русское двуязычие) в первую очередь следует определить условия, в которых происходит овладение вторым языком. Что касается роли и активности русского языка в постсоветских республиках, в том числе и в Таджикистане, статус и условия его функционирования существенно изменились не в пользу

русского языка. А значит и уровень владения русским языком таджиками на современном этапе уступает советскому периоду. «При анализе реальной русской речи, например, таджиков мы исходим из того, что русская речь испытывает влияние родного языка и родной речи. Это влияние на синхронном уровне проявляется на уровне речи в виде отклонений от норм русской литературной речи, если билингв недостаточно овладел этими нормами» [Хашимов, 2018:46]. Именно указанный аспект стал основным предметом анализа данной главы нашего исследования.

2.2 Социолингвистическое исследование современного уровня таджикско-русского двуязычия

Проблема определения уровня и качества владения языком является центральной для целого ряда научных и практических дисциплин: лингвистики, социолингвистики, дидактики, миграционной политики. Традиционно оценка языковых навыков производится через тестирование, экзамены или экспертный анализ речи. Однако эти методы, будучи точными на микроуровне, зачастую не способны дать обобщённую картину по большому массиву носителей или изучающих язык.

В этом контексте социологический опрос является мощным инструментом макросоциолингвистического исследования. Его значение заключается не в замещении глубинных лингвистических методов, а в их дополнении и расширении, позволяющем перейти от индивидуального случая к генерализации на уровне больших социальных групп (населения региона, страны, отдельных социально-демографических когорт).

Понятие «владение языком» в современной науке не сводится исключительно к способности правильно строить предложения и иметь обширный словарный запас. Оно включает в себя комплексный набор компетенций: лингвистическую компетенцию (знание грамматики, фонетики, лексики), способность использовать язык адекватно социальному контексту

(формальная/неформальная обстановка), способность эффективно использовать язык для достижения коммуникативных целей, субъективное восприятие себя как говорящего на том или ином языке.

Если первые два аспекта можно относительно объективно измерить с помощью тестов, то последние носят глубоко субъективный характер и напрямую недоступны для внешнего наблюдателя. Именно здесь социологический опрос раскрывает свой главный потенциал, позволяя реконструировать субъективную реальность говорящего: его самооценку, предпочтения, мотивы и практики.

Преимущества социологического опроса заключаются, прежде всего, в масштабности и репрезентативности. Опросы (особенно анкетирование) позволяют собрать данные от сотен или тысяч респондентов, что обеспечивает статистическую значимость результатов и возможность экстраполировать выводы на генеральную совокупность. Другим преимуществом является экономическая и временная эффективность. По сравнению с проведением глубинных интервью или масштабного тестирования, организация опроса требует меньших ресурсов при охвате большой выборки. Важным представляется также стандартизация данных, то есть использование единого инструментария (анкеты) для всех респондентов минимизирует влияние исследователя на ответы и обеспечивает сопоставимость данных. Опрос является чуть ли не единственным методом, позволяющим количественно измерить такие феномены, как языковая самооценка, языковые установки и предпочтения (выявление отношения к языку, его престижности, сфер использования), языковой выбор (понимание причин, по которым индивид выбирает тот или иной язык в конкретной ситуации – дом, работа, официальное учреждение).

Главный вызов при использовании опроса для оценки владения языком является проблема валидности самооценки. Респондент может сознательно или бессознательно завышать или занижать свой реальный уровень владения

языком под влиянием социальной желательности, стереотипов или недостаточного самоанализа. Для минимизации этой погрешности нами применены косвенные вопросы, детализация шкал и некоторые другие. Еще одним ограничением является сложность анкеты. Неправильно сформулированные вопросы могут наводить респондента на ответ или быть двусмысленными, что приводит к снижению надёжности данных.

Данные, полученные через социологические опросы о владении языком, имеют высокую прикладную ценность, а именно, отслеживают динамики языковой ситуации в полиэтничных регионах, определяют потребности в языковых курсах, разработке учебных программ, ориентированных на реальные нужды населения, влияют на принятие обоснованных решений о статусе языков, поддержке миноритарных языков, языковой адаптации мигрантов, помогают определению языковых предпочтений целевых аудиторий для СМИ, рекламы и культурных проектов.

Таким образом, социологический опрос представляет собой не просто удобный инструмент сбора данных, а методологический каркас для комплексного изучения феномена владения языком в его социальном контексте. Не будучи идеальным и требуя методологической осторожности (прежде всего в части верификации самооценок), он предоставляет уникальные данные, недостижимые иными способами.

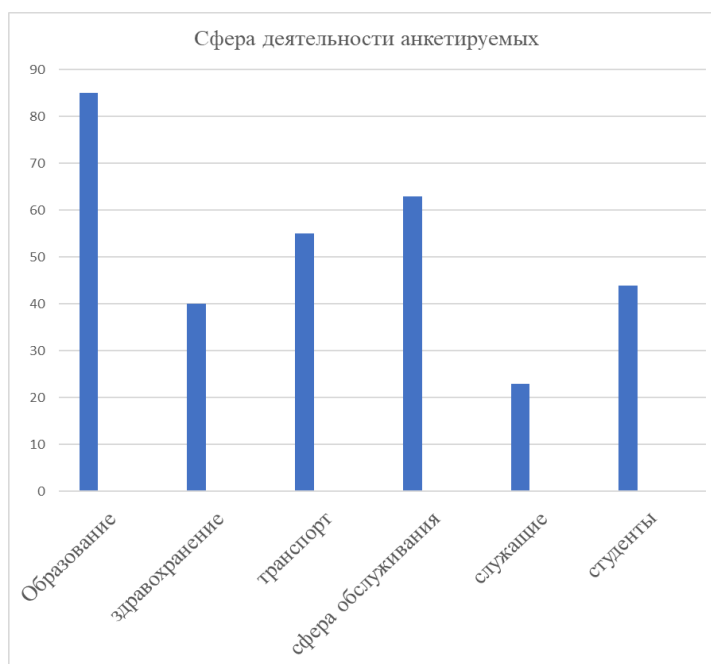
Его основное значение заключается в способности выявлять и количественно измерять связь между языком и обществом, показывая, что владение языком – это не только лингвистический, но и социальный факт. Сочетание количественных данных опроса с качественными методами лингвистического анализа позволяет построить и адекватную модель языковой компетенции современного человека.

Социологический опрос проводился нами среди населения города Душанбе. В Душанбе проживает около 35% городского населения

республики, он является самым важным центром производственной и социокультурной инфраструктуры.

Представленный анализ основан на анкетировании 310 жителей города Душанбе, представителей таджикской национальности. Основной задачей представляется исследование функциональной активности русского языка среди таджикоязычного городского населения. Мы убеждены в том, что именно обследуемая категория населения способна оказать существенное влияние на уровень владения русским языком и на расширение функционирования таджикско-русского билингвизма.

Выборочному анкетированию подверглись граждане, представляющие шесть социально-профессиональных групп в возрасте от 18 до 67 лет с приблизительно равным гендерным балансом. Среди них 85 работников образования, 40 работников сферы здравоохранения, 55 работников транспорта, 63 работника сферы обслуживания, 23 служащих и 44 студента.

Данный подбор респондентов позволил нам определить востребованность русского языка в различных сферах деятельности носителей таджикского языка и определить потенциальные возможности развития таджикско-русского двуязычия в городской среде. Обследование различных

социально-профессиональных групп позволило нам в некоторой степени объективно вывести степень распространённости рассматриваемого типа двуязычия в городской среде, что может быть проецировано и на более широкий круг охвата. Уровень использования русского языка определяется потребностями труда, социума и быта. Исследование выводит усреднённый показатель его востребованности в городе, однако ключевая задача — проанализировать специфику таджикско-русского двуязычия в разрезе отдельных социально-профессиональных групп, но данное исследование требует более глубокого анализа каждой сферы и этому может быть посвящено отдельное цельное исследование.

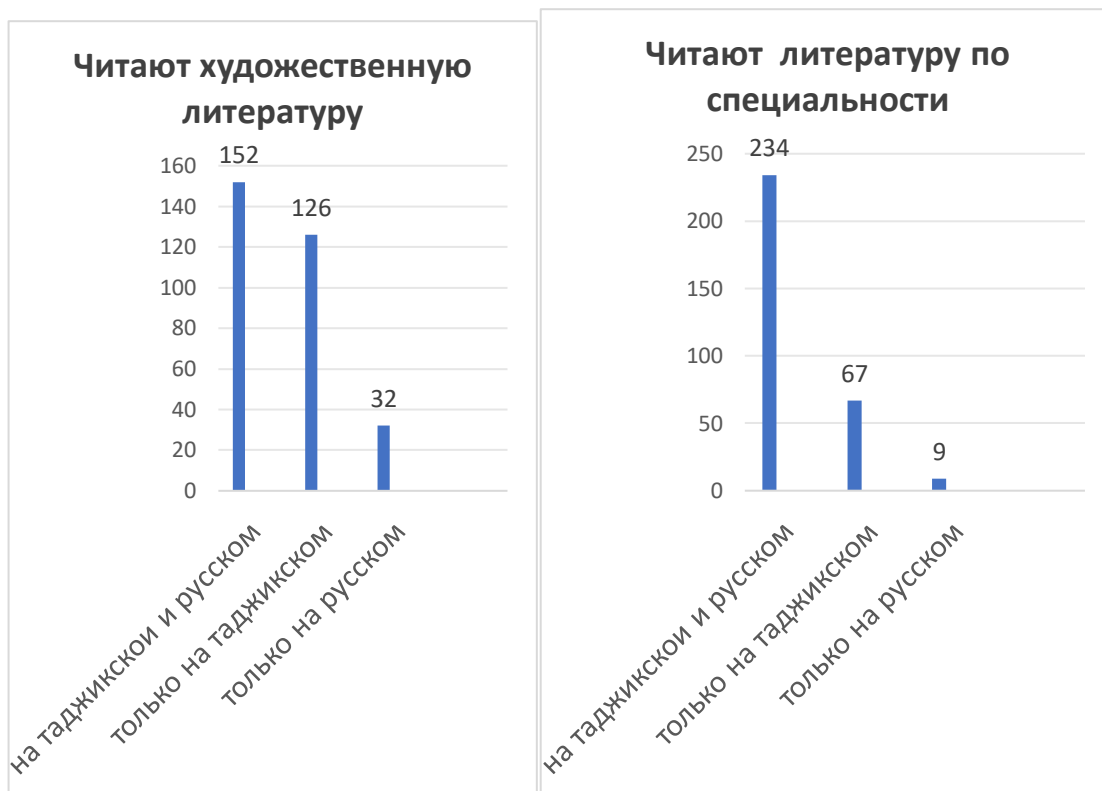
Интересным представляется для исследования использование функционирующих на территории Таджикистана языков на работе. Из всего числа анкетирующих на работе используют русский и таджикский языки в зависимости от ситуации общения 174 анкетирующих, только русский 37 человек, только таджикский 92, другие языки 7 человек (работающие в узбекоязычном коллективе и в международных организациях).

Восстанавливает свои прежние позиции радио. Широкое использование радиостанций наблюдается в индивидуальных автомобилях. Как было отмечено выше, частные радиостанции вещают как на таджикском, так и на русском языке. В душанбе транслируются передачи и российских радиостанций. Однако анкетированные предпочитают слушать радио на таджикском языке. Так анализ анкет показал: на таджикском и русском языке предпочитают слушать радио 57 респондентов, на таджикском 248, на других языках 5 человек. Подобная картина связана с тем, что по радио в основном слушаю новости и музыку, таджики предпочитают слушать современную таджикскую эстрадную музыку.

Значительной остаётся роль русского языка при чтении художественной литературы и литературы по специальности. Слабое владение другими иностранными языками не даёт возможность носителям таджикского языка проводить чтения на других, кроме русского языка.. Причём, как видно из результатов исследования, художественную литературу в большей степени читают на таджикском языке, а литературу по специальности - на русском языке.

Развитию двуязычия особенно способствует просмотр телепередач. Благодаря новым технологиям, таким как кабельное телевидение и спутниковые антенны, сегодня можно подключиться практически к любому телеканалу в мире, что сегодня позволяют просматривать неограниченное количество программ. В Душанбе кабельное телевидение транслирует более 200 российских программ. Таджикское телевидение пока не может конкурировать с развлекательными программами российского телевидения, с новостными контентом, количеством и качеством транслируемых фильмов на все темы, передачами для детей и многими другими. Из всех развлечений для граждан основным становится телевидение.

Следует также упомянуть и социальные сети, в которые погружаются жители республики без ограничения возраста и пола. И опять в основном на русском языке.

Из 310 анкетированных на таджикском и русском языке телевидение смотрят 172 анкетированных, только на таджикском 68, только на русском 70 респондентов.

Сравнивая данные анкетирования с данными исследований советского периода (например, Р.И. Хашимова) становится ясно, что использование русского языка существенно сократилось, однако городское население стремится максимально использовать русский язык во многих сферах, наблюдается естественная потребность в знании русского языка. Отрадно, что все чаще на улице в непринужденной обстановке значительная часть молодежи использует русский язык. Значит с большой уверенностью можно утверждать, что таджикско-русское двуязычие достигло нижней черты угасания и снова набирает силу.

С целью определения места русского языка в жизни студентов (родным языком для которых является таджикский) Российско-Таджикского (Славянского) университета, где русский язык, прежде всего, является языком обучения, был проведён социолингвистический опрос 200 студентов в возрасте 18-24 лет с приблизительно равным гендерным составом.

Ответы на поставленные вопросы нами были разбиты на несколько групп в зависимости от их обоснованности.

Задание №1. С какой целью изучаете русский язык?

Группа 1. С целью получения образования (70):

1. Мне необходимо было учить русский язык, так как после окончания школы я поступила в РТСУ, где языком обучения считается русский язык (25)

2. Знание русского языка – это основа моего образования. Потому что огромное количество информации можно найти на этом языке (19)

3. Изучаю русский язык по причине того, что хочу познакомиться с произведениями писателей и поэтов русского народа (10)

4. Изучаю русский язык, чтобы без труда читать художественные книги, учебники и научные статьи (10)

5. Знание русского языка даёт мне возможность прочитать оригинальные тексты (5)

6. Да, говорю. С целью поступления в магистратуру (1)

Группа 2. Русский язык развивает профессиональные и умственные навыки (39):

1. Мне нравится русский язык, потому что на этом языке я четко могу изложить свою мысль (15)

2. Знание русского языка может быть полезно в различных сферах деятельности, от бизнеса до международных отношений, что открывает передо мной новые перспективы и возможности для карьерного роста (10)

3. Русский язык помогает развивать мои умственные навыки (8)

4. Изучение русского языка позволяет мне расширить свои профессиональные возможности (6).

Группа 3. С целью становится двуязычным (29):

1. Знание русского языка дало мне возможность стать билингвом (29)

Группа 4. Русский язык – это один из распространенных языков (14):

1. Да, говорю. Я с детства понимала русскую речь. Продолжаю его изучать, поскольку это один из распространённых языков мира. (4)

2. Я изучаю русский язык, потому что он является языком межнационального общения. На нём говорят миллионы людей (4)

3. С детства папа мне говорил, что знание иностранных языков – это важно, именно по этой причине я начала учить русский язык (3)

4. Русский язык знают почти все народы Средней Азии, и я в том числе (2)

5. С целью саморазвития, общения и понимания других языков (1)

Группа 5. Для удовлетворения эстетических потребностей (12):

1. Я увлекаюсь русской литературой, поскольку она позволяет мне насладиться произведениями русских писателей в оригинале, раскрывая глубину и красоту их творчества (6)

2. Русский язык богат и красив, и изучение его позволяет мне насладиться его звучанием и выразительностью (3)

3. Я верю в то, что знание русского языка обогащает мою жизнь и делает её более насыщенной и интересной (3)

Группа 6. Для будущего (9):

1. С целью общения и для своего будущего (3)

2. Да, немного. Изучаю его с целью будущего (2)

3. С целью улучшения знаний, полученных в вузе (2)

4. Знание русского языка открывает мне двери к общению с огромным количеством людей (2)

Группа 7. Для изучения культуры (9):

1. Русский язык позволяет мне расширить свой круг общения и познакомиться с различными культурами и традициями (4)

2. Изучение русского языка позволяет мне погрузиться в удивительный мир русской культуры, литературы и искусства (2)

3. Изучаю русский язык, так как с детства увлекалась и любила русскую культуру (2)

4. Для изучения культуры этой страны (1)

Группа 8. С целью изучения орфоэпических норм (9):

1. Изучаю русский язык по причине того, что тема «Русское ударение» для меня является больной темой. Проблема с разграничением видов глагола русского языка для меня является актуальной (9)

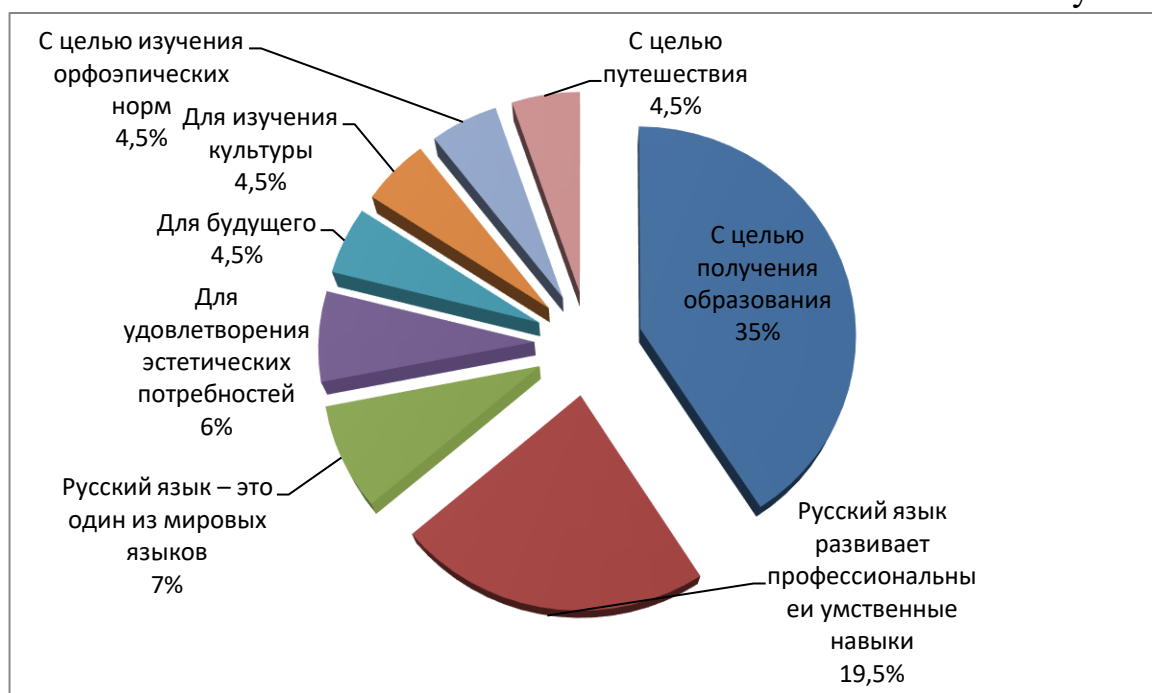
Группа 9. С целью путешествия (9):

1. Изучаю русский язык, потому что хочу легко говорить на нём, и путешествовать (5)

2. Изучаю русский язык, потому что я люблю путешествовать. Хочу посетить страны (4)

Таким образом, по итогам анализа анкет было выявлено, что респонденты главной целью изучения русского языка видят в получении образования, в развитии профессиональных навыков и в усвоении второго иностранного языка, чтобы стать билингвом. Для наглядности представим все результаты в следующей диаграмме:

Рисунок №1.

В результате анализа вопроса №2 мы выяснили, что **Общение на русском языке, прежде всего, продиктовано личным желанием (158) 79% и желанием членов семьи (42) 21%.**

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство анкетированных учат и используют русский язык по собственной инициативе, что указывает на высокий уровень внутренней мотивации. Это важный показатель устойчивости интереса и самостоятельной языковой позиции. Влияние семьи – второстепенно, но тоже имеет значение.

По результатам 3 вопроса, «**На каком языке говорите больше?**» были получены такие ответы: на русском и таджикском (70) 35%, на таджикском (65) 32,5 % и на русском (65) 32,5 %.

В результате обработки ответов, по заданию №3 «**Какой язык является для Вас родным?**» было выявлено, что анкетированные своим родным языком считают таджикский язык (180) 90%, а русский язык является родным языком только для 20 студентов 10%.

Ответив на вопрос «**Где Вы в основном общаетесь на русском языке?**», анкетированные отмечают:

Место общения на русском языке	Количество ответов	Процент
в университете	95	45%
иногда дома	22	11%
где он понадобится, там и использую его	22	11 %
на занятиях	20	10%
с друзьями	18	9%
на работе	13	6,5 %
в кругу семьи	5	2,5
в общественных местах	5	2,5

По результатам анализа ответов на вопрос №5 «Вам легче писать официальный документ на таджикском или русском языках?» большинство респондентов ответили, что им легче писать на таджикском языке (112) 56%, 68 анкетированных отметили, что легче писать на двух языках – русском и таджикском 34%, а 20 из них считают на русском 10%.

Таким образом, результаты анализа позволили выделить следующие ключевые моменты:

1. Главными и наиболее практичными мотивами изучения русского языка для таджиков-билингвов является образование и профессиональный рост.
2. Культурные и эстетические интересы занимают важное, но второстепенное место.
3. Мотивы личностного и умственного развития связаны с карьерой и самореализацией.
4. Небольшая, но заметная группа учит язык из-за интереса к орфоэпии русского языка.
5. Русский язык анкетированным воспринимается как язык с широкой географической и межкультурной значимостью.
6. Устойчивый интерес к русскому языку связан с тем, что студенты хотят стать двуязычным и развивать языковую компетенцию.

2.3 Заимствование как результат языковых контактов носителей русского и таджикского языков

Роль двуязычия в процессе языковых заимствований является фундаментальной и многогранной. Двуязычие – это главный канал, через который происходят заимствования. Двуязычные индивиды (билингвы) выступают в роли связующего звена между языками в процессе заимствования. Двуязычный человек, сталкиваясь с новым понятием, предметом или идеей в языке-источнике, может сознательно или

бессознательно употребить то или иное слово, если для него нет точного или удобного эквивалента. Поскольку билингвы владеют обоими языками, они часто производят первоначальную адаптацию слова к фонетической и грамматической системе заимствующего языка. Это частое явление в речи билингвов, когда они в рамках одного предложения или дискурса переходят с одного языка на другой. Постоянное переключение кодов приводит к тому, что отдельные слова и конструкции из одного языка начинают восприниматься как уместные и в другом контексте, постепенно закрепляясь в нем.

Роль двуязычия варьируется в зависимости от его масштаба и контекста, что можно показать в следующей таблице.

Тип двуязычия	Влияние на заимствования	Примеры
Индивидуальное	Отдельный человек приносит слово в своё непосредственное окружение (семья, работа). Если слово удачное, оно может «заразить» других.	Программист, использующий слово «коммитить» (от англ. <i>to commit</i>) в русской команде.
Групповое / социальное	Целая социальная или профессиональная группа, владеющая вторым языком, становится мощным источником заимствований для всей языковой общности.	Сообщества учёных (заимствования из латыни и греческого в прошлом), IT-специалисты.
Массовое	Когда значительная часть населения в той или иной степени владеет другим языком (часто из-за исторических, политических или экономических причин). Это приводит к	Исторический: Массовое заимствование французской лексики в русский язык в XVIII-XIX веках среди дворянства, которое было франкоязычным. Массовое заимствование таджикским языком из арабского после принятия ислама. Современный: Глобальное влияние

Тип двуязычия	Влияние на заимствования	Примеры
	массовому притоку заимствований.	английского языка через образование, интернет и культуру.

Самый частый случай заимствований - слова, обозначающие новые реалии, профессиональные термины, или слова, которые вытесняют исконные из-за престижа. Билингвы дословно переводят устойчивые выражения или сложные слова, проходит процесс калькирования. Интересным представляются семантические заимствования, когда заимствуются только отдельные значения, а не формы слова. При синтаксических и фразеологических заимствованиях заимствуются конструкции и устойчивые выражения.

Таким образом, двуязычие – это двигатель процесса заимствования. Без носителей, которые свободно оперируют двумя языковыми системами, заимствования если и происходили бы, то были бы редкими, случайными и плохо адаптированными. Чем интенсивнее языковые контакты и чем больше доля билингвов в обществе, тем активнее и глубже происходит процесс взаимного влияния языков, обогащая их и делая их более приспособленными к меняющемуся миру.

Нами предполагается рассматривается феномен языкового заимствования как прямого и закономерного следствия контактов между языками независимо от их родства. Процесс заимствования анализируется в диахроническом и синхроническом аспектах, выделяются его ключевые причины: интенсивные политические, экономические и культурные связи, технологический прогресс и доминирование определённой культуры в глобальном масштабе. Язык не существует в вакууме; он является живым, развивающимся организмом, постоянно взаимодействующим с другими языковыми системами. Это

взаимодействие, возникающее в результате прямого или опосредованного контакта носителей разных языков, является мощным двигателем языковых изменений. Одним из наиболее ярких и массовых проявлений таких контактов выступает процесс заимствования – усвоение одним языком элементов другого языка.

Заимствования представляют собой универсальное явление, присущее всем языкам мира без исключения. Их изучение позволяет не только проследить историю самого языка, но и реконструировать историю его носителей: пути миграций, торговые связи, культурные влияния и войны. Таким образом, анализ заимствованной лексики и структур лежит на стыке лингвистики, истории и культурологии.

Языковой контакт – это взаимодействие двух или более языковых систем, оказывающее влияние на их структуру и употребление. Причины заимствований носят преимущественно экстралингвистический характер и могут быть сведены к следующим основным группам.

Потребность в наименовании новой реалии (предмета или понятия). Это основная и наиболее естественная причина. Когда в жизнь общества приходит нечто новое, чему нет аналога в родной культуре, вместе с этим новым явлением часто заимствуется и его иноязычное название.

Необходимость дифференциации понятий. Заимствованное слово позволяет уточнить, разграничить смыслы, существующие в языке-источнике.

Влияние моды и престижа. В определённые периоды использование иноязычной лексики может восприниматься как признак образованности, принадлежности к высшим слоям общества или следования международным тенденциям

Экономия языковых средств. Иноязычное слово может быть короче или удобнее в произношении, чем описательный отечественный эквивалент.

Заимствования можно классифицировать по нескольким основаниям. По характеру заимствуемого элемента выделяются лексические

заимствования, семантические заимствования, калькирование (кальки), структурные (синтаксические) заимствования.

По степени ассимиляции выделяются полностью ассимилированные заимствования (слова, которые воспринимаются носителями как свои, родные, полностью подчинившиеся фонетическим, грамматическим и орфографическим нормам языка-реципиента), частично ассимилированные заимствования (слова, сохраняющие некоторые черты исходного языка, например, несвойственное произношение, не склоняемость или особое написание), экзотизмы (слова, обозначающие специфические реалии другой культуры и сохраняющие свой "иностраный" облик), иноязычные вкрапления (варваризмы), неассимилированные слова и выражения, сознательно используемые в чужой языковой среде .

Попадая в язык-реципиент, иноязычное слово проходит несколько стадий адаптации: фонетическая адаптация (приспособление звукового облика слова к фонетической системе принимающего языка), графическая адаптация (передача слова на письме с помощью графики языка-реципиента), грамматическая адаптация (слово включается в грамматическую систему языка, приобретает грамматические категории (род, число, падеж) и начинает склоняться/спрягаться по соответствующим моделям), семантическая адаптация (часто слово сужает или изменяет своё значение в новом языковом контексте).

Заимствование является естественным, объективным и исторически обусловленным процессом, напрямую вытекающим из языковых контактов. Оно служит мощным источником обогащения словарного запаса языка, отражая динамику культурных, технологических и социальных изменений в обществе.

Споры вокруг целесообразности и "чистоты" языка, часто принимающие форму языкового пуризма, являются скорее идеологическими, нежели лингвистическими. Язык как саморегулирующаяся система, как

правило, самостоятельно отбирает наиболее нужные и удобные единицы, отвергая избыточные или неудобные. Таким образом, заимствования являются не угрозой для языка, а свидетельством его жизнеспособности, гибкости и активного участия в диалоге культур.

Каждое общество живёт в определённых социальных, психологических и лингвистических условиях, что непосредственно влияет на язык. Как пишет Ю.Д. Дешериев, «одним из ведущих социальных условий, влияющих на язык, является совместное проживание носителей двух или более языков на одной территории» [Дешериев, с. 232]. Как было отмечено выше, данный процесс в языкознании номинируется термином «билингвизм», или «двуязычие». Двуязычие можно считать одним из ведущих факторов обогащения взаимно контактирующих языков. Поэтому У. Вайнрайх утверждает, что «наиболее благоприятную ситуацию для заимствования создаёт тот вид языковых контактов, который принято называть билингвизмом» [Вайнрайх, с.16-29]. В качестве примера можно привести языковую ситуацию в Республике Таджикистан в годы Советского Союза, где таджикский язык заимствует из русского языка и посредством русского языка сотни исконно русских и интернациональных слов: *съезд, декан, лётчик, милиционер, комсомол, пионер, пирог, партия, помидор, банка, асфальт, термос, лицей, гимназия, лампочка, цирк, такси, печка, самовар и т.д.* После того как Республика Таджикистан приобрела независимость, ряд заимствованных лексем из русского языка были заменены на персидско-таджикские слова, например, слово «поезд» было заменено на «қатора», «самолёт» на «ҳавопаймо» и «тайёра», а русско-интернациональные слова были заменены на персидско-таджикские: «солдат» на «аскар», «командир» на «сардор», «совет» на «шӯро», «субботник» на «шанбегӣ» и др. Лексемы «кино» и «команда» были заменены на персидские заимствования, имеющих английское происхождение «синамо» (cinema) и «тим» (team).

Проблема лексических заимствований остаётся одной из важнейших, поскольку процесс заимствования не прекращается, а наоборот, он продолжает быть активным. Данный процесс имеет большое значение в становлении и развитии лексической системы таджикского языка. Как правило, заимствованием называют элемент (слово, понятие, культурную практику), который был перенесён из одного языка или культуры в другой в результате такого процесса.

Вслед за Л.П. Крысиным, под заимствованием понимаем «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных ярусов языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики» [Крысин 1968: 108]. «Процессы взаимодействия языков влияют на их внутривидовое развитие, однако степень проницаемости различных уровней при этом не является одинаковой, что обуславливается характером организации каждого языкового уровня. Поскольку именно словарный состав языка чутко реагирует на социально-экономические изменения в жизни народа, наибольшей проницаемостью при взаимодействии обладает лексический ярус» [Крысин 1968: 110].

Среди причин заимствования традиционно выделяют экстралингвистические и собственно лингвистические факторы. «К экстралингвистическим относятся следующие:

- влияние одного языка на другой;
- наличие устных или письменных контактов стран с разными языками;
- повышение интереса к изучению определённого языка;
- авторитетность языка-источника (что приводит к заимствованию многими языками из одного и появлению интернационализмов);
- исторически обусловленное увлечение определённых социальных слоёв культурой чужой страны;

– условия языковой культуры социальных слоёв, принимающих новое слово.

Среди языковых факторов заимствования выделим следующие:

– отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового понятия (основная причина заимствования);

– тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота;

– стремление к устранению омонимии и полисемии в родном языке;

– потребность в детализации соответствующего значения;

– невозможность образования производных от исконных терминов»

[Беликов, Крысин 2001: 108; Крысин 1968: 108; Шанский 1972: 86-87; Фомина 1990: 181 и др.].

М.И. Задорожный, рассматривая мотивы лексического заимствования в трудах У. Вайнрайха и Л.В. Щербы, отмечает, что в основе «беспричинного» лексического заимствования лежат 8 причин:

«1.стремление к экономии умственных усилий (заимствование облегчает ход мысли);

2.стремление к точности передачи мысли;

3.недостаточно глубокое владение родным языком;

4.психологическая инертность;

5.стремление к удовлетворению чувства прекрасного, к эстетико-стилистической выразительности, эффектности, красоте;

6.стремление избежать неприятных ассоциаций;

7.социальная непристижность поставляющего языка;

8.необходимость в обозначении новых понятий» [Задорожный, 1996:179].

М.И. Задорожный предлагает делить все причины заимствования на внутри- и внелингвистические. Далее он детализирует внелингвистические причины, выделяя социальные (3, 7, 8) и психологические (1, 4). Причины под

номера 2 и 5 ученый относит к внутрилингвистическим [Задорожный, 1996:179].

«Пути проникновения иноязычных слов «в язык-рецептор» может происходить различными путями: 1) речевая коммуникация проживающих по соседству народов; 2) дистантные контакты вследствие обмена культурными ценностями, импорта иностранных товаров; 3) через книги и переводы» [Володарская, 2001:12].

Однако, на наш взгляд, важнейшим каналом проникновения иноязычных элементов является язык-посредник.

Итак, проанализировав определения термина заимствование, можно заключить следующее:

1. Заимствование новых слов и выражений делает язык более разнообразным и интересным;

2. Заимствование позволяет языку адаптироваться к меняющимся социальным и культурным условиям;

3. Основной словарь языка, грамматический строй и внутренние законы языкового развития сохраняются, что гарантирует сохранение уникальной самобытности языка.

В таджикской лингвистической науке проблема заимствований единиц одного языка другим языком изучена недостаточно. Отечественные лингвисты в основном занимаются изучением арабских заимствований в таджикском языке, например, Т. Бердиева, М.И. Газиев, Г.Ф. Каримова в своих диссертационных исследованиях рассматривают вопросы об арабских заимствованиях в таджикском языке. Исследованием русско-интернациональных слов в современном таджикском языке занимался Н.А. Шаропов. Важно указать работы таких учёных, как Р.И. Хашимов, Х.Дж. Шамбезода, М.Б. Давлатмирова, которые частично рассматривали вопросы заимствований лексических единиц из других языков в таджикском языке.

Целью данного раздела исследования является анализ фонетического, семантического и грамматического освоений заимствованной русской и иноязычной лексики в таджикском языке.

1. Фонетическое освоение русской заимствованной лексики таджикским языком.

Освоение заимствованной лексики является процессом, при котором слова, пришедшие из других языков, приобретают новые фонетические черты и новую семантику, характерные для принимающего языка. Данная проблема начала активно изучаться лингвистами в середине XX века. Учёными разрабатываются различные параметры процесса ассимиляции иноязычных слов, на основе которых заимствование можно считать фактом языка-реципиента. Г.В. Павленко в своей статье подробно описывает эти параметры. Среди них учёный выделяет такие признаки как: «устойчивость, единообразие и нормализация звукового облика и формы слова», «широкое и интенсивное употребление слова в речи», «появление производных», «устранение смысловой дублетности иноязычного слова», «ликвидация вариантов произношения и разнобоя в грамматическом оформлении», «графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка», «семантическая самостоятельность слова», «регулярная употребляемость в речи» и др.» [Павленко, 2008:103].

Как известно, процесс освоения заимствованных слов охватывает все языковые уровни, поэтому целесообразно выделить также такие параметры, как долговременность, постепенность, неравномерность и коммуникативную актуальность заимствованного слова [Павленко, 2008:103].

Одним из важнейших аспектов заимствованной лексики считается фонетическая адаптация. Фонетическая адаптация – когда заимствованные слова часто подвергаются изменениям в произношении, чтобы соответствовать фонетическим особенностям языка-реципиента.

Москвин пишет, что «процесс освоения иноязычных слов постепенно ведёт их к подчинению произносительным нормам принимающего языка. Тем не менее, иноязычные слова не всегда принимают законы фонетики языка-реципиента, и поэтому «на фоне этого выделяются некоторыми особенностями своего произношения» [Москвин, 2006:16].

Н.С. Валгина утверждает, что «процесс фонетической адаптации протекает неравномерно и противоречиво, с трудно уловимой закономерностью» [Валгина, 2003:56].

Следует отметить, что в современном таджикском языке основным направлением адаптации заимствований стала ориентация на их исходное русское звучание. Это особенно ярко проявляется в области вокализма, где звуковая система русского языка оказывает непосредственное влияние на таджикскую.

Фонетические системы русского и таджикского языков демонстрируют принципиальные различия в поведении гласных, обусловленные типом ударения. Если в таджикском языке фиксированное на последнем слоге ударение не приводит к редукции безударных гласных, то в русском языке подвижное ударение является причиной их качественных и количественных изменений. В русском языке различительная функция гласной фонемы проявляется под ударением, тогда как в безударных позициях её реализация варьируется в зависимости от фонетического окружения (соседних согласных) и позиции в слове (абсолютное начало или конец).

Артикуляция ударных гласных в русском языке определяется качеством окружающих согласных, в частности, признаком твердости/мягкости. Под влиянием мягких согласных гласные приобретают более переднюю и высокую артикуляцию. Поскольку в консонантизме таджикского языка данное противопоставление отсутствует, гласные в заимствованных словах занимают нейтральную позицию. Их нельзя однозначно отнести к позиции ни после

твердых, ни после мягких согласных, так как сама категория релевантности для таджикской фонетической системы несущественна.

Ударные гласные фонемы в заимствованиях из русского языка в таджикском языке становятся долгими: *майка́, рубашка́, ручка́, картошка́, буханка́, бубли́к, будилни́к, остановка́, люстра́, холодильник, баклашка́, лестница́, сумка́, футболка́, лампа́, разетка́, кладовка́* и др.;

В русском языке звуки [а], [о], [э] произносятся по-разному. Их произношение меняется в зависимости от двух условий: 1) насколько далеко они находятся от ударения и 2) какой согласный звук стоит перед ними, они реализуются в следующих вариантах: [Λ], [иѐ], [ьѐ], [ѣ], [ѥ].

1. Для гласного [а] в заимствованиях характерно сохранение основного тембра, что контрастирует с его реализацией в собственно русской речи, где он подвержен строгим правилам позиционной редукции. Гласный [а] подвергается больше количественной, чем качественной редукции: *з/а/очник < заочник, к/а/рниз < карниз, булк /Λ/ < булка, г/а/рмошк/Λ/ < гармошка, гирелк/Λ/ < грелка, с/Λ/ малот < самолет, с/Λ/м/а/свал < самосвал*. Фонема [а] в таджикском языке — как в исконных словах, так и в заимствованиях — реализуется в своём основном варианте, не подвергаясь редукции в безударной позиции и не меняя качества после мягких согласных и в безударной позиции реализуется в своих вариантах [а] и [Λ] и иногда заменяется на [о]: *мошин, бонк, чойник* (вместо русских аналогов *машина, банк, чайник*).

В отличие от русского языка, где безударное [о] редуцируется до [а], в таджикских заимствованиях его реализация зависит от позиции: в первом предударном слоге оно также переходит в [а], а в прочих безударных позициях — в /Λ/: */Λ/фицѐр < офитсер, п/а/веска < повестка, п/Λ/р/а/шок < порошок, форт/Λ/чка < форточка, /Λ/т/Λ/апарат < фотоаппарат, п/Λ/пилавок < поплавок*. В таджикском языке во всех случаях (сильной и

слабой позициях) данная фонема произносится как [o]: *лимон* < *лимон*, *лом* < *лом*, *патефон* < *патефон*.

Гласный [э] в безударных позициях выступает в своих вариантах [ие], [ые], [ь], [ъ]. «В таджикском языке этой фонеме в безударном положении соответствует фонема [е] чрезвычайно узкого образования: её диапазон по подъёму колеблется от 4-й до 5-й степени, то есть до так называемого открытого и...» (Соколова, 1953, 87). В сильной позиции гласный [е] русского языка совпадает с таджикским [е] «открытый, образующийся на 3-й ступени подъёма монофтонгический гласный переднего ряда, неогубленный. Вполне совпадает по подъёму с широким вариантом русского [е] между твёрдыми согласными (цех, шеф)» [Соколова, 1953:88].

Таким образом, при заимствовании реализация русской фонемы [е] в таджикском языке зависит от ударения: в ударной позиции она сохраняется, а в безударной реализуется как дифтонг [ие].

В отличие от [е], фонема [у] демонстрирует типологическое сходство в обоих языках, оставаясь качественно устойчивой и подвергаясь лишь минимальной количественной редукции.: *курсант* < *курсант*, *журналист* < *журналист*, *пропуск* < *пропуск*.

В русском языке звук [и] меняется в зависимости от твёрдости/мягкости предыдущего согласного: после мягких он звучит как [и], а после твёрдых — как [ы]. Поскольку в таджикском языке нет противопоставления твёрдых и мягких согласных, в заимствованиях фонема [и] всегда сохраняет своё основное звучание [и] и никогда не переходит в [ы]: *канал/и/зац* < *канализация*, *кив/и/тансия* < *квитанция*, *к/и/но* < *кино*, *пап/и/рӯс* < *папироса*; *дружин/е/к* < *дружинник*, */и/нвалит* < *инвалид*; *ясли* < *ясли*, *тиск/и/* < *тиски*. Таким образом, фонема [и] в таджикском языке подвергается только количественной редукции.

Анализ материала показывает, что реализация русских гласных в таджикских заимствованиях в большинстве позиций не совпадает с

оригиналом. Основная причина — отсутствие в таджикском языке категории твёрдости/мягкости согласных и редукации гласных. Вместо ослабления безударных гласных, в таджикском языке происходит сохранение их качества и удлинение в сильной позиции. Эти фонетические особенности и обуславливают несовпадение звукового облика слова с языком-источником.

Консонантизм

Заимствуясь в таджикский язык, русские слова сохраняют свои орфоэпические особенности, то есть переносятся вместе с позиционными изменениями звуков, характерными для русской речи. Ярким примером является переход слов с уже оглушёнными конечными согласными (согласно фонетическому закону русского языка), что и фиксируется в таджикской речи: *утюк* < *утюг*, *тиварок* < *творог*, *тормус* < *тормоз*. В заимствованиях наблюдаются свойственные русскому языку процессы ассимиляции: *зафхос* < *завхоз*, *падлифка* < *подливка*, *путйофка* < *путевка*, *вагзал* < *вокзал*; и диссимиляции: *транвай* < *трамвай*, *калидёр* < *коридор*, *талерка* < *тарелка*, *каклет* < *котлета* и др.

В русском языке существуют произносимые согласные (например, в слове «здравствуй»), которые на письме обозначаются буквами, но не произносятся. Таджикский язык заимствует такие слова в их звуковой, а не орфографической форме, то есть без этих произносимых звуков: *лочик* < *летчик*, *навеска* < *новестка*, *бугалтер* < *бухгалтер* и др.

Исследуя заимствования из русского языка, можно прийти к выводу, что их фонетическое видоизменение в таджикском языке напрямую связано с русскими орфоэпическими нормами. Ключевой момент заключается в том, что таджикский язык воспринимает не основные варианты русских фонем, а их разговорные варианты, которые, в свою очередь, закрепляются в системе таджикского языка как самостоятельные фонемы. Ярким примером служит слово *тормус*, заимствованное из русского *тормоз*, где звук [з] в позиции конца

слова по правилам русской орфоэпии озвончается в [с]. Данная закономерность наблюдается в области как согласных, так и гласных звуков.

Помимо орфоэпических норм, на усвоение русских заимствований в таджикском языке напрямую влияют парадигматические и синтагматические свойства его консонантизма. Центральную роль здесь играет фундаментальное различие в системах согласных: в русском языке существует корреляция по твёрдости/мягкости, а в таджикском — нет. В результате, твёрдые согласные в заимствованиях часто произносятся без характерной для русского языка твёрдости, а мягкие — без должной мягкости. Это приводит к фонетическому сближению и даже полному отождествлению парных русских фонем в таджикском языке. *Ср.: верталот<вертолет, кастидул<кастрюля, медал<медаль, насилка<посылка, самалот<самолет.*

Одной из фонетических особенностей таджикского языка является отсутствие стечения согласных в анлауте (в начале слова). Вследствие этого, при заимствовании иноязычной лексики, в начале слова между двумя согласными развивается протеза — чаще всего в виде краткого гласного [и], что облегчает произношение: *гирафин<графин, гирелка<грелка, кивитансия<квитанция, вараатар<вратарь, киресла<кресло, кирушка<кружка, истакон<стакан, биллок<блок и др.*

Заимствованная из русского языка лексика в таджикском языке претерпевает также разнообразные комбинаторные изменения, обусловленные процессами эпентезы — вставки звуков в слове: *пинчак<пиджак; матасикл<мотоцикл; синкопы - бириж<бриджи, бирюк<брюки.*

Русский согласный звук [ц] отсутствует в таджикском языке, поэтому данный звук заменяется на [с] и [тс]: *авиатсионӣ<авиационный) авиатсия<авиация, сирк<цирк, милиса<милиция, концерт<концерт, лексия<лекция, конституция<конституция, семент<цемент, лесниса<лестница, Федератсия<Федерация, сунами <цунами, свет (вместо русского слова*

«цвет» встречается в разговорной речи таджика. Хотя данное слово имеет перевода «ранг»), *серкъф* <церковь и др.

В заимствованных русских словах выпадает мягкий знак, который выделяет мягкие согласные или выполняет разграничительную функцию: *холодилник, апрел, алпинист, артел, контрол, албом, элба, автомобил* и др. Также заимствованные русские слова обрастают таджикскими окончаниями или приставками: *аграрӣ*<аграрный, *агрономӣ*<агрономический, *агротехникӣ*<агротехнический, *адмиралӣ*<адмиральский, *августӣ*<августовский, *автоматӣ*<автоматический, *автоматонӣ*<автоматизация, *автомобилӣ*<автомобильный, *акушерӣ*<акушерство, *аккумуляторӣ*<аккумуляторный, *алгебрӣ*<алгебраический и др.

Таким образом, фонетическая адаптация русских заимствований в таджикском языке — многоаспектный процесс, детерминированный различиями фонологических систем. Основными факторами выступают: отсутствие корреляции по твёрдости/мягкости, ведущее к мене согласных, и комплекс комбинаторных изменений, таких как эпентеза, ассимиляция, диссимиляция, синкопа и апокопа и других.

2.Грамматическое освоение заимствованной русской лексики

Таджикский язык в силу своей грамматической природы относится к аналитическим языкам, поэтому отличается от синтетических языков, таких как русский, тем, что в нём отсутствуют грамматические категории рода, падежа и склонения.

Проблема о различии между аналитическими и синтетическими способами выражения грамматических значений представляет собой одну из ключевых проблем морфологической типологии, разрабатываемую лингвистами начиная с XIX века.

Как известно, синтетический способ выражения грамматических значений реализуется в пределах слова посредством аффиксации, флексии и

других морфологических средств, тогда как аналитический способ осуществляется за пределами слова – через вспомогательные элементы, в том числе служебные слова, предлоги, послелоги, артикли и порядок слов.

Согласно Дж. Гринбергу, степень аналитичности и синтетичности определяется «индексом, который отражает количество морфем в слове, например, в русском языке этот индекс равен 2,4» [Greenberg, 1974:78].

Именно данный типологический индекс служит основанием для отнесения русского языка к синтетическому типу, поскольку в соответствии с установленной классификацией языки с индексом синтетичности, равным 2 и выше, рассматриваются как синтетические, тогда как языки с индексом ниже 2 – как аналитические. Следует, однако, подчеркнуть, что подобное разграничение носит условный характер: в реальной языковой практике не существует абсолютно синтетических или полностью аналитических языков, поскольку большинство языков сочетают в своей грамматической системе элементы обоих типов, например, в русском языке аналитической формой является образование сложной формы будущего времени (*буду читать, будешь читать и др.*), сложные формы сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий (*более красивый, менее важный, наиболее эффективный, наименее заметный*) и т.п.

На основании рассчитанных значений индекса синтетичности языки условно классифицируются следующим образом :

1) Аналитические языки (индекс-2): вьетнамский, китайский, английский, французский, испанский, португальский, итальянский, персидский, новогреческий, болгарский и др.

2) Синтетические языки (индекс 2-3): русский, санскрит, латынь, древнегреческий, немецкий, чешский, польский, литовский, готский, якутский, суахили и др.

3) Полисинтетические языки (индекс-3): эскимосские, некоторые кавказские, палеоазиатские и индейские языки [Володарская, 2008:6-10].

Таким образом, уровень синтетичности или аналитичности языка определяется не субъективным восприятием, а количественно измеримыми морфологическими характеристиками. Подобный подход позволяет более точно позиционировать язык в рамках морфологической типологии и выявлять общие закономерности в грамматической организации языков мира.

Очевидно, что вопрос разграничения аналитического и синтетического способов относится прежде всего к сфере грамматики. Однако среди лингвистов не существует единства в подходах к её решению: одни исследователи рассматривают данную дихотомию преимущественно с позиций морфологии, другие – исходя из синтаксических характеристик.

Наряду с этими двумя подходами существует третий, более комплексный, предполагающий опору на классификацию грамматических средств и анализ их функционирования в языковой системе конкретного языка. Такой подход позволяет учитывать как морфологические, так и синтаксические параметры, обеспечивая более всестороннее представление о грамматическом строе.

Согласно принятой типологии, все грамматические средства подразделяются на два принципиально различных класса. К синтетическим способам, реализующим грамматическое значение внутри слова, относятся: внутренняя флексия, аффиксация, редупликация, сложение, использование ударения и супплетивизм. В противоположность им, аналитические способы выражают грамматические значения вне слова – через служебные слова, порядок слов и интонационные средства [Реформатский, 2005:313].

В таджикском языке и в других аналитических языках грамматическое значение слова выражается с помощью вспомогательных слов, таких как предлоги, послелогии, служебные слова или через порядок слов в предложении, а не через изменения флексий.

Следует подчеркнуть, что из-за этих особенностей, когда таджикский язык заимствует русские слова, они не подвергаются процессу грамматического освоения.

3. Семантическое освоение русской заимствованной лексики таджикским языком

«Семантическое освоение заимствований в таджикском языке – это процесс, посредством которого слова, заимствованные из другого языка (в данном случае из русского языка) приобретают новые значения и ассоциации в языке-реципиенте» [Шамбезода, 2007:247]. Семантическое освоение заимствованной лексики является наиболее интересным и сложным процессом, так как «заимствованные слова могут претерпевать различные семантические изменения, такие как : заимствованное слово может получить более узкое значение, чем в языке-источнике; заимствованное слово может получить более широкое значение, чем в языке-источнике; заимствованное слово может претерпеть изменение коннотации, то есть получить положительную или отрицательную оценку; заимствованное слово может получить новое значение посредством метафорического расширения» [Шамбезода, 2007:250].

Процесс семантического освоения заимствованных слов может происходить различными путями:

1. **Частное употребление:** заимствованное слово может употребляться в узком кругу людей, и его значение может быть определено конкретным контекстом.

2. **Лексическая контаминация:** заимствованное слово может смешаться с существующим словом в языке-реципиенте, и его значение может быть изменено.

3. **Социолингвистические факторы:** заимствованное слово может получить новое значение под влиянием социолингвистических факторов, таких как возраст, пол, социальный статус.

4. Семантическое освоение заимствованных слов является сложным процессом, который даёт динамичность языка и его способность адаптироваться к меняющимся социальным и культурным условиям.

С.В. Гринев выделяет «три этапа семантической ассимиляции - этап вхождения, этап адаптации, этап дальнейшего развития» [Гринев, 1998: 12] . Согласно С.А. Беязевой, «в процессе семантической ассимиляции слово проходит следующие стадии: проникновение в речь, частичное усвоение, полное уподобление автохтонным словам» [Беязева 1984: 22-23].

Лексическое заимствование представляет собой двухфазный процесс. На начальной фазе происходит адаптация слова в одном из его значений для номинации иной культурной или предметной реалии. На последующей фазе осуществляется интеграция лексемы в систему принимающего языка, что проявляется в росте её сочетаемости и семантическом развитии. «Этапу дальнейшего развития соответствует процесс самостоятельной жизни и развития слова в воспринимающем языке, который может характеризоваться различными семантическими сдвигами единицы: более или менее полный отрыв заимствования от его прототипа в родном языке; расширение семантического объёма путём вторичного заимствования или развития новых значений; миграция терминизированной лексики в общелитературный язык или генерализация; переход слов общелитературного языка в специальную сферу и связанное с этим сужение значения; образно-переносное осмысление новозаимствования – метафоризация под воздействием лексического окружения языка-рецептора» [Беязева 1984: 41].

Семантическое освоение заимствований в таджикском языке часто сопровождается переосмыслением значения: утратой исходной семантики и приобретением новой. Процесс лексической ассимиляции позволяет выделить два типа заимствований: полностью интегрированные в семантическую систему и те, чья семантика редуцирована. Данное явление во многом обусловлено тем, что в момент заимствования большинство лексических

единиц в языке-доноре являются моносемичными., например, *утюг*>*утук*, *плитка*>*пилитка*, *ручка*>*ручка*, *витамин*>*витамин*, *вирус*>*вирус* и др.

В таджикский язык во всех своих значениях перешли такие, например, слова, как: *балкон*>*балкон* 1) «выступающий на верхних этажах здания площадка с перилами», 2) «верхний или средний ярус в зрительном зале»; *билет*> *билет* 1) «документ, удостоверяющий право пользования чем-нибудь за плату», 2) «документ, удостоверяющий принадлежность к какой-нибудь организации», 3) «бумажный денежный знак», «документ», 4) «листок, карточка с каким-нибудь текстом»;

Когда таджикский язык заимствует слова, некоторые из них (вторая группа) приживаются лишь в узком, специальном значении. Их смысловой спектр как бы «сужается», и это — самый частый сценарий смысловой трансформации для таких слов. По мнению Слепцова, «на изменение семантической структуры влияют три ключевых фактора: фактор терминологизации: иноязычное слово, будучи неологизмом, стремится к сохранению однозначности, подобно термину; социокультурный фактор: заимствуются лишь те значения, которые соответствуют историческому развитию и потребностям общества, использующего язык; лингвистический фактор: несовпадение лексико-семантических систем языков приводит к тому, что многозначность слова в языке-источнике "распределяется" между разными словами в языке-реципиенте» [Слепцова, 1964: 135-136].

Проведённое исследование позволяет констатировать, что процесс семантической адаптации многозначных русских лексем в таджикском языке в большинстве случаев сопровождался редукцией их смыслового объёма. Так, например, из пяти значений слова *алмаз*>*алмос* заимствовано лишь два значения: 1) «прозрачный драгоценный твёрдый камень»; слово *бочка*>*бочка* из двух значений таджикским языком заимствовано только одно: «деревянное или металлическое цилиндрическое вместилище» и т.д.

Заимствование слов — это не простое копирование, а сложный и глубокий процесс, который активно влияет на развитие таджикского языка. Слова, пришедшие из русского и других языков, не остаются застывшими: они живут, меняются и развиваются под воздействием как внешних (культурных, социальных), так и внутренних языковых законов.

Приводимые примеры семантических сдвигов всегда условны, поскольку в живой речи говорящие постоянно используют слова в новых, смежных значениях, что подтверждает динамичную природу заимствованной лексики.

Заимствования — это естественное следствие контактов между народами. Бессмысленно запрещать этот процесс, но важно подходить к нему разумно. Чрезмерное и неоправданное использование иностранных слов может затруднить общение. Главным мерилom должно оставаться коммуникативное удобство: насколько эффективно новое слово выполняет свою функцию.

Следует выделить ключевые принципы адаптации языка в эпоху глобализации:

Опора на саморегуляцию. Язык обладает мощными механизмами самоочищения, которые естественным образом выводят из употребления временные и немотивированные заимствования.

Приоритет культуры речи. Здоровое развитие языка основано не на запретительных мерах, а на повышении языковой культуры и чувства меры у его носителей.

Гибкая и избирательная стратегия. Необходима открытость к необходимым инновациям при критическом отношении к немотивированным калькам и моде.

Стратегическая цель. Сохранение богатства и самобытности языка при обеспечении его способности адекватно отражать изменения в мире.

Выводы по второй главе

Несмотря на устоявшиеся в прошлом мифы о негативном влиянии двуязычия на развитие личности и интеллекта, современные научные данные опровергают эти представления, указывая на нейропсихологическую пластичность детского и взрослого мозга, позволяющую эффективно овладевать двумя и более языками. Кроме того, билингвизм способствует формированию метаязыковой осведомлённости, развитию межкультурной компетенции и расширению когнитивных способностей.

Анализ теоретических и эмпирических подходов к проблеме билингвизма и полилингвизма, проведённый в рамках настоящего исследования, позволил констатировать, что данное явление остаётся одной из ключевых проблем социолингвистики, особенно в условиях глобализации, миграционных процессов и культурной трансформации современных обществ. Многоязычие как лингвистическая и социальная реальность приобретает особую значимость в рамках национальных государств, где наблюдается стабильное сосуществование и взаимодействие нескольких языков на одной территории.

В рамках данной главы нами был проведён социологический опрос в целях определения места и роли русского языка для носителей таджикского языка. Проведённый опрос свидетельствует о доминировании инструментальной и интегративной мотивации в изучении русского языка, детерминированной совокупностью прагматических, культурологических и когнитивных факторов. Ключевым мотивирующим стимулом, по оценкам респондентов (70 %), выступает необходимость получения образования, что напрямую связано с функционированием русскоязычного образовательного пространства (например, РТСУ) и доступом к научной и учебной литературе на русском языке. Существенную долю ответов (39 %) составляют установки на развитие профессиональных и интеллектуальных компетенций, что

подчёркивает значимость языка как инструмента карьерного и личностного роста.

Значимым оказалось стремление анкетированных к формированию билингвальной личности (29 %), что свидетельствует о повышенной языковой чувствительности и осознании пользы от овладения несколькими языками. Кроме того, русский язык воспринимается как один из мировых языков (14 %), важный для межнационального общения, саморазвития и расширения кругозора.

Эстетическая и культурная мотивация также занимает заметное место в структуре ответов. Так, 12 участников указали на ценность русского языка как средства приобщения к художественному наследию, а 9 – на его значение в изучении культурных традиций. Интерес к орфоэпическим и грамматическим нормам (9 респондентов) говорит о глубоком интересе к грамматике русского языка. Практические цели, такие как подготовка, к путешествиям и бытовое использование в иноязычной среде, также представлены (9 ответов).

Результаты по второму вопросу показали, что 79% респондентов мотивированы к использованию русского языка, прежде всего личным желанием, в то время как 21% указали на влияние семейного окружения. Это говорит о высоком уровне внутренней мотивации, что является устойчивым фактором в овладении языком.

Относительно предпочтительного языка общения: 35% опрошенных используют русский и таджикский языки в равной степени, 32,5% – преимущественно таджикский и столько же – русский язык. Это свидетельствует о существовании функционального двуязычия, где выбор языка определяется коммуникативной ситуацией.

Что касается родного языка, 90% респондентов определили таковым таджикский язык, и только 10% – русский. Это подчёркивает вторичный характер русского языка в языковом сознании большинства анкетированных, что

не исключает его активного использования в академической и социальной среде.

Наиболее частотными местами использования русского языка опрошенные называют университет (45%), домашнюю обстановку и свободное общение в зависимости от ситуации (по 11%), занятия (10%) и общение с друзьями (9%). Это указывает на институционально-бытовую природу функционирования русского языка в данной социалингвистической среде.

Анализ ответов на вопрос о языке, на котором легче писать официальные документы, показал, что для большинства легче писать на своём родном языке (таджикский язык) (56%), что отражает глубинное владение родным языком в формально-официальной коммуникации. Однако 34% опрошенных чувствуют себя уверенно на обоих языках, и только 10% указали предпочтение в сторону исключительно русского языка.

Следует подчеркнуть, что проведённое анкетирование продемонстрировало многоаспектность мотивации к изучению русского языка, его функциональную значимость в различных сферах жизни и образования, а также устойчивую билингвальную модель, характерную для современной таджикской молодёжи.

Второй социологический опрос, проведённый среди 310 таджикоязычных жителей Душанбе, показал, что русский язык продолжает играть важную роль в городской среде, несмотря на общее снижение его использования по сравнению с советским периодом. Русский язык востребован в различных сферах деятельности – особенно в образовании, медицине, транспорте, обслуживании и среди студентов. В повседневной и профессиональной жизни большинство респондентов используют как таджикский, так и русский языки. Русский язык сохраняет прочные позиции в сфере чтения специальной и художественной литературы, просмотра телепередач и использования социальных сетей. Радио слушают в основном

на таджикском языке. В целом исследование свидетельствует о стабилизации и постепенном возрождении таджикско-русского двуязычия в условиях городской среды Душанбе.

Таким образом, мы попытались выявить заимствованные из русского и посредством русского языка слова в таджикском языке. Аналитический обзор полученной информации позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В результате лексикографического анализа установлено, что заимствованные из русского языка лексемы в таджикском языке проходят процесс фонетического и семантического освоения, при этом грамматическая адаптация, как правило, отсутствует. Одной из причин, по которой русские заимствования в таджикском языке не подвергаются полной грамматической адаптации, является аналитическая специфика таджикского языка. В отличие от русского языка, который относится к синтетической форме с разветвлённой системой словоизменения (склонения, спряжения), таджикский язык проявляет более высокую степень аналитизма. Аналитическая природа таджикского языка прежде всего выражается:

- грамматические значения (падеж, время, число и т. д.) часто передаются не служебными морфемами, а вспомогательными словами, предлогами, послелогом или порядком слов;

- отсутствие флексий и аналитическая направленность таджикского языка делают невозможной полноценную грамматическую адаптацию русских заимствований. Заимствованные слова используются в таджикской лексической системе в инвариантной форме, адаптируясь в первую очередь фонетически, но не грамматически.

В силу этого заимствованные из русского языка слова, как правило, включаются в таджикскую лексическую систему в неизменённом или минимально адаптированном виде, поскольку грамматическая структура таджикского языка не требует морфологической переработки и не располагает

средствами для полноценного включения флективных категорий русского языка (например, падежных окончаний, категории рода и т. д.).

Таким образом, отсутствие грамматического освоения выступает основным фактором, способствующим формированию потенциальных и реальных полей языковой интерференции;

2. Фонетическая интеграция русских лексем в таджикский язык характеризуется как многоаспектный процесс. На вокализм заимствований воздействует оппозиция устойчивых и неустойчивых гласных таджикского языка, в то время как консонантизм адаптируется в условиях отсутствия фонологической оппозиции по твёрдости/мягкости. Данная адаптация реализуется через ряд комбинаторных звуковых процессов, включая эпентезу, диссимиляцию, ассимиляцию, синкопу и апокопу;

3. Заимствованная лексика занимает свою нишу в лексической системе таджикского языка, иногда замещая существующие слова или становясь дополнительными синонимами. Это разнообразит словарный запас и предоставляет новые возможности для выражения.

4. Семантическое освоение русской заимствованной лексики в таджикском языке – это динамичный процесс, отражающий взаимодействие языков и культур. Этот процесс подчеркивает богатство и многогранность языковой системы, а также важность культурного контекста в формировании значений.

ГЛАВА III. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Настоящая глава посвящена центральной проблеме контактной лингвистики и теории языкового взаимодействия. Явление интерференции, понимаемое как перенос особенностей одного языка на другой, давно находится в фокусе научных изысканий. Однако наибольшую теоретическую и практическую сложность представляет собой анализ интерференционных процессов не в рамках родственных систем, где их проявления часто предсказуемы, а при столкновении языков, принадлежащих к разным типологическим структурам.

Если в условиях близкородственного двуязычия интерференция часто ограничивается фонетическим и лексико-семантическим уровнями, то при контакте разноструктурных языков механизм интерференции проявляется во всей своей сложности и многогранности. Он затрагивает все уровни языковой

системы: от глубинных синтаксических моделей и принципов организации дискурса до морфологических схем и артикуляционных укладов.

В данной главе предпринимается попытка системного анализа причин и следствий структурной интерференции. Основное внимание уделяется тому, как именно фундаментальные различия в грамматическом строе, системе значений и культурно-обусловленных коммуникативных стратегиях порождают устойчивые ошибки и инновации в речи билингвов.

Глава последовательно раскрывает следующие ключевые аспекты:

- определение интерференции в контексте разноструктурности и ее отличие от других видов языковой интерференции;
- анализ типологических различий как источника интерференционных явлений на фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом уровнях;
- рассмотрение когнитивных механизмов, лежащих в основе переноса языковых навыков;
- практические следствия структурной интерференции для процессов изучения языка и перевода.

Материал, изложенный в данной главе, имеет не только теоретическое значение для лингвистов, но и сугубо практическую ценность для методистов, переводчиков и всех, кто профессионально связан с проблемами межкультурной коммуникации в условиях глобализации. Понимание глубинных причин интерференции позволяет не просто констатировать ошибки, но прогнозировать их и разрабатывать эффективные превентивные стратегии в обучении иностранным языкам.

3.1 Языковая интерференция в русской речи таджиков

Одним из последующих этапов в развитии билингвизма является языковая интерференция, которая представляет собой влияние одной языковой системы на другую в сознании и речи билингвов. Интерференционные

процессы проявляются на всех ярусах различных языка – фонетический, морфологический, лексический и синтаксический.

Вопросы языковой интерференции традиционно занимают значимое место в трудах зарубежных: У. Вайнрайх, Э. Хауген, Г. Шухардт, Дж. Гринберг и Р. Диболл, российских: И.А. Бодуэн де Куртенэ, С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, В.Ю. Розенцвейг, В.И. Беликов, Е.М. Верещагин, В.А. Виноградов, В.В. Климов, Л.Н. Ковылина, В.Н. Комиссаров, Н.А. Любимова, Р.К. Миньяр-Белоручев, Н.Б. Мечковская, Э. Петрович, В.Ю. Розенцвейг, Ю.И. Студеничник, Л. В. Щерба, Л. П. Крысин, и таджикских лингвистов: Р.И. Хашимов, Х.Дж. Шамбезода, Д.М. Холназаров, В.В. Алимов и др.

Благодаря трудам вышеназванных ученых были сформированы теоретические основы исследования языковых контактов, а понятие лингвистической интерференции получило широкое распространение и закрепилось в лингвистической терминологии.

Следует подчеркнуть, что идея взаимовлияния языков возникла задолго до появления самого термина «интерференция» в лингвистике. Одним из первых исследователей, выразивших эту мысль, был И. А. Бодуэн де Куртенэ, который рассматривал языковое смешение как «двусторонний процесс». Учёный отмечает, что «влияние смешения языков проявляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой же стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка» [цит. по Попова, 2018:54].

Таким образом, ещё на начальном этапе становления теории языковых контактов были заложены ключевые представления о механизмах взаимодействия языковых систем

Согласно У. Вайнрайху, «лингвистическая интерференция возникает в результате языкового контакта, который может происходить либо в форме

речевого общения между двумя языковыми коллективами, либо в учебной ситуации» [Вайнрайх, 1979:55]. Данную позицию поддерживал так же В. Ю. Розенцвейг, определивший интерференцию как «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг, 1972:28].

Также ученым отмечается, что «при контакте двух языков происходит нарушение языковых норм обеих систем вследствие отклонений в сопоставлении родного и неродного языков, что в конечном итоге приводит к их взаимному сближению и уподоблению» [Розенцвейг, 1975:12].

В рамках исследуемого параграфа будет рассмотрено лингвистическое понимание интерференции, а также характерные особенности интерференции и подходы к её трактовке.

М.В. Попова отмечает, что «понятие «интерференция» в языкознании рассматривается с различных аспектов, например, в своих исследованиях зарубежные учёные (Дж. Гринберг и Р. Диболл) для обозначения явлений интерференции используют термин «**диффузия**», подчёркивая тем самым процессы взаимопроникновения и распространения языковых черт между системами языков в условиях контакта [Попова, 2018:58].

Следует отметить, что термины «диффузия» и «интерференция», несмотря на общую связь с явлениями языкового контакта, представляют собой разные лингвистические процессы и выполняют разные функции в системе билингвизма.

Диффузия в словаре лингвистических терминов под редакцией Т.В. Жеребило обозначает «процесс распространения языковых элементов (слов, фраз, грамматических конструкций и т. д.) из одного языка в другой в результате контакта между носителями этих языков» [Жеребило, 2016:240]. Диффузия может привести к заимствованию слов и грамматических структур, а также к изменениям в фонетике и морфологии языка.

Однако, как правило, интерференцию можно определить как «влияние одного языка на другой, которое может привести к ошибкам в произношении, грамматике или лексике. Интерференция возникает, когда носитель одного языка применяет правила своего языка к другому языку, что может привести к неправильной интерпретации иностранного языка» [Жеребило, 2016:400].

Таким образом, основное отличие между диффузией и интерференцией заключается в том, что диффузия представляет собой процесс заимствования языковых элементов, в то время как интерференция является результатом неправильного применения правил одного языка к другому.

С точки зрения Э. Хаугена, «интерференция – это как лингвистическое переплетение, при котором любая лингвистическая единица может оказаться одновременно элементом двух систем» [Haugen, 1956].

Согласно точке зрения Э. Хаугена, билингв, владеющий двумя языковыми системами, в процессе речевой деятельности способен свободно переключаться между ними, используя элементы как одного, так и другого языка. Такое явление, известное как код-свитчинг, рассматривается учёным как эффективный коммуникативный механизм, который способствует оптимальному решению речевых задач и позволяет говорящему более гибко и точно выражать свои намерения в различных коммуникативных ситуациях [Haugen, 1956].

Л. В. Щерба хотя и не употребляет этот термин, в своей статье «К вопросу о двуязычии» говорит о «взаимном искажении обоих языков, на практике, при изучении иностранного языка, искажении именно этого иностранного языка под влиянием родного» [Щерба, 1974].

В контексте антропоцентрического подхода, как отмечает Р.И. Хашимов, ключевыми понятиями в теории билингвизма выступают «двуязычие», «родной язык» и «интерференция», тогда как все остальные категории и процессы рассматриваются как производные от них [Хашимов, 2018: 12].

В целом можно сказать, что языковая интерференция – это влияние одного языка на другой в процессе усвоения или использования нескольких языков. Обычно возникает у билингвов, изучающих второй (или более) язык, и проявляется в виде ошибок, вызванных переносом норм родного языка на иностранный.

Следует отметить, что взаимодействие языковых систем в речи билингва, при котором одна из них – доминирующая – оказывает влияние на другую, приобретённую языковую систему

А. Е. Карлинский пишет об интерференции как о «частном случае «речевых мутаций», заключающемся в бессознательном переносе навыков из родного языка в иностранный» [Карлинский, 1980:72]. Согласно Е.В. Шинкаренко, «билингвы в момент говорения сознательно или бессознательно смешивают системы двух языков, вследствие чего происходит отклонение от общепринятых норм языка» [Шинкаренко 1995:55]. Н. Б. Мечковская истолковывает интерференцию как «ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного языка» [Мечковская, 2000:196]. По словам Э.М. Ахунзянова «интерференция не всегда является отклонением от нормы, так как при частом повторении она сама становится нормой» [Ахунзянов, 1978:83].

В лингвистике существует множество работ, посвящённых нейтральной позиции интерференции, в которых интерференции рассматривается как двустороннее явление и факт проникновения одного языка в другой [Семчинский 1974], [Вишневская, 1993:37], [Любимова 1991], [Maskey, 1967], [Clyne, 1967], [Мартине, 1963].

К.К. Платонова пишет об «интерференции навыков», «способной как ослаблять, так и усиливать новоприобретенные навыки под влиянием уже имеющихся» [Платонов, 1972:67]. В своей работе «Проблема интерференции в теории перевода» В.Н. Комиссаров пишет, что «различные виды

интерференции при переводе могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние» [Комиссаров, 1989:83].

В своих трудах Э.М. Ахунзянов интерференцию рассматривает как «положительное или нейтральное явление, а неосознанные и ошибочные переносы норм первого языка – трансференция. Трансференция – это отрицательное явление, порождающее избыточность в речи, создающее помехи в освоении второго языка и носящее случайный характер» [Ахунзянов, 1978:83]. Другой учёный С.Н. Тимофеев даёт противоположное истолкование этих терминов. Он считает, что «интерференция – это отрицательное явление, а трансференция – это положительное» [Тимофеев, 1988:23]. Точку зрения С.Н. Тимофеева поддерживали А.Е. Карлинский, Н.А. Любимова, Е.В. Наумова, С.С. Хромов, считавших явление трансференции как «положительного переноса, в результате которого при совпадении норм контактирующих языков действуют их общетипологические свойства, не оказывающие отрицательного влияния на иноязычную речь билингва, разделяют и другие исследователи» [Карлинский, 1990]; [Любимова, 1991]; [Наумова, Хромов, 2002].

Согласно определению М.В. Щербаковой: «при трансференции воздействующий язык не вызывает в изучаемом языке нарушений нормы, но стимулирует уже существующие в нем закономерности» [Щербакова, 2003:85].

В зарубежной лингвистике термин «трансференция» (transfer) используется для обозначения процесса переноса языковых элементов из одного языка в другой в результате языкового контакта. Трансференция может касаться различных языковых уровней, включая фонетику, лексику, грамматику и семантику. Трансференция может быть как положительной, так и отрицательной. Положительная трансференция происходит, когда языковые элементы одного языка помогают билингу в использовании другого языка, например, когда знание грамматических структур одного языка помогает в

понимании грамматических структур другого языка. Отрицательная трансференция происходит, когда языковые элементы одного языка мешают билингу в использовании другого языка, например, когда фонетические особенности одного языка влияют на произношение звуков в другом языке.

Как отмечает в своей работе М.В. Попова, «в зарубежной лингвистике для обозначения термина «интерференция» используются следующие синонимы: «(language) transfer», «L1 interference», «linguistic interference», «crosslinguistic influence», «transference» и «interference». Однако анализ по теме исследования показал, что зарубежные учёные [Grosjean & Py, 1991]; [Jarvis & Pavlenko, Scott & Aneta, 2008]; [Cenoz, Hufeisen, and Jessner, 2001]; [Cook, 2003]; [Treffers Daller, Sakel, 2012] чаще всего используют термин-словосочетание «(language) transfer», который трактуется как «процесс переноса элементов одного языка на другой язык, другими словами – взаимоперенос языковых черт в речи билинга или мультилинга» [Попова, 2018:57].

По определению Л.И. Баранниковой, «интерференции имеет многогранный характер, так как проблема интерференции не является чисто лингвистической, ибо интерференция не только один из фактов языка, а явление, имеющее глубокие психологические и, в конечном счете, социально-исторические корни» [Баранникова, 1972:88].

Таким образом, в результате анализа теоретического материала можно заключить, что, несмотря на значительную исследовательскую активность в области языковой интерференции, вопросы, касающиеся её генезиса и обуславливающих её когнитивных механизмов, остаются открытыми. Параллельно существует проблема терминологической унификации: традиционный термин «лингвистическая интерференция» обладает устойчивой негативной коннотацией. В качестве нейтральной альтернативы широкое распространение получил термин «лингвистическая трансференция»

(language transfer), семантический объём которого включает как негативные (сходно с «интерференцией»), так и позитивные аспекты.

В заключении, следует отметить, что интерференция является неотъемлемым процессом в условиях билингвизма и проявляется на всех ярусах языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Она отражает влияние родного языка на изучаемый и зачастую становится причиной отклонений от норм второго языка. В настоящем исследовании основное внимание будет уделено анализу всех указанных ярусов интерференции с целью выявления их характерных особенностей и закономерностей проявления в русской речи таджиков-билингвов.

3.1.1 Звуковая (фонетическая) интерференция в русской речи таджика-билингва

Фонетическая интерференция, прежде всего, проявляется в изменении или искажении звуковых единиц второго языка под воздействием фонетических структур родного языка. Это может касаться как отдельных звуков, так и более сложных фонетических явлений, таких как интонация, ударение и ритм. Важно отметить, что такие интерференционные явления могут значительно повлиять на понимание и восприятие речи, а также на эффективность коммуникации.

Для полного анализа следует дать лингвистическое описание фонетической интерференции, которое может помочь в предупреждении и устранении родного акцента.

Согласно У. Вайнрайху «фонетическая интерференция – это не только нарушения реализации фонем, но и разрушение их оппозиций» [Вайнрайх, 1979:55]. В более ранних работах учёного можно найти следующее деление интерференции на типы при анализе её явлений на фонологическом уровне:

1. Фонемная недодифференцированность (under-differentiation): неполная дифференциация фонем вторичной языковой системы, например, *a* - *a*: - *зад* - *Saat, satt*;

2. Сверхдифференцированность (over-differentiation): сверхразличение фонем в составе второго языка, например, *л, л*: *ловко, Лёвка* – *leben, loben*;

3. Реинтерпретация (reinterpretation of distinction): переразложение дифференциальных признаков фонем вторичной системы, например, признак глухой – звонкий для согласных фонем русского, немецкого языков;

4. Субституция звуков речи (actual phone substitution): неразличение иррелевантных признаков фонем.

Как пишет Л.В. Щерба, «нарушения языковой системы как результат действия интерференции проявляется в речи иноязычных на всех ее уровнях, в том числе и на звуковом ярусе. В последнем случае принято говорить о фонетической отрицательной интерференции» [Щерба, 1974:58].

Следует отметить, что ключевыми факторами, обуславливающие возникновение звуковой интерференции являются следующее:

- различия в артикуляции звуков между языками могут привести к ошибкам в произношении;

- различия в фонологических системах языков могут привести к ошибкам в произношении звуков;

- фонетические нормы одного языка могут интерферировать с фонетическими нормами другого языка в произношении;

- близость фонетического строя языков и вместе с тем их фонетические особенности ;

- длительный языковой контакт между носителями контактирующих языков.

В рамках нашего исследования рассматриваются основные типы фонетической интерференции, а также факторы, оказывающие влияние на формирование акцента у носителей таджикского языка. С этой целью

проводится идентификация и описание характерных ошибок произношения, возникающих в условиях языкового контакта. Особое внимание уделяется взаимосвязи между фонологической системой и артикуляционной базой русского и таджикского языков, поскольку их несовпадение в системе вокализма и консонантизма является одной из ключевых причин возникновения фонетических ошибок.

В целях выявления потенциального поля звуковой (фонетической) интерференции между русским и таджикским языками представляется необходимым провести сравнительный анализ систем вокализма и консонантизма указанных языков. Для этого следует изложить и сопоставить основные принципы классификации гласных и согласных звуков, учитывая такие фонетические параметры, как место и способ образования, участие голосовых связок, наличие или отсутствие палатализации, а также просодические характеристики. Данный подход позволит установить типологические различия и сходства в звуковых системах обоих языков, что, в свою очередь, создаст теоретическую базу для последующего изучения механизмов фонетической интерференции в процессе билингвальной или иноязычной коммуникации.

1. Принцип классификация гласных в таджикском и русском языках [Грамматика таджикского языка, 1985].

В «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» (1985) отмечается, что в таджикском литературном языке выделяют шесть гласных звуков: [a], [и], [o], [y], [ӯ], [э]. По фонологическому признаку выделяют две группы гласных звуков – 1. устойчивые, к ним относятся [o], [э], [ӯ] и 2. неустойчивые - [a], [и], [y]. В таджикском вокализме также присутствует звук [й], который не отличается по способам образования от звука [и].

Устойчивые гласные характеризуются узким диапазоном длительности, неустойчивые – широким.

Следует отметить, что в русском языке гласные звуки по фонологическому признаку не подразделяются на устойчивые и неустойчивые, в то время как в таджикском языке данная оппозиция является системообразующим элементом вокализма. Это различие представляет собой одно из ключевых расхождений на фонетико-фонологическом уровне между двумя языками и может служить важным источником интерференции при обучении русскому языку носителями таджикского языка.

В русском литературном языке также выделяют шесть гласных звуков – [а], [и], [о], [у], [ы], [э]. По фонологическому признаку выделяют две группы гласных – 1. ударные (в которых падает ударение) и безударные (которые находятся в безударном положении). Русские гласные звуки характеризуются склонностью к редукции, особенно в безударных позициях. Редукция – это ослабление артикуляции и изменение акустических характеристик гласных в зависимости от их положения относительно ударного слога. Этот процесс является фонетически и фонологически значимым, так как влияет на реализацию фонем в потоке речи и может затруднять их восприятие для носителей других языков, в том числе таджикского, где редукция гласных выражена в значительно меньшей степени или вовсе отсутствует. Таким образом, явление редукции в русском языке выступает еще одним важным фактором, способствующим возникновению фонетической интерференции при межъязыковом взаимодействии [Попов, 2014:89-100].

В русском языке гласные звуки подвергаются количественной и качественной редукции. Под количественной редукции попадают гласные звуки [а], [о], [э], а под качественной – [и], [у], [ы].

В таджикском языке редукция гласных ограничивается преимущественно количественным типом, при котором гласные сохраняют свое качественное звучание вне зависимости от позиции в слове, подвергаясь лишь изменению длительности и степени звучности, например, фонема [а] в первых открытых слогах слова ослабляется: *надар* (отец), *сафар*

(путешествие), *шакар* (сахар) и т.д. [Учебник таджикского языка для стран СНГ с. 11]. Под ударением и перед твёрдым знаком данный звук произносится более протяжно, например, *макта'б* (школа), *дара'хт*, *ада'д* (цифра), *тароша'* (щепка) [15, 10].

Однако в русском языке гласный звук [а] после мягких согласных в ряде случаев подвергается аканью и реализуется близко к звуку [и], например, *мясной* [мисной], *взяла* [взила], *мячи* [мичи], *сняла* [снила] и др. Такое фонетическое явление связано с редукцией безударных гласных и спецификой артикуляции после мягких согласных, при которой гласный [а] приближается к [и] по тембру и артикуляционной базе. Данное явление является ещё одним ключевым моментом в появлении фонетических нарушений в русской речи таджика-билингва.

Отсутствие качественной редукции в таджикском языке как фонологической категории представляет собой существенное расхождение с русской фонетической системой, где в безударной позиции гласные (в первую очередь /а/, /о/, /э/) претерпевают как количественные, так и качественные изменения.

Данное расхождение формирует потенциальное поле фонетической интерференции при овладении русским языком носителями таджикского, проявляющееся в отсутствии редукции гласных в безударных слогах, гиперчётком артикулировании всех гласных фонем и, как следствие, нарушении просодической организации русской речи. Эти интерференционные проявления могут снижать уровень фонетической адаптации и влиять на коммуникативную эффективность в русскоязычной среде.

Классификация гласных в русском и в таджикском языках опирается, прежде всего, на артикуляционные признаки: степень подъёма языка, ряд, участие губ.

Таблица 1.

Таблица классификация гласных звуков в таджикском языке

Ряд Подъём	Передний	Средний	Задний
	Негубные	Негубные	Губные
Верхний	И (Ї)		У
Средний	Э	Ў	О
Нижний		А	

Таблица 2.

Таблица классификация гласных звуков в русском языке

Ряд Подъём	Передний	Средний	Задний
	Негубные	Негубные	Губные
Верхний	И	Ы	У
Средний	Э		О
Нижний		А	

Таким образом, данные таблицы наглядно демонстрируют, что в инвентаре русских гласных отсутствует долгий гласный таджикский [y̯], в то время как он занимает устойчивое место в системе гласных таджикского языка. Данная фонема, как отмечается в «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» «акустически воспринимается как нечто среднее между *y* и *o*. Гласный [y̯] – долгий звук с переменной фонетической позицией; он изменяется

сравнительно мало, при этом всегда сохраняет свою долготу, например, *мӯр* (муравей), *кӯл* (озеро) и т.д.» [15, с. 14].

Следует отметить, что это фонетическое расхождение указывает на различие в количественной организации вокалической системы обоих языков. Наличие фонемного признака долготы в таджикском и его отсутствие в русском затрудняет фонемную адаптацию носителей таджикского языка при изучении русского и может служить дополнительным источником фонетической интерференции.

Звук [o] в таджикском языке является устойчивым, независимо от ударения он всегда произносится как открытый долгий [o], например, *мода'р* (мать), *бино'* (здание), *бозо'р* (рынок) [15, с. 13]. Однако в русском языке рассматриваемый гласный звук в безударном положении произносится как [a]: *вода'* [вада], *дома'* [дама], *она'* [ана] и др. [16, с. 18].

Произношение гласных звуков [a], [э], [и] мало чем отличаются от произношения соответствующего звука в русском языке.

Однако таджикский гласный звук [э] является устойчивым, поскольку в ударном и безударном положении он не изменяет своё качество и не редуцируется, а в русском языке данный звук подвергается качественной редукции. После мягких согласных произносится как [и]: *века'* [вика], *снега'* [снига], *тела'* [тила] и т.п [15, с. 12].

А также следует отметить, что еще одним из важных различий между фонетическими системами русского и таджикского языков является отсутствие в таджикской фонетике гласного звука [ы], характерного для русского языка. Этот звук не имеет аналогов в таджикском языке, что может приводить к трудностям в его восприятии и воспроизведении носителями таджикского языка. В процессе усвоения русского языка носители таджикского языка могут заменять звук ы на более близкие по артикуляции гласные, что становится одним из проявлений фонетической интерференции.

Отсутствие таджикской фонемы [й] (и-и заданок – и – ударный) в русском языке служит одним из ярких признаков, отличающих русскую фонетическую систему от таджикской. В таджикском языке эта фонема по способу образования не отличается от звука [и], но акустически он воспринимается как звук, произнесённый более протяжно [Грамматика с. 25].

Для более глубокого анализа фонетической интерференции нами был проведён социалингвистический эксперимент среди таджикских студентов Российско-Таджикского (Славянского) университета факультета иностранных языков и факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий. Практическим материалом послужили задания, выполненные студентами-билингвами.

Целью эксперимента являлась выявление особенностей произношения и возможных фонетических искажений, связанных с влиянием родного языка на процесс овладения русским языком. Результаты опроса позволили выявить ключевые проявления фонетической интерференции, такие как:

I. Ошибки в произношении безударных гласных звуков [o], [e] и [a].

Как известно, русский литературный язык имеет ряд характерных особенностей в произношении гласных звуков:

1. Умеренное аканье. В русском языке наблюдается умеренное аканье, когда гласный звук [o] в начале слова и в первом предударном слоге произносится как закрытый звук [a], например: [А́ра́нжевый], [А́ста́но́вка], [А́го́н'], [А́кА́нча́ние]. В первой слабой позиции фонемы <a> и <o> произносятся одинаково.

Типичная ошибка: Сильное аканье, когда в первом предударном слоге на месте закрытого [Λ] произносится слишком открытый, широкий звук [a]. Например, в русской речи таджика встречаются ошибки в произношении безударного гласного [o] – [до́рога] вместо [даро́га], [обие́кт] вместо [абй́экт] и т.д.

2. Умеренное иканье. В русском языке также наблюдается умеренное иканье, когда звук [э] в первом предударном слоге произносится как звук, средний между [и] и [э]. Например: [пч'иэ́ла], [м'иэ́ша́т], [б'иэ́рэ́за] и т.д.

По итогам анализа заданий можно выделить следующее: 1. **ошибки в произношении звука [е]**, например, [тэбэ] вместо [т'иб'е], [тэпер] вместо [т'ип'ер'] и др. Таджики изучающий русский язык ошибочно основываясь на фонетическую систему своего родного языка, звук [е] читает как [э], поскольку буква е в таджикском языке пишется в середине слова и произносится как [э]. Однако в русском языке гласные я, ё, ю, и и ь указывают на то, что предшествующий согласный мягкий за исключением [ж], [ш] и [ц], которые считаются в русском языке только твердыми.

После мягких согласных в первой предударной позиции звук [а] произносится как [и]. Однако в русской речи таджика встречаются ошибки в произношении данного звука, например, [часы] вместо [ч'исы], [полчаса] вместо [полч'иса], [частотность] вместо [ч'исто'тнаст'], [часовой] вместо [ч'ёсΛво'j] и т.д.

3. Полная редукция гласных. В русском языке происходит полная редукция гласных звуков [а], [о], [э] во второй слабой позиции. Звуки [а] и [о] произносятся как редуцированный звук [ъ], а звук [э] – как редуцированный [ь]. Однако данная особенность гласных отсутствует в таджикской фонетической системе.

II. Принципы классификация согласных в русском и таджикском языках

В системе консонантизма русского и таджикского языков существует ряд различий, которые могут стать причиной выявления потенциального поля звуковой интерференции при овладении русским языком носителями таджикского. Эти различия касаются как наличия и отсутствия определённых согласных звуков, так и их артикуляционных особенностей.

В таджикском литературном языке все согласные звуки классифицируются по следующим принципам [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, с. 17-22]:

1. кори узви фаъол (работа активного органа);
2. тарзи тавлид, иштироки резонаторҳо (способ формирования, участие резонаторов);
3. кори садопардаҳо ё иштироки шав-шув ва лаҳн (работа голосовых связок или участие шума и интонации).

В русском языке согласные классифицируются по следующим признакам:

- 1. соотношение шума и голоса;*
- 2. место образования преграды;*
- 3. характер преграды и способ ее преодоления;*
- 4. наличие твердости или мягкости.*

В соответствии с первым принципом, как в русском, так и в таджикском языках, согласные звуки классифицируются на губные, языковые и язычковые. Кроме того, в таджикском языке существует дополнительная категория – гортанные согласные. Гортанные согласные в таджикском языке бывают поверхностным – фонема ʔ (айн) и глубоким – х.

Звук [ʔ] (айн) представляет собой гортанный согласный звук, классифицируемый как звонкий смычный, который образуется за счёт смыкания стенок глотки. В таджикском языке данный звук встречается преимущественно в заимствованных из арабского языка лексемах. Фонетически он занимает позицию в середине и в конце слова.

В современном таджикском литературном языке звук [ʔ], появляющийся после гласного, выполняет функцию удлинения данного гласного с одновременным лёгким артикуляторным прерыванием (обрывом) произношения. В случае, если звук [ʔ] следует после согласного или

располагается в конце слова, он формирует небольшую паузу или обрыв в речевом потоке.

Губные в обоих языках делятся на губно-губные согласные: [б], [п], [м] и губно-зубные - [в], [ф]

В таджикской системе консонантизма к язычным фонемам относятся 14 согласных фонем: *д, т, н, з, с, л, ж, ш, ч, ҷ, р, ғ, к*, а в русском языке их 8 – *т, д, н, с, з, ц, ш, ж*. В свою очередь, язычные согласные фонемы бывают *переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные*.

К переднеязычным относятся таджикские фонемы [д], [т], [з], [с], [ж], [ш], [ч], [ҷ], [р], [л], [н] и русские – [д], [т], [з], [с], [л], [н], [ц].

К среднеязычным относятся таджикская и русская согласная фонема *й*, в группу заднеязычных входят *ғ* и *к*.

Согласные таджикские фонемы *ғ, х, қ* входят в группу язычковых. Данная группа в русском языке представлена русским картавым согласным звуком [р].

Аффрикаты представляют собой особый подтип смычных согласных. Они схожи с взрывными в первых двух фазах артикуляции, однако различие между ними проявляется в третьей фазе. При произнесении аффрикат органы речи не раскрываются сразу широко, как при взрывных звуках, а лишь немного приоткрываются, создавая щель для выхода воздуха. Примером таких аффрикат могут служить таджикские [ч], [ҷ] и русские [ч], [ц].

Анализ материала показывает, что система консонантизма в русском и таджикском языке имеют различия:

1. в системе консонантизма таджикского языка отсутствуют некоторые русские согласные фонемы: *ц* и *ш*, что может привести к трудностям при восприятии и произнесении аналогичных звуков в русском языке;

2. в таджикском языке присутствуют звуки, такие как [қ], [х], [ғ], [ҷ], которые не имеют аналогов в русском языке;

3. в таджикском консонантизме встречаются гортанные согласные [ъ] (айн) и [х], которых нет в русском языке.

4. Согласные [ж] и [ш] реализуются как мягкие постальвеолярные фрикативы и отличаются от более твёрдых русских вариантов, например, жарф (глубокий), ширин (сладкий);

5. Таджикский согласный звук [л] имеет альвеолярную реализацию промежуточную между русским твёрдым [л] и мягким [л']. Он артикулируется с меньшей степенью палатализации, что придаёт ему специфическое звучание. Примеры: лаб (губа), нола (стон) и др.;

6. К щелевым согласным в таджикском языке относятся 11 звуков: в, ф, з, с, ж, ш, л, й, ғ, х, ҳ, а в русском языке щелевые согласные 8 – в, ф, з, с, ж, ш, й, х;

7. Таджикский согласный звук [ч] соответствует мягкому аффрикату, аналога, которого нет в русской фонетической системе;

8. В таджикском языке согласный звук ҳ произносится как глухой фрикатив [x] или менее шумный вариант [χ], отличающийся от русского [x] по степени фрикативности и звучанию – он ближе к звуку интенсивного выдоха, например, ҳавас (желание), ҳавз (водоём), саҳеҳ (правильный). Этот звук в русском языке не имеет соответствий;

Следует отметить, что именно эти различия способствуют для выделения потенциального поля интерференции, которое влияет на правильность произношения и восприятие речи носителями таджикского языка при изучении русского.

Следующим этапом настоящего исследования является рассмотрение супraseгментных единиц русского и таджикского языков с целью выявления типичных фонетико-интонационных ошибок, допускаемых таджиками-билингвами в русской речи. Однако прежде, чем перейти к анализу эмпирических данных, полученных в результате социалингвистического эксперимента, представляется необходимым охарактеризовать и сопоставить типологические особенности фонетико-фонологической системы обоих языков. Такое описание позволит определить структурные различия,

выступающие потенциальными источниками интерференции, и тем самым создать теоретическую основу для интерпретации экспериментальных результатов.

Анализ типологических характеристик языка является неполным без учета супraseгментных элементов, в частности ударения и интонации. Ударение рассматривается как фонетическое средство, обеспечивающее экспоненциальное выделение одного из слогов внутри слова или одного слова в пределах синтагмы. В связи с этим в лингвистике разграничиваются два основных типа ударения: лексическое (или словесное) и фразовое. Сопоставительное изучение акцентологических особенностей проводится на основе ряда параметров, отражающих сущностные характеристики ударения, таких как его фонетическая природа, позиционная реализация и степень мобильности, а также функциональная нагрузка [Аракин, 1979, с. 83-84].

Фонетическая природа ударения варьирует в зависимости от языковой системы, в связи с чем в типологической классификации выделяются следующие его разновидности: музыкальное, при котором акцентуация осуществляется посредством изменения высоты тона; количественное, базирующееся на длительности звуков; и силовое, определяемое степенью мускульного напряжения и интенсивности выдоха, сопровождающих произнесение ударного слога. В русском и таджикском языках лексическое ударение по своей акустико-артикуляторной сущности относится к силовому, или динамическому типу. Однако в таджикском языке оно более фиксированное в отличие от русского, которое подвижным.

Следует отметить, что в таджикском языке есть слова, в которых ударение падает на первый слог: *бале*, *балки* и др.

В «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» указывается, что ударение в таджикском языке всегда падает [Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, 1985:28-29]:

1. на последний слог слова, если оно выступает в первоначальной форме: *китоб, талаба, васеъ*;

2. на глагольные префиксы **ме-, би-**: *мебиёям, менависам, бигиред, бидихед*;

3. на все словообразовательные суффиксы: *дӯстӣ, ягонагӣ, бародарона, калонтар* и др.;

4. на суффиксы множественного числа **-хо, -он, -гон, -ён, -вон**: *китобҳо, коргарон, талабагон, колхозчиён, охувон*.

5. На суффиксы, образующие фамилии: **-ӣ, -зод, -зода, -иён, -пур, -духт**: Ансорӣ, Муқимӣ, Афсаҳзод, Раҳимзода и др.

Также в этой грамматике отмечается, что в таджикском языке ударение никогда не падает [Грамматика, с. 29-30]:

1. на изофат: *китоби ман, падари ман, чӯби дароз* и др.;

2. на притяжательные суффиксы: *падарам, китобат*;

3. на послелог **-ро**: *китобро, дафтарро, хонаҳоро*;

4. на словообразовательные префиксы: *баақл, беул, боғайрат*;

5. на показатель единичности и неопределённости **-е**: *касе, чизе, китобе*;

6. на словообразовательные префиксы **ба-, бо-, бе-, бар-, то-, но-, дар-**: *бепарво, бесифат, бепоён, бонуфуз, баномус* и др. (в данных словах ударение падает на последний слог);

7. на предикативные связки **-ам, -ӣ, -аст, -ем, -ед, -анд**: *ман коргарам, ту талабай, вай муаллим аст* и т.д..

8. на соединительный союз **-у, (-ю, -ву)**: *падару модар, бобою набера, сиву як*;

9. на подчинительный союз **ки**: *Омадам, ки туро бинам*;

10. на вопросительную частицу **-мӣ**: *Омаданд – мӣ?*

В результате анализа заданий в рамках проведённого социалингвистического эксперимента были получены следующие данные.

Полученные результаты позволяют выявить характерные акцентологические ошибки, типичные для русской речи таджиков-билингвов, а также определить степень влияния интерференции со стороны родного языка на овладение фонетико-фонологической системой русского языка

В ходе анализа задания №1 можно выделить следующие ошибки:

1. Ошибки в ь знаке. В таджикском алфавите данный знак отсутствует. В русском литературном языке данному знаку ни один звук не соответствует. Этот знак выполняет три функции: 1). Указывает на мягкость согласного звука; 2). Выполняет разделительную функцию: например, семья, листья и т.д.; 3. После шипящих звуков обозначает грамматическую форму слова: дочь, вещь, мышь и др. Исходя из данной теории, однозначно таджик-билингв сделает ошибки в использовании ь знака.

Задание №2. Прочитайте слова и затранскрибируйте их

1. Ошибки в стечении согласных. Как известно таджикской фонетике не характерно данное явление, поэтому в русской речи таджика встречаются ошибки, связанные со стечением согласных, например, слово «скелет» читается как [сикилет], «грибок» – [гирибок], «стесняться» – [истесняться], «стакан» – [истакан], «скамейка» – [сикамейка], «спектр» – [спектор], птица – [пититса].

Ошибки в произношении звука [ц]: цыплёнок – [сиплонок], солнце – [солнтсе], овца – [афса], больница – [балниса], лекция – [лексия], милиция – [милитсия], певица – [пивитса], улица – [улитса], птица – [пититса], цепь – [сеп], цвет – [сивет], цветы – [сивети], полотенце – [палатенса], боец – [баётся], цена – [сена], цифра – [сифра] и т.д.

Естественно, в произношении [ц] встречаются отклонения в русском произношении таджиков, поскольку данный звук отсутствует в таджикском языке. Он заменяется двумя звуками [с] и [тс].

Ошибки в смягчении согласных: [тэтрад'ка] вместо «тетрадка», [лублу] вместо «люблю», [тэтрад] вместо [т'итрат'], [лубоф] вместо «любовь», [дэвучка] вместо «девочка» и др.

Ошибки в произношении звука [ж]: [ж'ил'а] вместо [жыла], [ж'ивотное] вместо [животнай'э], [ж'ена] вместо [жына], [ж'ивот] вместо [живот], [ж'илудок] вместо [жылудак], [ёж'ик] вместо [й'ожык], [ж'ел'езное] вместо [жыл'эзнай'э] и др.

В таджикском языке звук [ж] акустически воспринимается несколько смягчённо, поэтому в русской речи таджика-билингва встречаются нарушения в произношении данного звука [14, с.17].

На следующем этапе социалингвистического эксперимента таджикские студенты-билингвы выполняли задание по чтению текстов на русском языке. Весь процесс был зафиксирован с помощью аудиозаписи, что обеспечило возможность дальнейшего качественного и количественного анализа речевого материала. Цель данного этапа заключается в выявлении всех типов фонетической интерференции, наблюдающейся в русской речи таджика-билингва.

Этот этап позволил зафиксировать проявления следующих типов интерференции:

1. Сегментная интерференция – замена или искажение отдельных звуков, например, таджик-билингв заменяет иногда незаметно русский [ы] на [и]: «лампй» вместо «лампы», «син» вместо «сын» и т.п.; ассимиляция. В обоих языках данный фонетический процесс присутствует. Однако в таджикском языке звуки по твердости и мягкости не ассимилируются, что является причиной возникновения фонетических ошибок в русской речи таджиков, например, нарушение регрессивной ассимиляции по глухости/звонкости: [впад] → [впат] (звонкий [д] оглушается под влиянием глухого [п]) таджик-билингв сохраняет звонкость [впад] вместо оглушенного [впат]; нарушение ассимиляции по мягкости: вместо [с'иводн'а] твёрдо

произносит → [сиводна] или [севодна]; ещё одним из типичных проявлений фонетической интерференции у таджиков-билингвов в русской речи является отклонение в артикуляции фонемы [л]. В таджикском языке отсутствует противопоставление твердого и мягкого [л], и чаще всего реализуется мягкий альвеолярный аппроксимант [л'], с тенденцией к «светлому» звучанию, независимо от фонетического контекста. В то время как в русском языке фонема [л] представлена двумя реализациями – твердой [л] и мягкой [л'], различающимися по положению спинки языка и акустическим характеристикам. Это приводит к следующей интерференции: в позиции, где в русском языке должен произноситься твердый [л], например, в предложении «**Орёл свил себе гнездо**», таджикские студенты, для которых русский язык является, как иностранный произносили его как мягкий [л'], т.е. [*Арёл' свил'*] вместо нормативного [*Арёл свил*]. Таким образом, артикуляционные особенности родного языка влияют на формирование русской фонетической нормы и приводят к интерферентному произношению

2. Супraseгментная интерференция – отклонения в просодических характеристиках речи: интонация, ударение, темп и ритм, например, перенос ударения по таджикским моделям: *гне́здо вместо «гнездо́», около мо́ря – вместо «моря́», крылья́ми вместо «кры́льями» и т.п.*

Интонационные особенности таджикского языка существенно отличаются от русских просодических моделей, что является одной из причин интонационной интерференции у таджиков-билингвов в русской речи. Эту проблему в своём исследовании, посвященном интонационной системе таджикского языка рассматривал Д.М. Холназаров. Вслед за учёным исследуемой проблемой занялась М.П. Агафонова в своей диссертационной работе, посвященной динамике таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации супraseгментных единиц.

В таджикском языке интонация характеризуется более монотонным и ровным тоновым рисунком с меньшими амплитудами вариаций высоты тона и

относительно сдержанным использованием мелодических контуров. Акцент в таджикском языке часто приходится на фиксированные позиции в слове, и интонационные паузы имеют строго регламентированное место.

В русском языке интонация более динамична и вариативна: ударение является подвижным и может влиять на смысл слова; интонационные контуры отличаются более широким диапазоном высоты тона, что придаёт высказываниям эмоциональную и смысловую окраску. Русская интонация активно использует мелодику для выражения модальных значений, вопросов, утверждений и эмоциональных оттенков.

В результате, таджикские билингвы в русском языке демонстрируют тенденцию к переносу интонационных характеристик родного языка, что проявляется в монотонности речи, неправильном распределении ударения и недостаточной выразительности интонации, снижая тем самым коммуникативную эффективность высказываний.

Таким образом, проанализировав все полученные в ходе эксперимента языковые реакции, мы пришли к следующим выводам:

1) фонетическая интерференция представляет собой лингвистическое явление, при котором в речи билингва наблюдаются систематические отклонения от фонетических норм второго (изучаемого) языка под воздействием артикуляционных и просодических характеристик родного языка;

2) таджикские билингвы склонны к отождествлению русских фонем с ближайшими по звучанию фонемами таджикского языка, что приводит к частичной подмене фонемного состава и снижению фонетической точности русской речи;

3) произносительные особенности таджикского языка оказывают влияние на артикуляцию русских звуков: таджикские студенты воспроизводят русскую звуковую систему с опорой на родные артикуляционные процессы;

4) в результате наблюдается замена или искажение русских фонем, обусловленные интерференцией: типичны оглушение звонких согласных, нарушение редукции безударных гласных, а также отклонения в произнесении мягких согласных.

5) нарушение фонетических норм проявляется в систематическом отклонении от орфоэпических стандартов русского языка, что затрудняет фонологическую идентификацию слов и снижает уровень коммуникативной компетенции;

6) перенос словесного ударения представляет собой одну из характерных ошибок русской речи таджиков-билингвов. Наиболее частым является смещение ударения на последний слог, что обусловлено фиксированным характером ударения в таджикском языке. Кроме того, отмечается попытка компенсировать непривычную позицию ударного слога за счёт усиления интенсивности и высоты тона, что нарушает просодическую структуру русского слова.

3.1.2. Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на примере письменных работ студентов)

Практическое использование второго языка в условиях билингвизма неизбежно сопровождается влиянием родного языка, что проявляется на всех уровнях языковой системы, особенно ярко – в грамматике. Грамматическая интерференция в русской речи таджиков является результатом наложения грамматических структур родного языка на структуры второго (русского) языка. Это приводит к систематическим отклонениям от норм русского языка и формированию устойчивых интерферентных форм, особенно на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Изучение таких явлений позволяет глубже понять когнитивные механизмы билингвального сознания и пути языковой адаптации. При этом

важно учитывать тип билингвизма, уровень владения вторым языком и функциональную распределенность языков в речевой практике.

Современные исследования билингвизма на стыке социолингвистики и когнитивной лингвистики способствуют разработке более точных моделей языкового взаимодействия, а также более эффективных методик преподавания русского языка как неродного.

Как известно, грамматическая интерференция в условиях билингвизма обусловлена взаимодействием родного и второго языков и проявляется на морфологическом и синтаксическом уровнях [Данилина, 2013:299]. Ее изучение имеет теоретическую и прикладную значимость, особенно в сфере учебного многоязычия. Анализ спонтанной речи обучающихся позволяет выявить типичные интерферентные зоны и дифференцировать положительные и отрицательные проявления переноса [Гураль, Павленко, 2011:115-120]. Исследования по различным языковым парам [Межецкая, 2014; Ян, 2014; Панова, 2009; Чернышова, 2014] подтверждают актуальность темы для лингводидактики и способствуют улучшению методик преподавания иностранных языков.

Следует подчеркнуть, что при изучении иностранного языка интерференция со стороны родного языка возникает очень часто, и исследователю необходимо учитывать закономерности актуализации языковых систем в сознании участников социолингвистического эксперимента.

Основной путь к преодолению интерферирующего влияния родного языка лежит через глубокое понимание особенностей как родного, так и изучаемого языка в сравнительном плане. Анализ языковых фактов должен проводиться по следующим аспектам:

1 План выражения – сравнение инвентаря языковых средств (грамматических форм, конструкций) для выражения определенных значений.

2 План содержания – выявление наличия/отсутствия тех или иных грамматических категорий, различий в их семантике.

3 План функционирования – сравнение правил и особенностей употребления грамматических единиц, даже при совпадении их значения.

Комплексный сопоставительный анализ родного и изучаемого языков позволяет исследователю глубже понять источники интерференции и разработать эффективные методы ее предупреждения и устранения у анкетлируемых.

Недостаточное владение иностранным языком может приводить к интерференции — своеобразной «путанице» в сознании, когда структуры разных языков накладываются друг на друга. Причина в том, что говорящему сложно быстро переключаться между языковыми системами.

При выполнении перевода студент-билингв будет сознательно стремиться преодолевать и устранять все речевые ошибки.

В центре настоящего исследования находится феномен негативной грамматической интерференции, которая рассматривается в качестве основного барьера для эффективной коммуникации. Анализ переводческих текстов позволяет идентифицировать данное явление как нарушение грамматических правил языка-реципиента (русского), вызванное транспозицией грамматических структур языка-источника (таджикского). Это происходит, если студент-билингв согласует грамматические единицы в соответствии с грамматическими структурами другого языка или не следует правилу, отсутствующему в родном языке.

Грамматическая интерференция возникает из-за типологических различий в устройстве языковых систем. При переводе это явление выражается в ошибках на разных уровнях: морфологическом (например, формы слов), синтаксическом (структура предложений) и пунктуационном. Наиболее значительное влияние интерференция оказывает именно на морфологию и синтаксис.

Для выявления интерференции необходим сопоставительный анализ особенностей взаимодействующих языков. Сравнение русского и таджикского языков позволило выявить основные несоответствия в языковых системах и типичные ошибки в русской речи таджиков при переводе и письменных работах на таджикском языке. Самыми распространёнными оказались ошибки, связанные с грамматическими категориями, такими как «род», «число», «падеж», а также с построением русских предложений.

Целью исследования является выявление потенциального и реального полей грамматической интерференции в русской речи таджиков. Для достижения цели решаются задачи:

1. выявляются потенциальное и реальное поле интерференции;
2. определяются ошибки, связанные с грамматической категорией рода;
3. определяются ошибки, связанные с грамматической категорией числа;
4. определяются ошибки, связанные с грамматической категорией падежа;
5. выявляются ошибки при употреблении русских падежей таджиками-билингвами;
6. определяются ошибки, связанные с порядком слов;
7. анализируются ошибки при составлении русских предложений, а также при переводе таджикских предложений на русский язык.

Материалом для исследования послужили письменные задания студентов 4-ых курсов направления подготовки «Лингвистика» Российско-Таджикского (славянского) университета, а также примеры, взятые из Русского учебного корпуса, созданного профессором Е.В. Рахилиной [<http://web-corpora.net/RLC/search>].

Эксперимент был проведён со студентами факультета иностранных языков, которым было предложено несколько письменных заданий, задач

которых было выявление уровня знаний грамматической системы русского языка.

В ходе анализа анкет нами были получены следующие результаты:

I. Ошибки, связанные с категорией рода:

Как известно, таджикский язык имеет аналитическую форму, поэтому в нём категория рода отсутствует. Категория рода выступает наиболее характерным морфологическим признаком имён существительных в русском языке. Эта категория проявляется в делении имён существительных на особые классы, именуемые родами. Принадлежность существительных к мужскому, женскому или среднему роду, противопоставление которых проявляется в единственном числе, маркируется формальными показателями — окончаниями, суффиксами и характером основы.

Категория рода в русском языке характерна не только для существительных, но она выступает также в словосочетаниях и предложениях как средство грамматической связи.

В таджикском языке, вследствие отсутствия грамматического рода, все подчиненные существительным слова в одинаковых условиях сохраняют одинаковую форму: *ин дарахт, қалами сурх, қалам афтод, байрақи сурх, гули сурх* и т.д. [Мошеев,1991:21].

В таджикском языке понятие грамматического рода, связанное с делением слов на классы со специальными морфологическими показателями, вообще отсутствует. Некоторое соответствие можно обнаружить лишь на семантическом признаке выделение рода-пола для одушевленных существительных.

В таджикском языке существительные, обозначающие живые существа, чисто лексически делятся на имена, обозначающие лиц женского и мужского пола: *мард – мужчина, падар – отец, папа, бародар, ака – брат, ҷавон – юноша, зан – женщина, модар – мать* и др [Мошеев,1991:21].

Существительные, реализующие некоторых животных и птиц, также делятся на женский и мужской род [Мошеев,1991:22]:

мокиён, мурғ – птица

меш (гӯсфанди мода) – овца

хурӯс – петух

гӯсфанд – баран

Таким образом, можно выделить следующие способы обозначения людей и животных по их принадлежности к тому или иному роду (полу):

1. лексический: *надар – модар; мурғ – хурӯс;*
2. синтаксический: через добавление определителей (в данном случае зан - женщина) для обозначения лиц женского пола: *колхозчизан* и др.
3. морфологический: добавление к словам арабского происхождения формантов *-а, -я*: *муаллима (учительница), мураббия (воспитательница)* [Мошеев,1991:23].

Следует отметить, что наибольшие трудности в русской речи таджиков представляет именно грамматической категории рода, так как ранее было подчеркнуто, что данная категория отсутствует в грамматической системе таджикского языка.

Анализ сочетаемости слов в построениях типа прилагательное + существительное в речевых практиках таджикско-русских билингвов дает основания предположить, что встречающиеся нарушения согласования зависимого слова с главным в роде являются результатом **потенциального поля** интерферентного влияния родного (таджикского) языка, при этом модель сочетаемости чаще всего выглядит как:

1. прилагательное мужского рода + существительное женского рода, например, *мақолаи илмӣ – научный* статья (вместо научная), *тамаддуни ҷаҳонӣ – мировой* культура (вместо мировая), *духтари ҷашмикабуд – голубоглазый* девушка (вместо голубоглазая).

2. прилагательное женского рода + существительное мужского рода: *айёми ширин - сладкая* период (вместо сладкий), *шарбати мевагӣ – фруктовая* компот (вместо фруктовый), *рӯзи офтобӣ – солнечная* день (вместо солнечный), *маърӯзаи ҳисоботӣ – отчётная* доклад (вместо отчётный)

3. прилагательное женского рода + существительное среднего рода: *ҳукумати ин кишвар* – правительство *этой* государство (вместо этого).

В Русском учебном корпусе [<http://web-corpora.net/RLC/search>] отмечается, что таджики-билингвы при использовании русского языка в подавляющем большинстве случаев ошибаются при употреблении грамматической категории рода, а именно:

а) ошибки при употреблении женского рода:

– в устном речи (вместо устной речи) должны присутствовать точность, краткость и т.д.

– *план нашего тема* (вместо «нашей темы»);

– *это твой жена* (вместо «твоя жена»);

– *это мой ошибка* (вместо «моя ошибка»);

– *мне нравица этот прафесий* (вместо «эта профессия»);

– *я закончу свой школа* (вместо «свою школу»);

– *я люблю американский зарплата* (вместо «американскую зарплату»);

– *я люблю своем семья* (вместо «свою семью»);

– *в моём семья все талантливи* (вместо «В моей семье все талантливы»);

– *люблю своё родину* (вместо «свою родину»);

– *мой мама врач* (вместо «моя мама»);

– *буду учиться в России. Это мой мечта* (вместо «моя мечта»);

– *Я любил этого профессии с детства* (вместо «эту профессию»).

б) Ошибки при употреблении мужского рода:

– Я буду стана~~ви~~ца врачом (вместо «я стану врачом»).

с) Ошибки при употреблении среднего рода:

– Мой хобби принос нам денги (вместо «**моё хобби**»);

– *Папина слова, повлияла на мой выбор* (вместо «**папино слово повлияло на мой выбор**»);

II. Ошибки, связанные с грамматической категорией числа:

В русском и таджикском языках существует грамматическая категория числа. В обоих языках выделяют единственную и множественную формы числа. Однако способы образования множественного числа в русском и таджикском языках совершенно различны.

Одним из характерных различий в грамматических системах русского и таджикского языков является способ образования формы множественного числа существительных. В таджикском языке множественное число образуется преимущественно посредством агглютинации, то есть присоединения суффикса числа **-ҲО** или **-ОН** (**-ён, -гон, -вон**) к основе существительного, например: *китоб* (книга) – *китобҳо* (книги), *зан* (женщина) – *занон* (женщины) [Грамматика 63-69].

В русском языке при образовании форм множественного числа нужно учесть род существительных, мягкость и твёрдость конечного звука их основы и типа склонения образуются при помощи окончания **-ы, -и, -а, -я, -е**. [Мошеев, 1991:21], например,

1. Если в единственном числе у слова **-Ø** (нулевое окончание) и **-а**, то во множественном числе будет окончание **-ы**: стол-столы, лампа-лампы, буква-буквы;

2. После **к, г, х, ш, ж, щ, ч, й, ь, я** во множественном числе будет **-и**: урок-уроки, подруга-подруга, вдох-вдохи, малыш-малыши, этаж-этажи, вещь-вещи, врач-врачи, музей-музеи, семья-семьи, Таня-Тани;

3. Если в единственном числе у слова окончание **–о**, то во множественном числе будет окончание **–а**: окно- *о́кна*, слово-слова́;

4. Если в единственном числе у слова окончание **–е**, то во множественном числе будет окончание **–я**: море-моря́, поле-поля́.

При образовании форм множественного числа в русском языке должны учесть следующие особенности:

1. перемещение ударения, например, страна́ - стра́ны, рука́ - руки́ и т.п.

2. участие суффиксов в образовании форм числа. Суффиксы играют важную роль в образовании форм множественного числа существительных в русском языке.

Рассмотрим основные суффиксы, участвующие в этом процессе:

а) **суффикс –ев/-ов:** образует множественное число от существительных мужского рода с основой на твердый согласный: сын – сыновья, крестьянин – крестьяне.

б) существительные со сложными суффиксами **-анин (-янин), -чанин** во множественном числе образуют падежные формы без суффикса **-ин**, который обладает значением единичности: мещанин – мещане, гражданин – граждане, крестьянин – крестьяне и т.п.;

в) суффикс **-енок** используется только для образования существительных, обозначающих детенышей животных. Во множественном числе применяются суффиксы **-ят** или **-енк-и**, в зависимости от основы. Суффикс **-ят** более распространен и употребителен, чем суффикс **-енк-и**. Формы на **-ят** воспринимаются как нейтральные, а формы на **-енк-и** - как более экспрессивные, например, *медвежонок – медвежата, слоненок – слонята, львенок – львята, жеребенок – жеребята* и др. [Мошеев,1991:25]

Замена суффикса происходит и в названии некоторых грибов, например, *маслёнок – маслята*;

3. чередование согласных звуков в основе: *ухо – уши, друг – друзья, сук – сучья* и др.;

4. из общего ряда можно выделить супплетивные формы множественного числа. Супплетивность – это образование форм одного и того же слова от разных корней. В русском языке супплетивные формы множественного числа характерны преимущественно для существительных.

Основные примеры супплетивных форм множественного числа в русском языке: *человек – люди, ребёнок – дети* и т.п.

Как видно, супплетивные формы множественного числа в русском языке характерны для наиболее употребительных слов, обозначающих людей, части тела, личные и указательные местоимения.

Такие формы являются исторически сложившимися, они не образуются по регулярным моделям словоизменения и воспринимаются как особые, нетипичные формы.

5. выпадение гласных звуков О, Е в основе: *день – дни, сон – сны* и т.п.;

6. наращение к основе слова: а) существительные на -мя имеют наращение на -ен: *имя – имена, знамя – знамена*; б) существительные мать и дочь имеют наращение на -ер: *мать – матери, дочь – дочери* и др.

Как известно, таджикскому языку не свойственны все эти формы образования множественного числа. Образование форм множественного числа в таджикском языке проходит в рамках строгой унификации форм. Единственным средством для этого служат, как выше было указано, аффиксы -**ХО** и -**ОН**, присоединяющиеся к основам единственного числа, которая при этом никаким изменениям не подвергается.

Положение двух морфем – показателей множественного числа существительных -**ХО** и -**ОН** в грамматической системе современного таджикского языка весьма различно, например, -**ХО** является универсальной морфемой множественного числа, поскольку может присоединяться к именам

с любой семантикой, обозначающим как неодушевлённые предметы, так и одушевлённые: *шаҳр* – *шаҳрҳо*, *асп* – *аспҳо*, *зан* – *занҳо* и др; суффикс –ОН употребляется преимущественно при именах существительных: *одамон*, *занон*, *муаллимон*, *аспон* и др. [Мошеев,1991:31].

Рустамов Ш. в своей работе, посвящённой имени существительному в современном таджикском языке выделяет следующие основные группы существительных, имеющих форму множественного числа с суффиксом -ОН:

1. название парных частей тела: *даст* – *дастон*, *чаим* – *чаимон*, *абру* – *абрувон* и др.;
2. существительные, образованные посредством суффиксов -зор, -сор, -бор: *дарахт* – *дарахтзорон*, *кӯҳсор* – *кӯҳсорон*, *чаима* – *чаимасорон* и др.;
3. названия растений и их частей: *дарахт* – *дарахтон*, *барг* – *баргон*;
4. названия небесных тел: *ситора* – *ситорагон*;
5. названия отрезков времени: *шаб* – *шабон*, *рӯз* – *рӯзон* [Рустамов, 1972:41].

А также формы множественного числа на -ОН сохраняются и от некоторых других различных по семантике существительных: *чарогон*, *битарон*, *даштон*, *рӯзгорон*.

Важно подчеркнуть, что предметность является основным лексико-грамматическим значением имени существительного как части речи как в русском, так и в таджикском языках. В обоих языках существительные обладают общими семантическими и синтаксическими характеристиками: они называют предметы, явления, лица и могут выполнять функцию подлежащего и дополнения в предложении.

Одним из ключевых синтаксических признаков существительного является его способность вступать в сочетаемость с другими частями речи – прилагательными, глаголами, числительными и местоимениями.

Однако, несмотря на эти общие сходства, в грамматических системах двух языков наблюдаются принципиальные различия. В русском языке все

существительные классифицируются по категории грамматического рода. Существуют три рода: мужской, женский и средний. Как постоянная морфологическая категория, грамматический род детерминирует правила согласования существительного с определяющими его компонентами высказывания, а именно с прилагательными, местоимениями, глагольными формами прошедшего времени и числительными. Определение рода существительного в русском языке, как правило, основывается на его флексии (окончании) в именительном падеже единственного числа, а также на семантических признаках и падежам (шестипадежная система), что обеспечивает их синтаксическую связь в предложении в рамках флексивной парадигмы.

В таджикском языке, напротив, грамматические категории рода и падежа отсутствуют. Существительные не изменяются по падежам, а выражение синтаксических отношений осуществляется при помощи предлогов, послелогов, изафетной конструкции (связи через изафетный элемент –и/–и/–и), а также посредством строгого порядка слов. Такая система характерна для аналитических языков с элементами агглютинации и определяет иную модель синтаксической организации высказывания по сравнению с русским языком.

На основе вышеизложенного материала об образовании грамматической категории множественного числа в исследуемых языках можно выделить:

1. Реальное поле интерференции, т.е. фактические ошибки и отклонения, которые систематически встречаются в русской речи носителей таджикского языка, игнорирование выпадения гласных: *день – дня*; игнорирования супплетивной формы: *ребенок – ребёнки, человек – человеки* и т.д.;

2. Потенциальное поле интерференции охватывает зоны риска, где вероятность интерференции высока из-за структурных различий между

языками, даже если ошибки не зафиксированы массово, например, супплетивные формы и чередования в русском языке: *друг – друзья, ухо – уши, мать – матери* – трудны для усвоения русскоговорящим таджикам, так как в таджикском языке отсутствуют параллели; в словах *странá – стрáны, рука́ – ру́ки* – возможно неверное ударение (страны́, руки́), поскольку таджикский язык характеризуется большей стабильностью ударения; в русском языке при образовании формы множественного числа существительных после шипящих (ж, ш, ч, щ) и мягких согласных (й, ч, щ и др.) традиционно употребляется окончание **-и**: *малыш – малыши, врач – врачи, музей – музеи*. Это правило обусловлено фонетическими и грамматическими особенностями русского языка и представляет собой одну из регулярных морфологических моделей. Однако для носителя таджикского языка данное правило может быть неосознанно нарушено, поскольку в таджикском языке аналогичная зависимость формы слова от фонетического контекста отсутствует. В результате возможно появление ошибок, выражающихся в использовании **окончания -ы вместо -и**, например, *врач – врачи, малыш – малышы*, что является следствием интерференции со стороны родного языка и отсутствия в нём аналогичной морфологической дифференциации.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемое правило образования множественного числа входит в потенциальное поле грамматической интерференции и требует особого внимания при преподавании русского языка как неродного в таджикоязычной аудитории.

Как известно, в русском языке по отношению к категории числа можно выделить три группы существительных:

а. существительные, имеющие формы и единственного, и множественного числа. К ним относятся существительные с конкретно-предметным значением: стол – столы, ручка – ручки, лампа – лампы и т.д.; 2.

б. существительные, не образующие формы множественного числа. В эту группу входят *отвлечённые имена существительные*: чистота, смелость, пение и др., некоторые *вещественные существительные*: молоко, сахар, мука; *собирательные* – молодёжь, поголовье и т.п.;

с. имена существительные не имеющие формы единственного числа. К ним относятся *названия составных и парных предметов*: брюки, весы, ворота; *названия материалов их отходов, остатков*: белила, дрожжи, духи и др., *названия промежутков времени, игр*: каникулы, сутки, будни, шахматы и т.д., *названия действия и состояния природы*: хлопоты, выборы, побои, *некоторые географические названия*: Карпаты, Сокольники и т.п. [Мошеев, 1991:24-30].

В таджикском языке категория числа выглядит иным образом. Формально от любого слова в таджикском языке можно образовать форму множественного числа. Однако есть сходство с русским языком, например, есть группа существительных, которые употребляются в единственном числе

1. *вещественные существительные*: тилло, гӯшт, шир;
2. *существительные отвлечённые*, обозначающие качества, действия, состояния: хурсандӣ, чавонӣ, зебой, рафтор;
3. *существительные, обозначающие природные явления*: борон, барф, ҳаво, гармӣ [Мошеев, 1991:24-30].

В целях выявления грамматических ошибок в письменной речи русскоговорящих носителей таджикского языка нами был проведён эксперимент, направленный на анализ влияния родного языка на овладение русской грамматикой. Эксперимент позволил выделить как реальное поле грамматической интерференции, так и потенциальное поле интерференции, зоны возможных затруднений, обусловленных системными различиями между русским и таджикским языками.

Данное исследование направлено на выявление закономерностей интерференционных явлений в употреблении грамматических форм множественного числа.

По результатам эксперимента мы выявили реальное поле интерференции. *Потенциальное поле интерференции* – это область возможного влияния (интерференции) одного языка на другой язык в условиях двуязычия или многоязычия, например, при переводе таджикского слова «**чавонон**» анкетирруемыми были допущены ошибки, связанные с неправильным использованием грамматических форм единственного и множественного чисел русского языка, т.е. русскоговорящие таджики соотнесли это слово с двумя русскими лексемами: *молодёжи и молодые*. Хотя данное слово в русском языке имеет только форму единственного числа «**молодёжь**».

Словосочетания с данным словом были переведены следующим образом:

а. словосочетание «**чавонони коргар**» имеет следующие переводы:

- юные работники
 - работающие студенты
 - молодые рабочие
- вместо «*рабочая молодёжь*»

Как известно, для таджикского языка больше, чем для русского, характерно употребление единственного числа существительных в значении родового и видового понятия. Такое значение часто передаётся в русском языке формой множественного числа, например:

Пример 2. В предложении *Шаҳр дар пеши чаши ман сабзида обод шуд* анкетирруемые совершили ошибку в переводе слова “*чаши*”: Город процветал перед *моим глазом* (вместо **моими глазами**).

Пример 3. *Шумо кори худатонро* кардан гиред – Вы делайте *свои работы* (вместо *свою работу*).

Пример 4. *Бо дасти худ сохтан – строить своей рукой (вместо своими руками).*

Пример 5. *Духтарон тозон ба синф даромаданд – Девочка быстро зашла в класс (вместо девочки).*

Пример 6. *Дару девори ин бино он қадар баланд набошад! – Дверь и стена (вместо двери и стены) этого здания не так высоки!*

Пример 7. *Хоҳарам панҷ сола аст – Моей сестренке 5 год (вместо лет).*

Пример 8. Я люблю *американские зарплата* (вместо зарплаты), *турецкие жизнь* (вместо турецкую), *франсузские любовь* (вместо французскую) и *германские машино* (вместо машины).

При переводе данных предложений таджик-билингв основывается на грамматическую категорию числа своего родного языка, что приводит к образованию потенциального поля интерференции.

III. Ошибки, связанные с грамматической категории падежа русского языка:

Как известно, грамматическая категория падежа в русском языке представляет собой одну из ключевых категорий именных частей речи (существительных, прилагательных, числительных и местоимений), выражающую отношения имени к другим словам в словосочетании или предложении. Падеж указывает на синтаксическую функцию слова и регулирует его сочетаемость с глаголами, предлогами, другими именами.

В русской грамматической системе выделяют шесть падежей, каждый из которых имеет свое значение и выполняет определенную функцию, например, именительный (кто? что?) – выполняет функцию подлежащего, родительный (кого? чего?) – выражает принадлежность, отсутствие, часть от целого, дательный (кому? чему?) – указывает на адресата действия, винительный (кого? что?) – обозначает прямой объект действия, творительный

(кем? чем?) – выражает орудие действия или соучастие, а предложный (о ком? о чём?) – употребляется только с предлогами, обозначает тему речи или место.

Следует подчеркнуть, что падеж реализуется в русском языке с помощью словоизменительных аффиксов (окончаний) и является флексийной морфологической категорией. Он играет важную роль в согласовании и управлении, а также способствует выражению синтаксических и семантических связей между элементами высказывания.

Таким образом, категория падежа является ключевой для русского языка, она определяет грамматические связи между словами в предложении и их смысловые роли.

В отличие от русского, таджикский язык является беспадёжным. Это означает, что в нём отсутствуют специальные падежные формы имён для выражения синтаксических связей. Вместо падежей, отношения между словами в предложении выражаются с помощью синтаксических средств, таких как: употребление основной формы: *Олимон* бисёранд, *оқилон* кам и др.

Таким образом, одним из фундаментальных различий в грамматике русского и таджикского языков является наличие системы падежного склонения в русском и её отсутствие в таджикском. Для передачи значений, выражаемых в русском языке падежами, таджикский язык использует разнообразные средства, соответствующие широте этих значений. При этом ни одно из русских падежных значений не передаётся в таджикском языке с абсолютной точностью и полнотой.

Современный таджикский язык – это в основном язык аналитического строя. Все именные части речи в нём лишены флексий, не склоняются. Именно это положение приводит к грамматической интерференции в русской речи таджика-билингва.

Далее рассмотрим примеры **реального поля интерференции**:

1. Ошибки при определении родительного падежа:

– *Модарам дар хона нест* – в данном предложении анкетированный допускает ошибки при использовании формы слова *мама нест дом* вместо «*Мамы нест дома*», поскольку, когда идёт отрицание, слово должно применять форму родительного падежа.

– *У нас в Душанбе нест университет* (вместо *нест университета*, поскольку идёт отрицание);

– *После школа* (вместо «после школы»). Предлог «после» употребляется в родительном падеже, поскольку указывает на последовательность событий или временное отношение между ними.

– *Многа книга читаю* (вместо читаю много книг).

2. Ошибки, связанные с употреблением дательного падежа:

– *мактуб ба волидайнам – письмо родителем* (вместо родителям)

– *Ба модарам занг мезанам – звоню мама*. Глагол звонить в данном предложении требует форму дательного падежа, поскольку указывает на получателя звонка, поэтому правильно будет «*звоню маме*».

– Вместо «*Мне семнадцать лет*», опрошенный пишет «*Я семнадцать лет*» основываясь на особенности своего родного языка, типа «Ман ҳабдаҳсола ҳастам».

– В русском языке глагол «*готовиться*» требует дательного падежа, когда речь идёт о подготовке к чему-либо или кому-либо, например, вместо *готовлюсь к выступлению* анкетированный допускает ошибку при определении грамматической формы слова «*к выступлению*». *Ба зимистон тайёри дидан* – нужно готовиться *к зима* (вместо к зиме).

– *Они помогают люди* (вместо помогают людям).

3. Ошибки при употреблении винительного падежа:

– *Ба берун баромадам – вышел на улица* (вместо улицу);

– *Модар бачаашро хобонд* – мама укладывала сын спать (вместо сына);

– Карим *ба китобхона* рафт – Карим пошёл *в библиотека* (вместо библиотеку);

– Бача *ба падараш* монанд – Мальчик похож *на отец* (вместо на отца);

– *Ба хона* даромадам – зашёл *в дома* (вместо домой)

– Ман *ба магоза* меравам – я иду *в магазине* (вместо магазин)

– *заканчиваю/закончил школа* (вместо школу)

– *я учусь на дипломат* (вместо дипломата)

– *я харишо знаю биология и химия* – (вместо биологию и химию)

4. Ошибки при использовании творительного падежа:

– *Бо роҳи сулҳу ошӣ* – вместе *с миром* (вместо мирным путём)

– *Я хочу быть геолог* – вместо быть геологом.

5. Ошибки при употреблении предложного падежа:

– *В моя семья* – вместо «*В моей семье*», поскольку предлог «в» в данном предложении указывает на нахождение внутри чего-либо.

– *Мама танцует на группа*. Из данного предложения можно сделать вывод о том, что анкетированный основываясь на грамматический закон своего родного языка ошибочно вместо предлога «в» использует «на», так как оба предлога соответствуют одному таджикскому предлогу «дар». Поэтому вместо «*в группе*», таджик-билингв использует «на группа».

IV. Синтаксическая интерференция

В рамках проведённого исследования особое внимание также было уделено явлению синтаксической интерференции, проявляющейся в письменной речи таджика-билингва. Синтаксическую интерференцию можно определить, как «тип языковой интерференции, проявляющийся в переносе синтаксических структур, правил построения предложений и способов связи слов из одного языка в другой при двуязычном владении» [Мурдускина, 2015:77].

В контексте овладения русским языком таджикоязычными билингвами синтаксическая интерференция может выражаться в неправильном порядке слов, некорректном использовании союзов, предлогов и других синтаксических средств, что обусловлено различиями между синтаксическими системами родного таджикского и русского языков.

Эффективное использование второго языка (в данном случае русского языка) таджиком-билингвом состоит в создании речевого произведения, которое может адекватно передать его мысль. Под речевым произведением подразумевается высказывание, которое является организованной единицей речи, способной выражать мысль человека. Как известно, в языковой системе минимальной единицей речи, передающей мысль, является высказывание, которое соответствует простому предложению.

Как в русском, так и в таджикском языках предложения бывают следующих типов:

1. *повествовательные* – *ҳикоявӣ*, например, *Мо китобҳои нав харидем* (мы купили новые книги);

2. *вопросительные* – *саволӣ*. В таджикском языке вопросительное предложение может быть выражено следующим образом:

а) при помощи интонации, т.е. логического ударения, при котором та часть предложения, ответа на которую ждёт спрашивающий, произносится с большей силой, например, *ин китобҳои Шариф овард?* (Эти книги принёс Шариф?)

б) при помощи частицы *оё*, соответствующий русским *разве, ли*: *Оё шумо Шарифро дидед?* (Видели ли вы Шарифа?);

с) при помощи сочетания слов *ё не – или нет*, например, *Шумо Шарифро дидед, ё не?* (Вы видели Шарифа или нет?)

3. *восклицательные* – *хитобӣ*: *Оҳ, чӣ хуш аст баҳори кӯҳистон!* (О, как хороша весна в горах).

4. *повелительное – амрӣ: Марҳамат, ба хонаи мо биёед* (Пожалуйста, приходите к нам домой).

Таджикские предложения бывают простые (чумлаи содда) и сложное (чумлаи мураккаб).

По наличию второстепенных членов предложения простое предложение делится на распространённое (тафсилӣ) и нераспространённое (хуллас), например, нераспространённое: *Муаллим омад* (учитель пришёл); распространённое: *Муаллим ҳозир ба дарс омад* (Учитель сейчас пришёл на урок).

Сложное предложение (чумлаи мураккаб) в свою очередь делится на сложносочинённые (чумлаи мураккаби пайваст) и сложноподчинённые предложения (чумлаи мураккаби тобеъ), а также выделяют бессоюзное предложение (чумлаи бепайвандак).

Сложносочинённое предложение – это предложение, которое состоит из двух или более простых предложений, соединенных сочинительными союзами: *ва* (и), *аммо*, *лекин*, *вале*, *балки* (а, но, однако), например, *Дар соати соати нӯҳ маҷлис тамом шуд ва ҳама аз кор баромаданд* (в девять часов собрание закончилось, и все вышли с работы); *Ман ба хона баргаштам, аммо дӯстам дар донишгоҳ монд* (я вернулся домой, но мой друг остался в университете).

Сложноподчинённое предложение – это предложение, которое состоит из главного предложения и одного или более придаточных предложений.

Придаточное предложение (чумлаи пайрав) зависит от главного предложения и не могут быть самостоятельным, поскольку поясняет главное предложение (сарчумла), ***Я пошёл в магазин, потому что мне нужно было купить молоко – главное предложение «Я пошёл в магазин»*** и придаточное предложение *«потому что мне нужно было купить молоко»*; *Она пошла на работу, когда он ушёл из дома* – главное предложение *«Она пошла на работу»* и придаточное предложение *«когда он ушёл из дома»*.

Материалом исследования послужили предложения, переведённые таджиками-билингвами на русский язык и примеры, взятые с Учебного корпуса русского языка, с целью выявления потенциального и реального полей интерференционного явления в русской речи таджиков.

В ходе анализа примеров, можно выделить такие синтаксические ошибки:

1. Замена одного союза другим;
2. Употребление одной формы глагола вместо другой;
3. Нарушение порядка слов.

Ошибки в СПП с придаточным причины:

СПП с придаточным причины выражает значение причины, основания, мотива действия, а главное предложение – значение следствия. С главной частью сложноподчинённое предложение (далее СПП) придаточное причины соединяется посредством союзов *ки, чун, чунки, зеро, зеро ки, азбаски, барои ин ки, ба сабаби он ки (потому (оттого) что, так как)*.

1. Участники анкетирования в подавляющем большинстве случаев используют *поскольку*:

Азбаски вай касал буд, ба дарс наомад. При переводе анкетированный допустил ошибку в определении главного предложения, вместо «**Так как** она была больна, она не пришла на урок», он перевел сложное предложение таким образом: *Она не пришла на урок, **поскольку** болела*. При переводе билингв заменяет союз «так как» на «поскольку»;

Азбаски дар ширкате кор мекард, **ки** илочи рӯзона таҳсил кардан надошт – **Поскольку** (вместо «Так как») он днём работал в какой-то компании, **поэтому** (вместо «то») в университете обучался заочно.

*В моём случае, основную роль сыграла моя мама, **поскольку** именно она выбрала университет, в которой я должна была поступить;*

*Каждый лета мы обычно были у бабушки и дедушки, но эта лета не поехали, **поскольку** мама сказала, что бабушка и дедушка уехали в кишлак другой;*

*В конце хотелось бы сказать, что выбранная мною профессия весьма сложна, **поскольку** имеет положительные и отрицательные стороны;*

*Ин донишҷӯ дар хобгоҳ истиқомат мекунад, **чунки** аз ноҳияи дурдаст омада буд – Этот студент проживает в общежитии, **поскольку** (вместо “так как”) приехал из дальнего района.*

Ошибки в СПП с придаточным цели (чумлаи пайравии мақсад).

Придаточное цели выражает цель, мотив, объясняющий содержание главной части СПП. Оно присоединяется к главному посредством союзов *ки, то, то ки, то ин ки, барои он (ин) ки, барои ҳамин (ҳамон) ки, аз барои он (ин) ки, бо мақсади ин (он) ки (чтобы, с тем чтобы, для того чтобы, с той целью чтобы)*, например, *Ӯ, бо мақсади он ки дӯстони деринаашро бинад, ҳамаро ба тӯйи писараи даъват кард – Он всех пригласил на свадьбу сына, потому что хотел увидеться (вместо «чтобы увидеться») со старыми друзьями;*

После того, когда я поступил в Таджикскому Медицинскому Университетом на имени Абуали Ибни Сина родители согласили мне чтобы учиться. В данном предложении таджик-билингв нарушил сочетаемость союзов – вместо «после того как» он использует союзное слово «когда». А также неправильно определен падеж «в Таджикскому Медицинскому Университетом» вместо «в Таджикский Медицинский университет». Кроме того, неправильно выбрана глагольная лексема: согласили вместо «разрешили».

У нас в Душанбе нет университет для повора и поэтому я хочу поехать в Москва. В данном предложении неправильно определена грамматическая форма слов: «нет университета для повара, поехать в Москву».

В ряде случаев придаточное выделяется участниками в самостоятельное предложение, используется приём парцелляции, например, *Мо дар назди донишкада чамъ шуда истодем, ки автобус биёяд – Мы собрались у университета (вместо “институт”). Чтобы автобус пришёл (вместо “приехал”).*

Таджикское предложение	Интерферированный перевод	Нормативный перевод
Карим ба китобхона рафт.	Карим пошёл в библиотеку	Карим ушёл в библиотеку.
Зимистони дароз аёсҳои сахт шуда гузашт.	1. Долгая зима стала суровой. 2. Продолжительная зима и морозы прошли. 3. Круглая зима прошла морозами. 4. Этот зима тяжело прошло.	Всю зиму стояли сильные морозы
Дар бозгашт ба китобхона даромадам.	Во время прогулки зашёл в библиотеку.	Когда возвращался, я зашёл в библиотеку.
Мо пас аз суҳбат пароканда шудем.	После разговора, мы разбежались по домам.	После беседы мы разошлись.
Ман баъди кор ба назди шумо меравам.	После работы поеду к вам.	После работы я приду к вам.

Рассмотрим перевод таджикских простых предложений на русский язык:

2. Ошибки, связанные с неверным употреблением видо-временных форм глагола:

*Карим ба китобхона **рафт** – Карим **шёл** в библиотеку; Карим **ушёл** в библиотеку (вместо пошёл).*

*Зулайхо бо чашмони сиёҳи ҷозибадор ба ман андак **нигоҳ карда истод** – Зулайхо некоторое время **посмотрела** на меня (вместо смотрела)*

*Бачагон ба мактаб **рафта истодаанд** – Дети **пошли** в школу (вместо идут)*

*Хоҳарам кӯртаашро ба дугонааш **нишон дод** – Сестра **показывала** свое платье подруге (вместо показала)*

Причиной нарушения употреблений видов глагола таджиками-билингвами является отсутствие данной грамматической категории в их родном языке.

Как известно, категория вида составляет яркую характерную черту русского глагола, в отличие от таджикского. Она в русском языке определяет состав грамматических форм глагольного слова. Глаголы в русском языке имеют два вида – совершенный и несовершенный. Совершенный вид – это достижение внутреннего предела действия, как его естественный исход или результат. Несовершенный вид не обозначает предела, а выражает действие в его течении, длительности. «В таджикском языке глагол не имеет цельной грамматической категории вида. В отличие от видов, глаголы, указывающие на способ протекания действия, как известно, не образуют парадигматических противопоставлений, а представляют собой группировки глаголов, объединённых общими лексико-грамматическими признаками» [Мошеев, 1991:76-95].

Функция вспомогательных глаголов в таджикском языке выходит за рамки чисто видового оформления. Их взаимодействие с основным глаголом приводит к значительным семантическим сдвигам, в результате которых часто возникает новая лексема. Таким образом, их основная роль заключается в выражении не вида, а способов действия (акциональности), например:

«*навиштан*» соответствует двум русским глаголам «*писать*» и «*написать*», «*навишта гирифтан*» - «*записать*», «*списать*».

Префикс МЕ- в таджикском языке придаёт глаголу значение длительности – процессуальности развёртывания действия:

Дар фазои бепоёни осмон ситораҳои бешумор медурахшиданд.

В бескрайних просторах неба сияли бесчисленные звёзды.

К вспомогательным, выражающим значение длительности, продолжительности, многократности действия относятся глаголы *истодан* (стоять, пребывать), *нишастан* (сидеть), *гаштан* (ходить, вращаться), *омадан* (приходить).

Для выражения значения результативности действия и различных его оттенков (мгновенности, однократности) служат глаголы *мондан* (класть, ставить), *рафтан* (идти, уходить), *омадан* (приходить) (с глаголами движения), *гузаштан* (переходить), *баромадан* (выходить) и др.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что:

1. Категория вида в русском языке относится к грамматическим и имеет синтетический характер выражения. Это означает, что видовые противопоставления реализуются внутри словоформы с помощью морфологических средств, таких как аффиксация (префиксация и суффиксация) и чередования на морфофонологическом уровне.

2. В отличие от русского языка, таджикский не обладает грамматической категорией вида, поскольку в его морфологии отсутствуют специализированные средства её выражения.

3. Характер протекания действия в таджикском языке передаётся аналитическими конструкциями, такими как сочетание деепричастия прошедшего времени со вспомогательными глаголами, а также с помощью глагольного префикса ме-.

4. Различия в системе временных форм глаголов русского и таджикского языков могут привести к интерференции. Однако, если

рассматривать типичные ошибки в использовании глаголов в русском языке таджиков только с точки зрения вида или времени, то это может быть только условным, поскольку в одной и той же интерфереме в русской речи таджиков обычно присутствует отклонение как от видовой, так и временной формы русского глагола. Это означает, что интерферема имеет синкретический характер. Только при рассмотрении типологических сходств и расхождений в глагольной системе русского и таджикского языков можно выявить потенциальное поле интерференции.

3. Ошибки, связанные с нарушением порядка слов в предложении

В отличие от свободного порядка слов в русском языке, в таджикском языке постоянным является только место сказуемого и определения. Сказуемое в таджикском предложении обычно ставится в конце простых предложений, например, *Шахр дар пеши чаими ман сабзида обод шуд*

шахр – выступает в роли подлежащего

чаими ман – дополнение

обод шуд – сказуемое

Перестановка сказуемого, помещение его не в самом конце, наблюдается в поэзии:

Рафт бахору **омада** фазли хазону хори ман,

Лек **наканд** аз раҳат дидаи интизори ман.

(Лоик Шералӣ)

В разговорной речи этим способом пользуются для логического выделения: **Хондам** мактуби туро (Я прочитал твоё письмо).

В изофетной конструкции определение стоит после определяемого слова, например, *Донишҷӯён соҳиби бинои нав гардиданд* (Студенты получили новое здание).

Изофетные конструкции с определением в предложении могут быть в составе членов предложения:

1. В составе подлежащего:	<i>Меваҳои тирамоҳӣ пухтанд.</i>	Созрели осенние фрукты.
2. В составе сказуемого:	<i>Маҳмуд донишҷӯӣ фаъол.</i>	Махмуд – активный студент.
3. В составе дополнения:	<i>Донишҷӯён китобҳои нав гирифтанд.</i>	Студенты получили новые книги.
4. В составе обстоятельства:	<i>Бобоям дар рӯзҳои таътил меоянд.</i>	Дедушка приезжает в дни каникул.

Слова и сочетания, указывающие на количество или меру, всегда стоят перед определяемым словом. Связь между ними осуществляется по способу примыкания. К таким конструкциям относятся, например, числительное с нумеративом или числительное со словом, обозначающим меру веса или длины, например, *Мо панҷ километр роҳро* тай кардем (Мы прошли пять километров пути); *Ў ду дона харбуза* харид (Он купил две дыни).

Определительные, указательные и некоторые вопросительные местоимения (*кадом? (какой), чанд? (сколько?), чӣ? (что за?) чӣ хел? Чӣ гуна? (какой?)*) также выступают перед определяемым словом, например, *Ҳар кор вақту соат дорад* (Каждому делу своё время). *Шумо чанд кило ангур мехаред?* (Сколько килограммов винограда Вы купите?) и др.

Могут ставиться впереди определяемого слова и прилагательные в превосходной степени: *Калонтарин шаҳри Тоҷикистон Душанбе мебошад* (Самый большой город Таджикистана – Душанбе) и т.п.

Также перед определяемым словом выступают некоторые прилагательные, образованные суффиксом – *ин*, например, *Охири* намоиш китоб се сол пеш баргузор гардида буд (Последняя выставка книг состоялась три года назад).

Подлежащее обычно стоит либо в начале предложения, либо после обстоятельства места или времени:

Баҳор фасли зеботарини сол аст (Весна – самое красивое время года).

Ҳаво имрӯз гарм аст (Погода сегодня жаркая).

*Пагоҳ **надарам** аз сафари хизматӣ меоянд* (Завтра отец придет из командировки).

*Дар Маскав **ман** бародари ӯро дидам* (В Москве я увидел его брата).

Прямое дополнение стоит обычно непосредственно перед глаголом, если оно выражено без участия послелoga **–ро**: *Ман аз мағоза **китоб** харидам* (В магазине я купил книгу).

Если же прямое дополнение имеет послелог **–ро**, его положение в предложении более свободно, например, *Ин **китобро** дӯстам барои ман овард* (Эту книгу друг привёз мне).

Косвенное дополнение, отвечающее на вопрос ба кӣ? (кому? д.п.), и обстоятельство места, отвечающее на вопросы ба кучо? (куда? в.п.) или аз кучо? (откуда? р.п.), чаще ставятся перед глаголом, например, *Ин расмро ба ту медиҳам* (Эту картину я отдам тебе). *Онҳо аз бозор омаданд* (Они пришли с рынка).

Обстоятельство времени обычно ставится либо в самом начале предложения: *Дирӯз муаллимро дар донишгоҳ дида будам* (Преподавателя я видел вчера в университете), либо после подлежащего: *Ман он рӯз аз донишгоҳ бармегаштам* (В тот день я возвращался из университета).

Обстоятельство образа действия обычно тесно примыкает к глаголу:

*Ӯ шеърро **ифоданок** хонд* (Она выразительно прочитала стихотворение).

В поэзии, а также в разговорной речи порядок слов более свободный, например,

Тоза созад гулбуни уммедро пайғоми дӯст,

Бишкуфонад ғунчаи дилро насими номи дӯст.

Зебуниссо

В таджикском языке существительные не имеют падежей, в отличие от русского. По этой причине при влиянии таджикского на русский язык в

русской речи таджика нарушается синтаксическая структура предложения и данное предложение он переводит как *Город перед моими глазами расцвел*.

Я многа книга читаю – В данном предложении анкетированный строит данное предложение по аналогии своего родного языка («Ман бисёр китоб мехонам»). В связи с этим опрошенный допускает ошибку при порядке слов в предложении.

Мо дар назди донишгада чамъ шуда истода будем, ки автобус омада монд – Мы собрались у университета, когда автобус пришел.

В заключении отметим, что грамматическая интерференция является одним из наиболее ярких и распространенных явлений в русской речи таджиков. Она охватывает различные уровни грамматической системы: морфологию, синтаксис, категории рода, числа, падежа и др.

Основными причинами грамматической интерференции выступают:

- различия в грамматических категориях и их реализации между русским и таджикским языками;
- отсутствие аналогичных грамматических явлений в родном языке таджиков;
- влияние аналитического строя таджикского языка на синтаксическую структуру русской речи.

Наиболее типичными проявлениями грамматической интерференции в русской речи таджика-билингва являются:

- *ошибки в согласовании и управлении;*
- *нарушения в использовании падежных форм;*
- *неверное употребление видо-временных форм глагола;*
- *нарушения порядка слов в предложении.*

Таким образом, основными типичными ошибками и причинами грамматической интерференции в русской речи (как письменной, так и

устной) таджиков являются трудности в сочетании слов, связанные, прежде всего, с отсутствием категории рода в таджикском языке, отсутствием категории падежа, а, следовательно, неуместное употребление предлога, отсутствие согласования. Отсутствующие грамматические явления в родном языке и вызывают самые большие трудности при выполнениях представленных заданий на русском языке. Следует отметить, что в письменной речи меньше интерферентных явлений, чем в устной, так как при выполнении письменных заданий есть возможность вспомнить правила употребления грамматических форм. Все эти различия приводят к образованию потенциального и реального полей интерферентного влияния таджикского языка в русской речи таджика-билингва.

3.1.3 Лексическая интерференция в русской речи таджиков (на материале письменных работ студентов)

Интерференционное воздействие родного языка (в данном случае таджикского языка) на усвоение иностранного (русского) обусловлено, в первую очередь, принципиальными различиями между процессами овладения родным и неродным языками. Следовательно, ошибки, возникающие в процессе изучения иностранного языка, преимущественно представляют собой проявления влияния структур и особенностей родного языка.

В данном параграфе нашего исследования будет проанализировано явление лексической интерференции в русской речи носителей таджикского языка.

Согласно определению, А. Ю. Жлуктенко, лексическая интерференция представляет собой «совокупность межъязыковых изменений, воздействующих на лексический состав, а также на функции, употребление и семантическую структуру лексико-семантических единиц» [Жлуктенко, 1974:129]. Исследователь выделяет три основные формы лексической

интерференции: заимствование, калькирование и семантическую интерференцию [Жлуктенко, 1974:158].

Опираясь на классификацию А.Ю. Жлуктенко, С. В. Семчинский выделяет три ключевых направления лексической интерференции:

- 1) непосредственное заимствование лексических единиц;
- 2) модификация структуры иноязычных лексических единиц;
- 3) заимствование значений и их семантических связей с элементами плана выражения [Семчинский, 1973:34].

В своём фундаментальном исследовании, посвящённом языковым контактам, У. Вайнрайх определяет лексическую интерференцию как «многообразие способов, посредством которых лексические единицы одного языка могут оказывать влияние на лексику другого языка» [Вайнрайх, 2000: 211].

Известно, что каждый язык обладает собственной лексической системой, характеризующейся специфическим способом смыслового членения мира, что обусловлено особенностями его структуры. В связи с этим случаи полного совпадения значений слов в двух языках встречаются крайне редко. Как отмечает И.П. Слесарева, «многогранность лексической интерференции частично обусловлена её корнями в неформализованной логико-семантической сфере» [Слесарева, 1980:144].

Проанализировав интерференцию в русской и чешской языковых лексических системах, М. Затовканюк вводит такие понятия, как «межъязыковая омонимия», «межъязыковая паронимия» и «межъязыковая полисемия», которые, однако, остаются предметом дискуссий [Затовканюк, 1973:74–77].

Далее проведём подробный анализ данных понятий. Следует отметить, что одним из первых исследователей, обративших внимание на проблему межъязыковой омонимии, был украинский писатель и переводчик М. Ф. Рыльский. Согласно его определению, межъязыковая омонимия «представляет

собой явление, при котором слова, совпадающие или схожие по звучанию в двух или нескольких языках, имеют различные, а порой и противоположные значения» [Рыльский, 1959: 163-164]. Это явление подчеркивает сложности в межкультурной коммуникации, связанные с ложными когнатами (одноязычные слова) и потенциальными семантическими недоразумениями.

В научной литературе также употребляется термин «межкультурная (или двуязычная) полисемия» [Финкель, 1962:19; Гольцекер, 1971:129–136; Затовканюк, 1979:76; Борисенко, 1990:5]. Однако многие считают данный термин спорным. К. Ч. Кусаль утверждает: «концепция межкультурного полисема является проблематичной, поскольку она предполагает, что значение одного и того же слова реализуется идентично в разных языках, что противоречит основным принципам семантической вариативности и культурно-языкового своеобразия» [Кусаль, 2005:43].

В более поздних исследованиях А.В. Бабанов вводит термин «трансидиоматизмы», обозначающий «лексические трудности и коммуникативные сбои, возникающие под влиянием одного языка на другой в условиях языкового контакта, данное понятие отражает одновременную принадлежность определённой языковой формы к двум системам, которые сосуществуют в общем ареале функционирования языков или в двуязычном сознании индивида. Одним из характерных свойств трансидиоматизмов является их способность вызывать непроизвольное переключение языкового кода билингвом в процессе общения» [Бабанов, 2013: электронный ресурс].

В целом, концепция трансидиоматизмов расширяет понимание лексической интерференции, учитывая динамику языкового взаимодействия и психолингвистические аспекты билингвизма.

Данное разнообразие терминологических подходов отражает сложность и многогранность изучаемого феномена, а также подчёркивает необходимость комплексного анализа межкультурных лексических явлений с учётом как семантических, так и прагматических факторов.

Анализ теоретических трудов таких исследователей, как У. Вайнрайх, А. В. Бабанов, И. Н. Кузнецова, И. С. Стернин, Р.И. Хашимов и др., позволил выделить ключевые компоненты лексической интерференции. К ним относятся **паронимия**, которая проявляется в ошибочном смешении сходных по форме слов внутри одного языка; **диапаронимия**, характеризующаяся неправильным смешением фонетически или семантически близких слов в условиях языкового контакта и приводящая к появлению так называемых «ложных друзей переводчика»; паронимическая аттракция, выражающаяся в лексическом сближении слов и используемая как стилистический приём; а также **паронимическая неология**, связанная с формированием новых лексических единиц на основе механизмов паронимической аттракции.

Итак, данные компоненты отражают многообразие механизмов лексической интерференции и способствуют более глубокому пониманию её проявлений в процессе взаимодействия языковых систем.

И.Н. Кузнецова в своей монографии, посвящённой теории лексической интерференции считает, что «паронимия позволяет прогнозировать и, тем самым, предотвращать ошибки лексического смешения в конкретном языке; а ошибки, связанные с диапаронимией мотивируют расширению переводческой практики и составлению двуязычных словарей так называемых, «Ложные друзья переводчика»; актуальностью изучения паронимической аттракции как особого стилистического приёма является вновь возникшим интересом в современном языкознании к эмотивной или экспрессивной функции языка и, в частности, к парономастической функции языка, которая проявляется не в поэтическом языке, а в общем механизме языкового функционирования» [Кузнецова, 1998:3-5].

И.А. Стернин, рассматривая линейные и векторные соответствия, а также лакуны при сопоставлении двух языков, выделяет несколько ключевых позиций. «Во-первых, семантика однозначного слова второго языка может быть тождественна семантике одного слова родного языка. Во-вторых,

семантическая структура многозначного слова второго языка совпадает с семантической структурой полисемантического слова родного языка. В-третьих, каждому значению полисемантического слова второго языка соответствует отдельная лексическая единица или словосочетание в родном языке. В-четвёртых, каждому значению полисемантического слова родного языка соответствует отдельная лексическая единица или словосочетание второго языка. И, наконец, часть значений полисемантического слова является тождественной в обоих языках» [Стернин, 2006: 23-24].

Как отмечает в своём исследовании, посвященном интерференции и двуязычию Р.И. Хашимов, «в первых трёх позициях, предложенные И.А. Стерниным, не возникает интерференция на лексическом уровне в речи билингва» [Хашимов, 2018:197].

С целью выявления лексической интерференции и её компонентов нами был проведён социолингвистический эксперимент. В эксперименте приняли участие студенты 2 и 4 курсов, изучающие английский и китайский языки факультета иностранных языков Российско-Таджикского (Славянского) университета. Каждая группа состояла из 13-20 студентов. Всего в эксперименте приняло участие 100 анкетированных, для которых родным языком является таджикский язык.

В рамках проведённого социолингвистического эксперимента студентам был предоставлен перечень таджикских слов и словосочетаний, которые они должны были перевести на русский язык. Лексическая интерференция в нашем исследовании проявляется через искажения в переводе, обусловленные влиянием родного языка. Как показывает эксперимент, носители таджикского языка, владеющие русским в качестве второго языка, зачастую запоминают лишь один эквивалент русского слова на таджикском языке. В то же время, в случаях, когда в родном языке используется одно и то же слово в различных контекстах, соответствующая лексема в русском языке может существенно отличаться, что приводит к

ошибкам перевода и семантическим неточностям, например, слово «*донишчӯ*» анкетированным переводится как «студент» и «студенческий» и «*студенчество*».

Слово *чавонон* анкетированным переводится как *молодёжи и молодые*, а словосочетания с данным словом были переведены следующим образом:

А. словосочетание «*чавонони коргар*» имеет следующие переводы: *рабочая молодёжь, работающая молодёжь, юные работники, молодой работник, трудовая молодёжь, молодёжь, которая работает, работающие студенты, молодые рабочие, юные работники, работающие молодёжь.*

Б. словосочетание «*шаби чавонон*» переведено следующим образом: *ночь молодёжи, ночь молодёжи, молодёжная ночь, молодёжный вечер, ночь молодёжь, ночь молодёжов, вечер молодых, вечер молодёжи, молодёжный ночь, молодёжная ночь, ночь молодых.*

Из анализа ответов можно выделить, что для таджика-билингва таджикское слово «*шаб*» имеет значения «вечер» и «ночь». Однако в русском языке эти слова отличаются друг от друга по семантике.

Лексема «*зарф*» таджиками-билингвами переводится как «посуда», «контейнер» и «кувшин». Но в двуязычном словаре «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» отмечается, что таджикское слово *зарф* употребляется в прямом и переносном значениях, например, прямое значение: сосуд; посуда; ёмкость, например, *зарфҳои сирдор* (эмалированная посуда); *зарфҳои чинӣ* (фарфоровая посуда); переносное значение: 2. терпение, выносливость: *одами зарфаи танг* (нетерпеливый, капризный человек).

Русское слово «кувшин» соответствует таким таджикским лексемам: *кӯза, дӯлча, сабӯ, ибриқ*, а заимствованное слово «контейнер» в Русско-таджикском словаре под редакцией Я. Калонтарова переводится как «*восита ё зарфи махсуси молкашонӣ ба тарзи озод*».

Нами был предложен студентам список таджикских глаголов. Так глаголы таджикского языка «*гирифтан*», «*додан*», «*омадан*» и «*хӯрдан*» свободно сочетаются в прямом и переносном значениях.

Таджикский глагол *гирифтан* по мнению участников соответствует двум русским словам – *брать* и *взять*. Хотя данный таджикский глагол имеет несколько значений: *брать*, *взять*, *получить*, *принять*, *захватить*, *вырастить*. Словосочетания с глаголом *гирифтан* переводятся следующим образом: *қарз гирифтан* – брать в долг, взять в долг, задолжать. Однако согласно словарю «Фарҳангӣ нави тоҷикӣ-русӣ» под редакцией Я. Калонтарова, предложенное словосочетание переводится как «*брать взаймы*» и «*взять в долг*»; *ҳосил гирифтан* переводится как «*сбор урожая*», «*собирать урожай*», «*пожинать плоды*». Все три варианта перевода согласно нормам русского языка являются неправильными, например, словосочетание «*пожинать плоды*» имеет значение получать результаты от своих ранее совершенных действий. В словаре «Фарҳангӣ нави тоҷикӣ-русӣ» под редакцией Я. Калонтарова словосочетание «*ҳосил гирифтан*» переводится как «*получить урожай*»; словосочетание «*ҷарима гирифтан*» по результатам анализа имеет такие варианты перевода, как «*получить штраф*», «*взять штраф*», «*брать штраф*», «*быть оштрафованным*» и «*оштрафовать*». В словаре Я. Калонтарова данное словосочетание переводится как «*взимать штраф*» [ЛМТР; 1988].

Глагол *омадан* и все предложенные нами словосочетания с данным словом переводятся так: *приходить*, *прийти*: *падар омад* – папа пришёл; *зимистон омад* – зима пришла, *ҷамъ омадан* – собираться, *ба дунё омадан* – рождаться, родиться, *мушкили ба миён омад* – проблема пришла, проблема выявилась, *ба ҳуш омадан* – прийти в себя.

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушаковой у глагола *прийти* есть два допустимых варианта как следствие разного произношения: «*прийти*» и

«притти» («придти»). В настоящее время последний вариант считается устаревшим и непринятым.

Таджикскому глаголу **хӯрдан** соответствуют следующие русские слова согласно словарю Я. Калонтарова – **есть** и **кушать** (прямое значение). В соответствии с нормами современного русского языка употребление глагола **кушать** допустимо только в речи детей и только в настоящем или прошедшем времени (Мама, я кушал/кушаю) или по отношению к детям и только в повелительном наклонении (Кушай, Олечка, кашку!); таджикский глагол **хӯрдан** в переносном значении обозначает **разъедать, точить**. И участниками анкетирования исследуемый глагол переводится как **есть** и **кушать**. Однако участниками переносное значение исследуемого глагола не указано. Словосочетания с данным глаголом **зам хӯрдан** имеет такие варианты перевода – **волноваться, заботиться, печалиться, переживать, грустить**. Глагол **волноваться** на таджикском языке имеет значение *ба ҳаяҷон омадан*; **заботиться** – *ғамхорӣ кардан*, **печалиться** – *ғамгин шудан*, **переживать** – *ҳичрон кашидан*, **грустить** – *махзун, ғамгин будан*. В словаре «Фарҳангӣ нави тоҷикӣ-русӣ» приведённое словосочетание переводится как «**горевать**», «**скорбеть**» и «**тосковать**». Один из участников отметил, что ему непонятно значение данного словосочетания. Словосочетание *дору хӯрдан*, по результатам опроса имеет такие переводы – *принимать таблетку, пить таблетку и выпить лекарства*. В ходе анализа можно выявить следующую лексико-семантическую интерференцию, например, таджикское слово *дору* соответствует двум русским словам «**таблетка**» и «**лекарство**».

В то время как прямые номинативные значения слов «**хӯрдан**», «**омадан**», «**гирифтан**» и их однокоренных производных усваиваются таджиками-билингвами относительно быстро и без значительных затруднений, переносные значения данных лексем вызывают проявления нерегулярной лексической интерференции.

В предложении *Хофиз ашӯларо хондан гирифт* (Певец продолжал петь) встречается следующий вид интерференции, как в неправильном использовании видов глагола:

Певец спел песню (прошедшее время, совершенный вид)

Певец поёт песню (настоящее время, несовершенный вид)

Следует отметить, что, в отличие от таджикского языка, категория вида представляет собой одну из наиболее ярко выраженных и специфичных грамматических характеристик русских глаголов, формируя систему их грамматических форм. Это отличие выступает существенным фактором при выявлении как реального, так и потенциального полей лексической интерференции.

Слово *Хофиз* участниками переводится как певец и имя собственное Хафиз.

Последняя часть предложения является неправильной с точки зрения нормы русского языка, поскольку *хондан гирифт* переводится как *продолжал петь*.

Предложение *Ману шумо аз мавзӯ тамоман дур шудем* переводится следующим образом:

Мы с вами *отстали* от темы.

Мы отошли от темы.

Мы *отвлеклись* от темы.

Мы совсем отошли от темы.

Мы *отошли* далеко от темы.

Мы *ушли* далеко.

Таджикский глагол *дур шудем* имеет варианты *отстали*, *отошли*, *ушли* и *отвлеклись*, а слово *тамоман* – *совсем*.

Носители таджикского языка чаще всего допускают ошибки при употреблении близких по звучанию слов, например, при переводе таджикских

слов и словосочетаний таджики-билингвы допустили ошибки при использовании следующих лексем:

донишҷӯӣ – студенческий, студент,

коргарони ҷавон – рабочая молодёжь; работающая молодежь,

аз мавзӯ дур шудан – отстать от темы, отойти от темы,

шири гов – коровье молоко; говяжье молоко и др.

Смешение паронимических слов является причиной возникновения в речи таджиков явления лексической интерференции, например таджикское предложение *Падарам ба бародарам тӯҳфа харид* переводится участниками эксперимента как *отец купил подарок сыну, и отец подарил подарок сыну*. В данном случае возникает **семантическая паронимия**, так как таджикский глагол *харид* в русском языке соответствует одному слову *купил*. Лексическую паронимию можно обнаружить в следующих переводах:

1. Мо як чо шудем

Мы сошлись;

Мы срослись;

Мы стали едины;

Мы поженились;

Мы воссоединились.

В данном контексте в норме возможен только глагол *объединились*, его замена на *сошлись*, *срослись*, *воссоединились* создаст паронимическую ошибку.

2. Некиҳон шуморо фаромӯш нахоҳам кард

Не забуду ваши *добрые дела* }

Не забуду вашу *милость* }

вместо «доброту»

3. Дар назди донишкада

Рядом с *колледжем* }

Рядом с *университетом* }

вместо «институт»

4. *Олимон* бисёранд, оқилон кам

Много *мыслителей* (вместо учёных), мало умных.

5. Хонаи *болохонадор*

Двухэтажный дом

Дом *с крышей*

Многоэтажка

Дом *с чердаком*

вместо *Дом с мезонином*

Далее таджикский глагол **андохтан** переводится анкетлируемыми как *положить, вкладывать, бросить, бросать, добавлять, ложить, класть*, а словосочетания с данным глаголом переводятся участниками следующим образом:

- **ба чой қанд андохтан** – добавлять в чай сахар (вместо **класть**);
- **ба қаҳва шир андохтан** – добавлять молоко в кофе, смешать молоко в кофе, положить молоко в кофе (вместо **наливать**);
- **назар андохтан** – наблюдать (вместо **смотреть, глядеть, бросать взгляд**);
- **худро аз як сӯ ба дигар сӯ андохтан** – качевать, кидать себя из одной стороны в другую (вместо **метаться из стороны в сторону**);
- **дастархон андохтан** – положить дастархан (вместо **стелить скатерть**);

Однако согласно русско-таджикскому словарю под редакцией Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой и С. Каримова глагол **андохтан** является полисемичной лексемой и переводится на русский язык следующим образом:

«**андохтан** 1. класть, положить: *ба чой қанд андохтан* – класть сахар в чай; 2. бросать, кидать, метать, забрасывать: *худро аз як сӯ ба дигар сӯ андохтан* – метаться из стороны в сторону; 3. насыпать, подсыпать; заряжать: *ба қаҳва шир андохтан* – наливать в кофе молоко; 4. наливать, заправлять; 5. стелить, стлать, расстилать; накрывать; *дастархон андохтан* –стелить скатерть; 6. строить; *хона андохтан* – строить дом» [ТРС; 2000].

Таджикский глагол **андӯхтан** в вышеуказанном словаре переводится на русский язык как «1.накапливать; собирать; овладеть, например, дониш андӯхтан – овладеть знаниями; сарват андӯхтан – накапливать богатство; таҷриба андӯхтан – приобретать опыт» [ТРС; 2000].

По результатам анкетирования таджикскому глаголу **андӯхтан** характерны такие переводы как *обучать, обрести, усваивать*, а словосочетания с данным глаголом переводятся следующим образом:

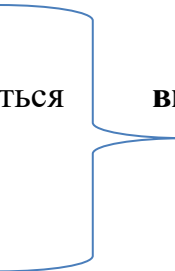
- *дониш андӯхтан* – усваивать знания, обучать, учиться, приобретать знание (вместо **овладеть знаниями**);
- *сарват андӯхтан* – освоить богатством, разбогатеть (вместо **накапливать богатство**);
- *таҷриба андӯхтан* – усваивать практику, накопить опыт (вместо **приобретать опыт**)

Глагол **афзудан** в таджикско-русском словаре соответствует русским глаголам как «1. увеличивать; умножать; прибавлять; 2. увеличиваться, умножаться, прибавляться, возрастать» [ТРС; 2000]. Однако анкетлируемые перевели этот глагол как *расти, растет*. Словосочетания с глаголом «афзудан» переведены следующим образом

1. **Аз ҳад зиёд афзудан**

до фига расти		вместо чересчур увеличиваться, умножаться
чрезмерно расти		
увеличивать очень много		
слишком увеличить		

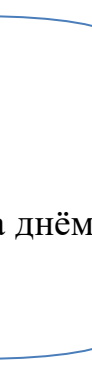
2. **ба ҳусн ҳусн афзудан**

растить лучше		вместо становиться ещё более красивым, прелестным;
своей красотой увеличиваться		
расцветать		
прибавлять красоты		

3. беш аз пеш афзудан

растить больше		вместо увеличиваться (возрастать) больше, чем прежде
преждевременно расти		
день за день расти		
увеличить		
больше чем раньше расти		

4. рӯз аз рӯз афзудан

расти со дня на день		вместо увеличиваться, умножаться изо дня в день
больше чем расти		
день ото дня расти		
становится больше день за днём		
день за днем увеличивать		
растить с каждым днём		

Далее рассмотрим следующий тип лексического интерференционного явления в русской речи студентов РТСУ.

Функциональная паронимия – это ошибочное употребление предлогов, например,

1. Коргарон **ба завод** омада, кор кардан мегиранд

Работники прибыв **в завод** (вместо на завод), начали работать;

2. Мо **дар назди** донишкада чамъ шуда истода будем, ки автобус омад

Мы собрались **у** колледжа, когда приехал автобус;

Мы собрались **возле** университетат когда приехал автобус;

3. Ягон вақт **ба хонаи** мо марҳамат кунед

Заходите, пожалуйста, как-нибудь **в наши дом** (вместо к нам).

4. Дафтари катак

Клетка тетради (вместо тетрадь в клетку);

5. Ман **ба шумо** тасодуфан мактуб менависам

Случайно написал письмо *тебе* (вместо **я к вам пишу случайно**)

6. Саидов *дар факултаи* филологӣ таҳсил менамояд

Саидов учится *в филологическом* факультете (*вместо на филологическом факультете*)

Роль предлогов в языке очень велика, хотя они считаются служебными частями речи. В русском языке предлоги функционируют исключительно в сочетании с формами косвенных падежей имён, уточняя их семантику и выражая различные виды отношений – между предметами (например, тетрадь в клетку), между действием и предметом (например, иду на работу), а также между признаком и предметом (например, бледный от страха). При этом предлоги лишены самостоятельного лексического значения и не выполняют функции членов предложения.

В целом предлоги таджикского языка выполняют аналогичные синтаксические функции, что и предлоги русского языка. Однако принципиальное различие состоит в том, что в русском языке предлоги обязательно сочетаются с формами косвенных падежей имён или местоимений, тогда как в таджикском языке они используются в сочетании с именами в форме основы и с местоимениями. При этом предлоги в таджикском языке являются одним из основных грамматических средств, обеспечивающих синтаксическую связь между словами в предложении. В обоих языках предлоги не обладают самостоятельным лексическим значением и не выступают в роли членов предложения. Каждому русскому предлогу в таджикском языке можно найти соответствие, а некоторые из таджикских предлогов, например, *аз* и *то* по звуковой оболочке и по семантике почти совпадают с русскими предлогами *из* и *до*.

Однако в результате эксперимента мы выявили, что трудным при разграничении предлогов является для таджиков-билингвов понимание и усвоение употребления всех без исключения русских предлогов с теми падежными формами, к которым они примыкают.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексическая интерференция является одним из наиболее распространенных проявлений языкового контакта между русским и таджикским языками в речи таджиков. Она затрагивает различные семантические поля и лексические группы.

2. Основными источниками лексической интерференции являются различия в семантическом объеме и сочетаемости эквивалентных лексических единиц, а также отсутствие прямых лексических соответствий между таджикскими и русскими языками. Это приводит к ошибочному употреблению слов и словосочетаний в русской речи таджиков.

3. Явление интерференции на лексическом уровне оказывают значительное влияние на качество русской речи таджиков, затрудняя их коммуникацию с носителями русского языка. Это указывает на необходимость целенаправленной работы по устранению лексической интерференции в процессе преподавания РКИ носителям таджикского языка;

4. Для эффективной профилактики и коррекции лексической интерференции необходимо более глубокое изучение механизмов ее возникновения, а также разработка методических рекомендаций и упражнений, направленных на предотвращение подобных ошибок.

5. Лексическая интерференция может быть как положительным, так и отрицательным явлением:

- положительная интерференция обогащает язык новыми лексическими единицами;

- отрицательная интерференция может приводить к ошибкам и искажению смысла высказываний.

Для предотвращения негативных последствий лексической интерференции важно:

- осознавать различия в лексических системах языков;

- тщательно изучать значения и употребление слов в каждом языке;
- развивать языковую компетенцию и культуру речи.

Таким образом, проблема лексической интерференции в русской речи таджиков является актуальной и требует дальнейшего комплексного исследования с привлечением специалистов в области психолингвистики, контрастивной лингвистики и методики преподавания РКИ.

Выводы по 3 главе

В контексте таджикско-русского билингвизма особое значение приобретает рассмотрение интерференционных процессов, происходящих под влиянием родного таджикского языка на русскую речь. Снижение уровня владения русским языком в постсоветский период, по сравнению с советским временем, требует переосмысления механизмов языкового обучения, а также учёта социокультурных реалий, в которых развивается билингвальная компетенция.

Важно подчеркнуть, что исследование таджикско-русского билингвизма не только вносит вклад в общую теорию языковых контактов, но и демонстрирует необходимость комплексного и междисциплинарного подхода к изучению многоязычия в современном мире.

Результаты анализа лексикографических данных показывает, что заимствованные из русского языка лексемы в таджикском проходят сложный процесс фонетического, лексического и грамматического освоения. Фонетические изменения включают множество процессов, влияющих на звучание слов. Иногда происходит искажение значений из-за неправильной интерпретации. Заимствования занимают важное место в таджикской лексической системе, обогащая и расширяя его словарный запас, отражая культурное взаимодействие и динамичное развитие языка.

В настоящее время проблема изучения интерференционного влияния является важнейшей задачей лингвистики и лингводидактики, поскольку

понимание характерных явлений интерференции помогает разработать более эффективные методики преподавания и учебные материалы, которые ориентированы на избегание распространённых ошибок.

Изучение интерференционного влияния позволяет не только улучшить методику преподавания и качество обучения, но также углубить понимание языкового процесса в целом. Это является необходимым шагом к созданию эффективной и адаптированной системы обучения.

По результатам проведённого нами социалингвистического анкетирования можно выявить такие особенности в русской речи таджиков на всех уровнях языка:

На фонетическом уровне:

1. При восприятии и воспроизведении русских фонем таджики-билингвы руководствуются фонетической системой своего родного языка, что приводит к интерференции;

2. В русской речи таджиков-билингвов, в частности у студентов, типичной ошибкой является перенос словесного ударения. Чаще всего это проявляется в смещении ударения на последний слог и в использовании для выделения ударного слога таких просодических характеристик родного языка, как высота и сила звука.

На грамматическом уровне:

1. Наиболее распространёнными ошибками в речи таджикских билингвов являются ошибки в выборе рода и падежа для именных частей речи.

2. Замечены трудности в согласовании родов существительных с прилагательными и числительными.

3. Существуют некоторые проблемы, связанные с категорией одушевленности/неодушевленности, что вызывает затруднения при выборе окончаний в винительном падеже множественного числа.

4. Также обнаружены ошибки в определении вида у глаголов.

5. Анализ выявил ряд проблем с выбором и употреблением предлогов.

6. В небольшом числе случаев были замечены ошибки, касающиеся в образовании множественного числа.

На синтаксическом уровне:

В ходе анализа примеров, можно выделить такие синтаксические ошибки, как:

1. Замена одного союза другим;
2. Употребление одной формы глагола вместо другой;
3. Нарушение порядка слов.

Следует отметить, что в письменной речи меньше интерферентных явлений, чем в устной, так как при выполнении письменных заданий есть возможность вспомнить правила употребления грамматических форм. Все эти различия приводят к образованию потенциального и реального полей интерферентного влияния таджикского языка в русской речи таджика-билингва.

На лексическом уровне:

Результаты анализа позволили выделить следующее:

1. Лексическая интерференция проявляется в виде семантических смещений, ошибочного употребления паронимов, калькирования, функциональной и структурной неточности при выборе лексем и предлогов. Основной причиной этих отклонений является различие в способах категоризации и смыслового членения действительности в русском и таджикском языках, а также отсутствие устойчивых эквивалентов для ряда слов и выражений.

2. Интерференционные ошибки носят как регулярный, так и нерегулярный характер, что затрудняет речевую деятельность таджиков-билингвов при использовании русского языка. Существенную роль в этом процессе играют полисемия, межъязыковая омонимия, семантическая паронимия и функциональная неоднозначность предлогов.

3. Лексическая интерференция выступает неотъемлемым элементом межъязыкового взаимодействия в условиях билингвизма и требует пристального внимания, как со стороны лингвистов, так и методистов РКИ.

4. Эффективное преодоление лексических ошибок возможно при целенаправленном обучении, включающем контрастивный анализ лексических единиц, активное использование двуязычных словарей, тренинг в ситуациях реальной коммуникации и развитие языковой интуиции учащихся. Только при таком комплексном подходе возможно снижение негативного влияния родного языка и формирование полноценной лексической компетенции в неродном языке.

Проведённое исследование интерференции в русской речи таджиков является эффективным способом для разработки методом выявления и устранения интерференции в целях совершенствования русской речи носителей таджикского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционирование русского языка в Республике Таджикистан представляет собой сложный процесс, формирующийся под воздействием исторических, этнокультурных и социально-политических факторов. Несмотря на утрату де-юре статуса государственного после распада Советского Союза, русский язык продолжает выполнять ряд значимых коммуникативных и интеграционных функций в таджикском обществе, сохраняя правовой статус языка межнационального общения, что зафиксировано в Конституции Республики Таджикистан.

Анализ языковой ситуации позволяет утверждать, что русский язык сохраняет устойчивые позиции в таких сферах, как образование, делопроизводство, наука, средства массовой информации, а также в повседневной коммуникации, особенно в городских и многонациональных средах.

Особое значение русский язык приобретает в контексте трудовой миграции, а также в образовательной и профессиональной мобильности граждан, ориентированных на взаимодействие с русскоязычной средой. Владение русским языком в современном таджикском обществе, по-прежнему рассматривается как важный ресурс профессионального роста, фактор интеграции и условие доступа к более широким экономическим и культурным возможностям.

Современное языковое пространство Таджикистана характеризуется билингвальной моделью, в рамках которой русский язык сохраняет высокую коммуникативную и прагматическую значимость, несмотря на процессы частичной редукции его функционального объёма. Дальнейшее состояние и развитие русского языка в республике будет зависеть от характера государственной языковой политики, степени институциональной поддержки, уровня мотивации к изучению языка среди молодёжи, а также от общей

направленности культурной и образовательной интеграции в рамках постсоветского пространства.

Настоящее диссертационное исследование направлено на комплексное изучение русско-таджикского билингвизма, процессов заимствования русскоязычной лексики в таджикский язык, а также на выявление интерференционных проявлений в русской речи таджиков-билингвов на всех языковых уровнях с привлечением экспериментального материала. Анализ существующих научных трудов, проведённый в рамках данного исследования, свидетельствует о высокой степени научного интереса к заявленной проблеме. Тем не менее, несмотря на актуальность темы, её разработанность остаётся недостаточной, что обусловлено как методологическими трудностями, так и спецификой социолингвистической ситуацией в республике.

Вопрос функционирования русского языка в Республике Таджикистан находит своё отражение в научных исследованиях ведущих отечественных исследователей. Значительный вклад в изучение социолингвистических аспектов данного вопроса внесли такие учёные, как Р.И. Хашимов, Х.Дж. Шамбезода, И.К. Холова, М.Б. Нагзибекова, Т.В. Гусейнова и многие другие. Их исследования охватывают широкий спектр проблем, связанных с ролью русского языка в общественно-коммуникативной жизни Таджикистана, спецификой билингвизма, языковой интерференцией, а также вопросами языковой политики и образования в русскоязычной среде.

Билингвизм представляет собой одну из ключевых и наиболее активно разрабатываемых проблем современной социолингвистики, привлекающую внимание исследователей благодаря своей сложности, многоаспектности и актуальности в условиях многоязычного социума.

Одним из ключевых проявлений русско-таджикского билингвизма выступает процесс лексического заимствования, который является результатом устойчивых межъязыковых контактов. Заимствование отражает

не только лингвистическое взаимодействие, но и более широкие социокультурные процессы, происходящие в многоязычном обществе.

В таджикском языкознании проблема лексических заимствований, происходящих в результате языковых контактов, на сегодняшний день изучена недостаточно полно. Основное внимание отечественных исследователей сосредоточено на арабских заимствованиях в таджикском языке. В частности, данная тема стала предметом диссертационных исследований Т. Бердиевой, М.И. Газиева, Г.Ф. Каримовой и М.Б. Давлатмировой, в которых анализируются особенности проникновения и функционирования арабизмов в таджикской лексике. Вопросы заимствования русско-интернациональной лексики в современном таджикском языке были предметом исследования Н.А. Шаропова. Следует также отметить вклад таких учёных, как Р.И. Хашимов, Х.Дж. Шамбезода, которые в своих работах затрагивали отдельные аспекты заимствования лексических единиц из русского языка и посредством русского языка из европейских языков в таджикский язык. Однако комплексное изучение русско-таджикских лексических контактов остаётся актуальной задачей современной таджикской социолингвистики.

В рамках данной проблематики были проанализированы лексикографические источники с целью выявления особенностей заимствования как результата языковых контактов между носителями русского и таджикского языков. В ходе анализа установлено, что заимствованные из русского языка лексемы в таджикском языке, как правило, проходят этапы фонетической и семантической адаптации. Однако грамматическая интеграция данных заимствований ограничена. Это обусловлено различиями в типологической принадлежности исследуемых языков: таджикский язык относится к аналитическому типу, тогда как русский – к синтетическому. Соответственно, морфологическая структура русских

слов часто оказывается не совместимой с грамматической системой таджикского языка, что затрудняет их полную грамматическую адаптацию.

На основе анализа данных, полученных в ходе социологического опроса среди населения г. Душанбе и опроса таджикских студентов, можно сделать следующие выводы о месте и роли русского языка в их языковом сознании:

1) русский язык, прежде всего, является главным орудием для образования, профессионального роста и интеллектуального развития;

2) большинство анкетированных (158 человек) используют его по личной инициативе, что говорит о внутренней мотивации к его изучению и использованию;

3) Жители г. Душанбе и таджикские студенты в равной мере используют русский и таджикский языки, 50% – преимущественно таджикский, и ещё 50% – преимущественно русский. Это свидетельствует о тенденции к сбалансированному билингвизму;

4) основной сферой функционирования русского языка является образовательное пространство, в частности университетская среда. В других социальных контекстах – таких как дом, занятия, общение с друзьями или на работе русский язык используется значительно реже. В быту и семейной коммуникации доминирует таджикский язык;

5) русский язык занимает важное, но функционально ограниченное место в языковом сознании таджикских студентов, будучи преимущественно языком образования и профессиональной перспективы.

Социологическое исследование, проведённое среди 310 таджикоязычных жителей Душанбе и студенческой молодёжи, выявило устойчивое присутствие и функциональную активность русского языка в городской среде. Наиболее активно русский язык используется в профессиональной сфере, особенно среди работников образования, медицины,

транспорта и студентов. Большинство респондентов комбинирует использование таджикского и русского языков в зависимости от ситуации.

Русский язык также сохраняет значимость в таких сферах, как чтение художественной и специальной литературы, просмотр телевизионных программ и использование социальных сетей. При этом радио предпочитают слушать преимущественно на таджикском языке.

Сравнение с советским периодом показывает снижение общего уровня владения русским языком, однако наблюдается тенденция к его восстановлению, особенно среди молодёжи. Это указывает на сохраняющуюся и даже растущую потребность в русском языке в условиях таджикско-русского билингвизма, что свидетельствует о его жизнеспособности и потенциале дальнейшего развития.

Следующий этап данного исследования состоял в выявлении интерференционных процессов в русской речи таджика-билингва. В целях реального выявления поля интерференции был проведён социалингвистический эксперимент, включавший ряд письменных заданий. В частности, испытуемым предлагалось прочитать текст с последующей расстановкой ударений, а также выполнить перевод с таджикского языка на русский. Эти задания были направлены на диагностику интерференции на фонетико-орфоэпическом, лексическом и грамматическом уровнях.

В результате анализа данных, полученных по фонетической (звуковой) интерференции были выявлены такие ошибки на сегментном и супraseгментном уровнях. На сегментном уровне доминируют ошибки в произношении безударных гласных [o], [e], [a], нарушения редукции, замены согласных [ц], [ш], твёрдый/мягкий [л], трудности в произнесении стечения согласных, а также подмена отсутствующих в таджикском языке русских фонем аналогами из родной системы.

Супraseгментная интерференция выражается в переносе фиксированного ударения и интонационных моделей таджикского языка, что

приводит к смещению ударения и монотонности русской речи, снижая её выразительность и коммуникативную эффективность.

Результаты, полученные в ходе анализа письменных заданий, направленных на выявление проявлений грамматической интерференции, позволили зафиксировать наличие ошибок на морфологическом и синтаксическом уровнях языковой системы.

На морфологическом уровне были выявлены следующие ошибки:

1. Ошибки, в употреблении грамматической категории рода:

- ошибочному согласованию прилагательных и местоимений с существительными;
- употреблению неверных форм притяжательных местоимений;
- нарушению норм согласования прилагательных с существительными среднего рода.

Например: *научный статья* (вместо «научная» статья), *это мой ошибка* (вместо «моя» ошибка), *люблю своё родину* (вместо «свою» родину) и т.д.

2. Ошибки, связанные с грамматической категории числа.

Ошибки в категории числа обусловлены как структурными различиями в способах образования форм множественного числа, так и отсутствием супплетивных форм и чередований в таджикском языке. Установлены следующие тенденции:

- игнорирование супплетивных форм: *ребёнки вместо дети, человеки вместо люди*;
- ошибки в определении форм единственного и множественного числа: *страны (ед.ч.), руки (ед.ч.)*;
- ошибочное образование множественного числа после шипящих: *врачы вместо врачи, малышы вместо малыши*;

– употребление существительных в единственном числе в контекстах, где в русском языке требуется форма множественного числа: *строить своей рукой вместо своими руками*.

3. Ошибки в определении грамматической категории падежа.

Категория падежа вызывает наибольшее количество ошибок в связи с отсутствием флексий и падежных форм в таджикском языке. Типичны следующие ошибки:

- неправильное употребление формы родительного падежа: *мама нет дома (вместо мамы нет дома)*;
- ошибки в употреблении дательного падежа: *звоню мама (вместо маме), письмо родителем (вместо родителям)*;
- замена падежных форм при числительных: *три девочка (вместо три девочки)*.

На синтаксическом уровне были обнаружены ошибки в неправильном порядке слов, некорректном употреблении предлогов, союзов, глагольных форм и нарушении структуры сложных предложений.

На материале письменных работ и предложений, переведённых таджиками-билингвами, а также примеров из Учебного корпуса русского языка, были выделены следующие типы синтаксических ошибок:

1. Ошибки в сложноподчинённых предложениях (СПП).

С придаточными причины: типична замена союзов «так как», «потому что» на стилистически и структурно неподходящий союз «поскольку», что искажает логику высказывания и нарушает нормативный синтаксис русского языка.

С придаточными цели: наблюдаются ошибки в сочетаемости союзов и структур («чтобы», «для того чтобы», «с тем чтобы»), а также нарушение лексико-грамматических связей между главным и придаточным предложениями.

2. Нарушение порядка слов. Перенос типичного таджикского порядка слов (сказуемое в конце, определение – после определяемого) в русское предложение приводит к интерферентным конструкциям, например, *я многа книга читаю (вместо Я читаю много книг)* – калькирование с таджикского *Ман бисёр китоб мехонам*; Город перед моими глазами расцветал – нарушение нормального порядка членов предложения.

3. Ошибки в употреблении глагольных форм. В таджикском языке отсутствует грамматическая категория вида, что ведёт к частым ошибкам при выборе видо-временных форм в русском языке:

Карим шёл в библиотеку вместо Карим ушёл в библиотеку;

Сестра показывала платье вместо показала;

Дети пошли в школу вместо идут в школу.

Таким образом, интерференция в данном случае носит синкретический характер, поскольку отклонения затрагивают одновременно категорию времени и вида, что обусловлено отсутствием видовой парадигмы в таджикском языке.

Следует подчеркнуть, что грамматическая интерференция является системным и частотным процессом в русской письменной речи таджиков-билингвов. Её проявления фиксируются как на уровне простого предложения (неверное построение, порядок слов, согласование), так и в сложных синтаксических конструкциях (неправильный выбор союзов, структура СПП).

Особую сложность для таджикоязычных билингвов представляют грамматические категории, отсутствующие в таджикском языке (род, падеж, видо-временные формы глаголов), а также морфологические и синтаксические особенности флексивной структуры русского языка, что формирует реальное и потенциальное поля интерференции.

Анализ данных по лексической интерференции позволил выявить основные типы лексической интерференции в русской речи таджиков, обучающихся в условиях билингвизма.

Лексическая интерференция проявляется преимущественно в форме:

- подмена значений;
- перенос одного перевода на несколько русских значений;
- калькирования и лексических заимствований;
- смешения паронимов и функциональной паронимии;
- нарушений при выборе предлогов, отражающих особенности грамматического оформления русской речи.

Лексическая интерференция в русской речи таджиков носит системный характер и отражает как специфику межъязыковых контактов, так и особенности билингвального мышления. Устранение негативных проявлений интерференции требует комплексного подхода, включающего психолингвистический анализ, контрастивные исследования и эффективные методики преподавания РКН (русский язык как неродной) РКИ (русский язык как иностранный).

В заключении необходимо подчеркнуть, что данное диссертационное исследование вносит значительный вклад в развитие социолингвистической теории функционирования русского языка в условиях двуязычия, а также позволяет уточнить подходы к анализу языковых единиц с позиции их восприятия и употребления в многоязычной среде. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, связанных с изучением роли и места русского языка в Республике Таджикистан, его статуса, функций, а также особенностей межъязыкового взаимодействия на уровне фонетики, лексики, грамматики: морфологии и синтаксиса.

Следует подчеркнуть, что в ходе социолингвистического анализа мы получили ценный эмпирический материал, раскрывающий механизм функционирования русского языка в условиях таджикско-русского билингвизма. Эти данные позволяют более глубоко осмыслить роль и функцию русского языка в формировании языковой картины мира билингвов,

а также выявить особенности его адаптации в общественно-политическом и образовательном дискурсе современного Таджикистана.

Результаты исследования подтверждают, что функционирование русского языка в Республике Таджикистан определяется комплексом социолингвистических факторов: историко-культурными предпосылками, статусно-функциональными характеристиками, языковыми установками и практиками носителей, а также институциональными механизмами регулирования языковой сферы.

Таким образом, полученные результаты открывают новые перспективы для прикладных исследований в области социолингвистики, когнитивной лингвистики и межкультурного взаимодействия, а также могут найти практическое применение в образовательной и коммуникативной сферах республики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов, В. В. Явление лингвистической интерференции при изучении специального перевода: на прим. рус., англ. и фр. яз в воен., техн. и юрид. пер.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Алимов, Вячеслав Вячеславович. – М., 1998. – 196 с.
2. Аввакумова, Е.А. Система обучения русскому языку и на русском языке в Республике Таджикистан: коллективная монография / Аввакумова Е.А., Винокурова М.А., Кочешкова И.Ю. и др. – Барнаул : АлтГПУ, 2022. – 98 с.
3. Алпатов, В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. №5 (17). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 15.02.2024).
4. Алпатов, В.М. Международная роль русского языка [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-rol-russkogo-yazyka> (дата обращения: 18.11.2024).
5. Алпатов, В.М. Русский язык в современном мире // Решение национально-языковых проблем в современном мире. – СПб., 2003. – С. 426–430.
6. Алтынбекова, О.Б. Законодательная основа функционирования русского языка в республиках Казахстан и Таджикистан // Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в государствах Средней Азии». – Душанбе, 2005. – С. 7-18.
7. Арутюнова, М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №1. [Электронный ресурс] URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-i-status-russkogo-yazyka-v-sssr-i-gosudarstvah-postsovetskogo-prostranstva>

(дата

обращения: 15.10.2023).

8. Агафонова, М. П. Сдвиг интонационного центра при реализации интонации незавершенности в русской речи носителей таджикского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sdvig-intonatsionnogo-tsentra-pri-realizatsii-intonatsii-nezavershennosti-v-russkoy-rechi-nositeley-tadzhikskogo-yazyka> (дата обращения: 05.03.2024).
9. Агафонова, М. П. Динамика таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации супrasegmentных единиц: дисс... на соис...кандидата филол. наук: 10.02.19 / Агафонова Марина Павловна. - С-ПГУ, 2021. – 434 с.
10. Алиева, К. Билингвизм: история и современность // Век глобализации. – 2022, № 3. – С. 132–139.
11. Алиханова, Д.Х. Процесс обогащения лексики таджикского языка русскоязычными заимствованиями // ELS. 2023. июнь. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-obogascheniya-leksiki-tadzhikskogo-yazyka-russkoyazychnymi-zaimstvovaniyami>
12. Аристова, В. М. К истории английских слов в русском языке: Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук (660). – Самарканд: 1968. – 37 с
13. Аристова, В.М. Англо-русские языковые контакты: англизмы в русском языке. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. – 151 с.
14. Багана, Ж. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков) / Ж. Багана, Ю.С. Блажевич // – Вестник ИГЛУ. 2011. № 2 (14). – С. 10-15.

- 15.Бодуэн И.А. де Куртенэ, Фонология. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ // – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1. – С. 253-361.
- 16.Баллод, Ж. О. Актуальные проблемы преподавания русского языка в Южной Корее на современном этапе // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2009. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-prepodavaniya-russkogo-yazyka-v-yuzhnoy-koree-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 15.10.2024).
- 17.Беликов, В. И. Социоллингвистика: учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с.
- 18.Баранникова, Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – 94 с.
- 19.Бритенкова, Н.В. Положение русского языка на Украине в контексте принятия закона «об основах государственной языковой политики»: реакция и мнения // Этнодиалоги. 2012. №3 (40). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-russkogo-yazyka-na-ukraine-v-kontekste-prinyatiya-zakona-ob-osnovah-gosudarstvennoy-yazykovoy-politiki-reaktsiya-i-mneniya> (дата обращения: 15.10.2024).
- 20.Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев: Вища шк., 1979. – 263 с.
- 21.Бабанов, А.В. Понятие транслингвистичности в сопоставительном описании славянских языков [Электронный ресурс] / А.В. Бабанов. – URL: <http://phil.spbu.ru/nauka/konferencii/arhiv/konferencii-2012-2013-gg/tezisy-tezisy-dokladov-xli-mezhdunarodnoi-filologicheskoi-konferencii> (дата обращения: 01.03.2023).
- 22.Борисенко, Н.А. Лексико-семантическая интерференция в русской речи на Украине (лингвистический и социоллингвистический аспект):

- автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Борисенко; Ин-т языковед. Им. А.А. Потебни АН УССР. – Киев, 1990. – 15 с.
23. Будник, Е.А. Фонетическая интерференция и иностранный акцент при обучении русскому произношению // *Lingua mobilis*. 2012. №3 (36). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskaya-interferentsiya-i-inostrannyy-aktsent-pri-obuchenii-russkomu-proiznosheniyu> (дата обращения: 16.07.2024).
24. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
25. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
26. Валиев, Н.У. Особенности изучения двуязычие в республике таджикистан / Н.У. Валиев, Р.Т. Назарова // Вестник педагогического университета (Серия 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин). 2020. №3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-izucheniya-dvuyazychie-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 15.10.2023).
27. Виноградов, В. А. Интерференция. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
28. Вишневская Г. М. Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – СПб, 1993. – 373 с.
29. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 264 с.
30. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. – М.: Прогресс, 1999. – С. 8-56.

- 31.Владыцкий, А.С. Постсоветское пространство в современной геополитической структуре мира // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskoe-prostranstvo-v-sovremennoy-geopoliticheskoy-strukture-mira> (дата обращения: 15.10.2024).
- 32.Верецагин, Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе. – 1968. – №4. – С. 103-110.
- 33.Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове: учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов. - Москва: Высш. шк., 3-е изд., испр. 1986. – 639 с.
- 34.Володарская, Э. Ф. Сопоставительный анализ исторического развития русского и английского языков: лингвистический баланс синтетичности/аналитичности / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2008. – № 3(30). – С. 6-13.
- 35.Григорьев, В.П. Вопросы культуры русской речи у нерусского населения СССР / Григорьев В.П., Исаев М.И., Махараблidge Г.А // Тезисы докладов конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения народов СССР. – Казань, 1964. – С.25-28.
- 36.Гураль, С.К. Формирование поликультурной многоязычной личности нового типа посредством третьего иностранного языка / Гураль С.К., Павленко Е.И. // – Язык и культура. 2011. № 2 (14). – С. 115-120
- 37.Гольцекер, Ю.П. Межъязыковая омонимия и полисемия как специфические проблемы в переводах с родственных языков / Ю.П. Гольцекер // Труды Самаркандского университета. – 1971. – Вып. № 205. – С. 129-136
- 38.Голик М.Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота,

2016. № 1(55): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 108-110. [Электронный ресурс] URL: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/29.html
39. Григорян, А.А. Обучение русскому языку студентов из туркменистана / Григорян А.А., Попкова Е.Б. // Филологический класс. 2021. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-russkomu-yazyku-studentov-iz-turkmenistana> (дата обращения: 15.10.2024).
40. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
41. Добродомов, И. Г. Заимствование / И. Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 158-159.
42. Данилина, Е.К. Ошибки, вызванные грамматической интерференцией (на примере письменных работ студентов) // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» №4 (4), 2013. – С. 299-301.
43. Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика / Ю.Д. Дешериев. – М., 1977. – 383 с.
44. Демидчик, Л.В. Фонетическая реализация и функциональная нагрузка восходяще-нисходящей интонации в речи русской молодежи (экспериментально-фонетическое исследование). – СПбГУ. - 2009. – 30 с.
45. Дьячков М.В., Абрамова Е.И. Об истории языковой политики в России (часть 2) / Дьячков М.В., Абрамова Е.И. // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istorii-yazykovoy-politiki-v-rossii-chast-2> (дата обращения: 15.10.2023).
46. Джабборовва, М.Т. Социолингвистические аспекты таджикско-русского билингвизма в Республике Таджикистан // Сборник докладов

- международных научных и научно-методических мероприятий, посвященных 120-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – Москва, 2020. – С. 39-45
47. Джабборова, М.Т. Глагольные фразеологические единицы русского языка и влияние интерференции в речи студентов-билингвов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. - №3 (85). – С. 16-25
48. Джабборова, М.Т. Новые задачи обучения русскому языку в контексте модернизации вузовского образования. – Душанбе, Ж. «Русский язык и литература в школах Таджикистана», №2. – Душанбе, 2010. – С. 5-9.
49. Егоров, В.Г. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-globalnom-lingvokulturnom-prostranstve> (дата обращения: 15.10.2024).
50. Егорова, И. В. Психолого-педагогический аспект фонетической интерференции и ее роль в обучении иностранным языкам. Развитие современного образования: теория, методика и практика. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс» (Чебоксары). ISSN: 2413-4007 - № 2(4), - 2015. – с. 128-131.
51. Ершова, Е. Н. О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 130-139.
52. Жлутенко, Ю.А. Лингвистические проблемы двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.
53. Затовканюк, М. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) / М. Затовканюк // Русский язык за рубежом. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – №2. – С.74 – 77.

54. Закон Республики Таджикистан «О языке» от 22 июля 1989 года № 150 // [Электронный ресурс]: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905 (дата обращения 10.10.2023)
55. Закон Республики Таджикистан «О Государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 года №553 // [Электронный ресурс]: - URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=29442 (дата обращения 10.10.2023).
56. Зязиков, М.М. Русский язык и его роль в современном мире // Казачество. 2016. №1 (14). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-i-ego-rol-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 15.10.2023).
57. Зыгарь, М.В. Вся кремлевская рать: Краткая история современной России. – М.: Интеллектуальная литература, 2021. – 481 с.
58. Иванов, В.Б. Акустические характеристики словесного ударения в персидском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 . – М., 1975. – 24 с.
59. Иванов В.Б. Учебник таджикского языка для стран СНГ. Часть 1./ В.Б.Иванов, Е.В.Семенова, Х.О. Хушкадамова. – М.: МГУ, Ин-т стран Азии и Африки, 2009. – 232 с.
60. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель. – Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. – 60 с.
61. Индекс положения русского языка в современном мире за 2024 год. Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А.

- Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель.
– Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
2024. – 60 с. <https://www.pushkin.institute/index-russkogo-yazyka/>
62. Карлинский, А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1980. 434 с.
63. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: Голым, 1990. – 181 с.
64. Кетцян Г.В. Некоторые особенности языковой политики и проблемы функционирования русского языка в странах СНГ // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2011. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-yazykovoy-politiki-i-problemy-funktsionirovaniya-russkogo-yazyka-v-stranah-sng> (дата обращения: 15.10.2023).
65. Колыхалова, О. А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. А. Колыхалова. – М., 1999. – 344 с.
66. Куровская, Ю.Г. Положение русского языка в условиях интеграции и дезинтеграции стран Россия – Армения / Куровская Ю.Г., Мариносян Т.Э. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. №3 (24). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-russkogo-yazyka-v-usloviyah-integratsii-i-dezintegratsii-stran-rossiya-armeniya> (дата обращения: 15.10.2024).
67. Кудоярова, Т.В. Проблемы функционирования и изучения русского языка в постсоветском Таджикистане // Русистика. 2010. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-funktsionirovaniya-i-izucheniya-russkogo-yazyka-v-postsovetskom-tadzhikistane> (дата обращения: 15.10.2024).
68. Кудоярова, Т.В. Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана // Полилингвильность и транскультурные практики.

2010. №3. [Электронный ресурс] URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-obrazovatelnoy-srede-turkmenistana> (дата обращения: 15.10.2022).
69. Колесниченко, М. А. К вопросу об интерференции в теории языковых контактов // Язык и культура. – Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества. 2013. № 9. – С. 182-186.
70. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968.
71. Комиссаров, В. Н. Проблема интерференции в теории перевода // Interferenz in der Translation. Herausgegeben von Heide Schmidt VEB Verlag Enzyklopädie. – Leipzig, 1989. – С. 103-108.
72. Конституция Республики Таджикистан // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (дата обращения 10.10.2024).
73. Кубланова, М. М. Языковая интерференция на уровне интонации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.М. Кубланова. – Москва, 2003. – 24 с.
74. Ковтун, Л.В. Русский язык в мировом языковом пространстве // Вестник славянских культур. 2016. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-mirovom-yazykovom-prostranstve> (дата обращения: 15.10.2023).
75. Куровская, Ю.Г. Языковая политика в странах постсоветского пространства: сравнительно-сопоставительный анализ // Вестник БГУ. 2015. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-stranah-postsovetskogo-prostranstva-sravnitelno-sopostavitelnyy-analiz> (дата обращения: 15.10.2024).
76. Калущков, В.Н. На Украине и в Украине: взгляд культургеографа // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и

- межкультурная коммуникация. 2017. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-ukraine-i-v-ukraine-vzglyad-kulturgeografa> (дата обращения: 15.10.2024).
77. Кузнецова, И.Н. Теория лексической интерференции на материале французского языка: автореферат диссер... на соискание ученой степени док-ра филол. наук: 10.02.05 – романские языки. – М.: 1988. – 54 с.
78. Кудоярова, Т.В. Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2010. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-obrazovatelnoy-srede-turkmenistana> (дата обращения: 15.10.2024).
79. Кусаль, К. Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: дис. ...доктора филол. наук: 10.02.03 / К.Ч. Кусаль; СанктПетербург. гос. ун-т.: СПб, 2005. – 224 с.
80. Кулик, В. Языковая идеология в украинских политических дискурсах. – М.: Отечественные записки, 2007. – № 1. – С. 299-313.
81. Лашгари, Э. Словесное ударение в аспекте русско-персидских языковых контактов: автореферат дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20 / Лашгари Элхамех; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2010. – 26 с.
82. Легостаева, О. В. Билингвизм и проблемы межкультурной коммуникации / О.В. Легостаева // Актуальные вопросы современной науки. – 2014. №31. – С. 94-103.
83. Любимова, Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (Экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1991. – 375 с.
84. Любимова, Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке: (В условиях фин.-рус. двуязычия) / Н. А. Любимова; Науч. редактор М. В. Городина; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 193 с.

85. Любимова, Н.А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия: автореф. дисс. ...докт. филол. наук / Н.А. Любимова. – СПб., 1991. – 33 с.
86. Любимова, Н.А. Психолингвистические основы обучения фонетике второго языка/ Н.А.Любимова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1 -2 ноября 2014 года). - Том 1 РОПРЯЛ, 2014. – С. 124-129
87. Любимова, Н.А. Интерференция звуковых систем: межъязыковой и внутриязыковой характер проявления в ситуации общения «носитель – не носитель данного языка» / Н.А. Любимова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: в 15 т. - М.: Наука, 2015. - Т. 11. - С. 173-177.
88. Летняков, Д. Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии / Д. Э. Летняков // Политика. – 2015. – № 4 (79).
89. Макеева, И. Б. Учет особенностей туркменской культуры и языка при обучении РКИ студентов из Туркменистана / И. Б. Макеева. – [Электронный ресурс] URL: <http://docplayer.ru/30443150-Uchet-osobennostey-turkmenskoykultury-i-yazyka-priobuchenii-rki-studentov-iz-turkmenistana.html.pdf> (дата обращения: 03.09.2022).
90. Мамедов, Б. Б. Функционирование русского языка в Туркменистане / Б. Б. Мамедов // Материалы международной научно-практической конференции специалистов-филологов и преподавателей русистов по проблемам функционирования, преподавания и продвижения русского языка за рубежом. – М.: Федеральное агентство по образованию; Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2007. – С. 319-321.

91. Мариносян, Т.Э. Деятельность славянских университетов как фактор укрепления единого гуманитарного и образовательного пространства государств - участников СНГ // Ценности и смыслы. 2014. №3 (31). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-slavyanskikh-universitetov-kak-faktor-ukrepleniya-edinogo-gumanitarnogo-i-obrazovatel'nogo-prostranstva-gosudarstv> (дата обращения: 15.10.2023).
92. Мариносян, Т.Э. Укрепление единого образовательного пространства Содружества Независимых государств с позиции взаимоотношений педагогической науки и образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. №3 (12). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukreplenie-edinogo-obrazovatel'nogo-prostranstva-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-s-pozitsii-vzaimootnosheniy-pedagogicheskoy> (дата обращения: 15.10.2024).
93. Мартине А. Распространение языков и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике: Языковые контакты. – Вып. VI. – М.: Прогресс, 1972. – С. 81-93.
94. Мурдускина, О. В. Синтаксическая интерференция при переводе и способы ее преодоления у студентов - будущих переводчиков / Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (101). – С. 74-77.
95. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика. 2-е изд. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 208 с.
96. Межецкая, Г.Н. Интерференция в письменном переводе студентов неязыковых направлений подготовки // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3 (56). – С. 93-96.
97. Нагзибекова, М.Б. Русский язык в Таджикистане // Slavica Helsingiensia 35. С любовью к слову / Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Ed. by Jouko Lindstedt et al. – Helsinki, 2008. – С. 233–241.

98. Нарожная, О.Г. Заимствования в современном русском языке в практике преподавания дисциплины «русский язык и культура речи» / О.Г. Нарожная, Д.И. Горшкова // Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе. 2019. Т. 8. № 1. С. 41-44.
99. Назарова, М.К. К педагогическому аспекту двуязычия. // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 12-25.
100. Назарова, Р. Проблемы изучения русского языка в таджикистане // Вестник педагогического университета (Серия 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин). 2020. №2 (2). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-russkogo-yazyka-v-tadzhikistane> (дата обращения: 15.10.2023).
101. Наумова, Е.В. Экспериментально-фонетическое исследование просодико-интонационной интерференции в русской речи билингвов / Е.В. Наумова, С.С. Хромов // Фонетика в системе языка: сб. статей. – М.: РУДН, 2002. Вып. 3. Ч. 2. – С. 37-46.
102. Никитин, С.В. Национально-языковая политика в республиках Российской Федерации (1992–1993). Информационно-аналитический обзор / С.В. Никитин. – М.: Ин-т. нац. пробл. образования, 1995. – 47 с
103. Нозимов, А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы: автореферат дис. ... доктора филол. наук. – Душанбе, 2010. – 51 с.
104. Павлов, А. С. Статус и положение русского языка в казахстане, его роль в системе образования республики // Казачество. 2022. №61 (4). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-i-polozhenie-russkogo-yazyka-v-kazahstane-ego-rol-v-sisteme-obrazovaniya-respubliki> (дата обращения: 16.06.2025).
105. Петров А. В. Страны постсоветского пространства. – Иркутск: Изд-во ИГУ. 2012. – 173 с.

106. Попова, М.В. Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №6 (797). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-interpretatsii-ponyatiya-interferentsiya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-nauke> (дата обращения: 15.10.2023).
107. Поддубская, Т.А. Роль русского языка в медиасистеме стран СНГ в период обострения международных отношений // Преподаватель XXI век. 2015. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-mediasisteme-stran-sng-v-period-obostreniya-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 15.10.2024).
108. Платонов К. К. О системе психологии. – М.: Мысль, 1972. – 216 с.
109. Потапов, В. В. Опыт лингвоконтрастивного исследования фонетических систем английского и русского языков // Филологические науки. 1994. № 2. – С. 88-99.
110. Панова, Р.С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskaya-interferentsiya-v-russkoy-rechi-kitaytsev> (дата обращения: 07.12.2019).
111. Попова М.В. Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №6 (797). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-interpretatsii-ponyatiya-interferentsiya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-nauke> (дата обращения: 09.07.2024).

112. Подольская, Т. Е. К вопросу о фонетической интерференции / Т. Е. Подольская, Т. С. Богомазова // Иностранные языки в школе. 1979. № 1. С. 71–80.
113. Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистан: коллективная монография / Шамбезода Х.Д., Дубовицкая И.М., Гусейнова Т.В. и др. – Душанбе, 2006. – 200 с.
114. Розенцвейг, М. Ю. Проблемы языковой интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975. – 50 с.
115. Романов, А.Ю. Запуск первого советского спутника и русский язык в США // МИРС. 2017. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapusk-pervogo-sovetskogo-sputnika-i-russkiy-yazyk-v-ssha> (дата обращения: 10.10.2023).
116. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. – М.: Наука, 1972. – 80 с.
117. Рустамов, Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: автореферат докторской диссертации. – Душанбе, 1972. – 41 с.
118. Рыльский, М.Ф. Мистецтво перекладу: Статті. Виступи. Нотатки / М.Ф. Рыльский. – Київ: Рад. Писменник, 1956. – 344 с.
119. Семчинский, С.В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов): автореф.дис. ...д-ра филол.наук / С. В. Семчинский. – Киевский гос. ун-т, Киев: Вища шк., 1973. – 34 с.
120. Семенова, Л.У. О формировании культуры русской речи у студентов-билингвов // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №59. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-kultury-russkoy-rechi-u-studentov-bilingvov> (дата обращения: 15.10.2024).

121. Судакова, Н.Я. Из истории методики преподавания русского языка в нерусской школе [Текст] / М-во просвещения ДагАССР. Ин-т усовершенствования учителей. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1972. Ч. 1. - 1972. – 247 с.
122. Снежкова И.А. Языковая политика на Украине как инструмент национальной дискриминации // Власть. 2021. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-na-ukraine-kak-instrument-natsionalnoy-diskriminatsii> (дата обращения: 12.02.2025).
123. Золян, С.Т. Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья, Златоуст. – Санкт-Петербург 2013. – С. 73-74.
124. Слесарева, И.П. Проблемы описания и преподавания лексики [Текст] / И.П. Слесарева. – М.: Русский язык, 1980. – 182 с
125. Суляк, С.Г. Русский язык в Молдавии // Русин. 2010. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-moldavii> (дата обращения: 15.10.2024).
126. Сладкевич, Ж.Р. Образ современной России в языке и культуре: тематический номер «русского обозрения» // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovremennoy-rossii-v-yazyke-i-kulture-tematicheskiiy-nomer-russkogo-obozreniya> (дата обращения: 15.10.2024).
127. Стернин, И. А. Основные категории и постулаты когнитивной лингвистики \ И.А.Стернин, А.В.Рудакова. – Воронеж, 2011. – 192 с
128. Тотавар, В. Русистика в Индии // Вестник НовГУ. 2007. №43. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusistika-v-indii> (дата обращения: 15.10.2024).
129. Тимофеев, С. Н. Межъязыковая интерференция и установление конкретных случаев ее проявления при контакте французского и

- русского языков: (на уровне звуков) // Теоретические и практические проблемы прикладной лингвистики. – М., 1988. – С. 115-136.
130. Усмонов, Р. А. Русский язык в культуре и политике Таджикистана // Язык. Словесность. Культура. – 2011, №2. – С. 22.
131. Финкель, А.М. Об автопереводе (на материале авторских переводов Г.Ф. Квитки-Основьяненко) / А.М. Финкель // Теория и практика перевода. – Ленинград, 1962. – С. 110-114.
132. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – 530 с.
133. Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 344-382.
134. Хашимов, Р.И. Двухязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование: монография. – М.: ФЛИНТА, 2018, 2-ое издание, стереотипное. – 320 с.
135. Холназаров, Д.М. Типологическое сопоставление интонационных систем таджикского и русского языков (фонологический аспект): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.02. – Душанбе, 1991. – 23 с.
136. Щерба, Л.В. К вопросу о двухязычии / Л.В.Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 427с.
137. Щерба, Л.В. О понятии «смешение языков» // Л.В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. - 1958. – 182 с.
138. Целищев Н.Н. Роль русского языка в современном мире // АОН. 2014. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 15.10.2023).
139. Чернышова, А.О. Интерференция в русской речи носителя английского языка / А.О. Чернышова, Э. Салливан // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3 (56).

<https://cyberleninka.ru/article/n/interferentsiya-v-russkoy-rechi-nositelya-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 07.12.2019).

140. Чиршева, Г. Н. Возрастная билингвология: учебник для вузов / Г. Н. Чиршева. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 166 с.
141. Шамбезода, Х.Дж. Функциональная дистрибуция языков многочисленных народов в условиях многоязычия (на материале функционирования языков Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан): монография. – Душанбе, Ирфон, 2007. – 373 с.
142. Шамбезода, Х.Д. Роль и место русского языка в условиях многоязычного Таджикистана.// Материалы XIII Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». Москва, 20–23 апреля 2023 г. – С.421-426.
143. Шестак, Л.А. Русский язык в мире и мир в русском языке: язык как будущее // Известия ВГПУ. 2011. №8. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-mire-i-mir-v-russkom-yazyke-yazyk-kak-budushee> (дата обращения: 15.10.2024).
144. Шинкаренко, Е. В. Явление лексической интерференции в украинской речи молодежи Кировоградчины: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1995. – 18 с.
145. Шухардт, Г. Избранные статьи по языкознанию / пер. с нем. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.
146. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – 427 с.
147. Щербакова, М. В. Особенности обучения второму иностранному языку студентов языковых факультетов // Вестник ВГУ. 2003. № 2. – С. 85-88.

148. Щепилова, А.В. Современные методы социолингвистических исследований. – М.: Издательский центр «Академия», 2018.
149. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. – М.: Наука, 1976. – 174 с.
150. Эгамзод, М. Мифы и факты о русском языке в Таджикистане [Электронный ресурс] URL: <http://www.centrasia.ru/newsA>.
151. Юсупов, Р.А., Нуреева Д.Н. Особенности лексико-семантической системы разноструктурных языков / Р.А. Юсупов, Д.Н. Нуреева // – Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2014. № 1 (35). – С. 132-136
152. Ян Ф. Обучение русскому языку китайских студентов-русистов в грамматическом аспекте //Язык и культура. 2014. № 1 (25). – С. 168-175
153. Ямасита Марико Русский язык в Японии // МИРС. 2010. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-yaponii> (дата обращения: 15.10.2024).
154. Яцимирский А.И. Язык славянских грамот молдавского происхождения // Статьи по славяноведению. Вып. 3 / под ред. В.И. Ламанского. – СПб., 1910. – С. 155-177.
155. Suryanarayan Neelakshi The role of the Russian language in India's healthcare sector // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. №3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-role-of-the-russian-language-in-india-s-healthcare-sector> (дата обращения: 15.10.2024).
156. Цзян Ин Лексическая интерференция в китайских рекламных вывесках на русском языке в приграничном городе КНР / Цзян Ин // – Вестник ТГПУ. 2017. № 7 (184). – С. 71-77.

Справочные издания

157. Асимов, М.С. Русско-таджикский словарь / М.С. Асимов. – М.: Русский язык: 1985 – 1280с.

158. Виноградов, В. А. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энц., 1990. – 688 с.
159. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1985, – 356 с.
160. Искандарова, Ф.Д. Учебник таджикского языка для стран СНГ / Ф.Д. Искандарова, С.Х. Хашимов. – Душанбе, 2014. – 352 с.
161. Калонтаров, Я.И. Луғати мухтасари тоҷикӣ-русӣ / Я.И.Калонтаров. – Душанбе: Маориф., 1988. – 333 с.
162. Мошеев, И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков. – Душанбе: ГПИ, 1991. – 230 с.
163. Попов, М. Б. Фонетика современного русского языка: учебник по курсу «Фонетика современного русского языка». – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 303 с.
164. Саймиддинов, Д. Таджикско-русский словарь 70000 слов и выражений: Издание второе, дополненное и исправленное // Д. Саймиддинов, С.Д.Холматова, С.Каримов. Душанбе. – 2000.
165. Финагина, Ю.В. Русский язык как иностранный. Пособие по чтению: учеб. пособие/ под ред. Н.А. Дмитренко. – СПб.: НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2014. – 81 с.
166. Хауген, Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. – Вып. VI. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – С. 344-382.
167. Энциклопедический словарь: под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.
URL: www.vehi.net/brokgauz